

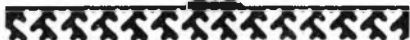
А. В. Головнев

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ
хозяйства народов
Северо-Западной
СИБИРИ**

А. В. Головнев

**Историческая
типология
хозяйства народов
Северо–Западной
Сибири**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1993**

ББК ТЗ(2Р53)0
Г61

Рецензенты

доктор исторических наук Н. В. Лукина
кандидат исторических наук Е. П. Мартынова
кандидат исторических наук А. М. Сагалаев

Головнев А. В.

Г61 Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. — 204 с.

ISBN 5-7615-0121-X

В книге воссоздается целостная картина развития хозяйства народов тайги и тундры Западной Сибири (ненцев, хантов, манси и селькупов) на протяжении последних 400 лет. Автор исследует процессы становления и тесного взаимодействия локальных типов хозяйства и их влияние на этносоциальную ситуацию в крае, показывает экологическую обусловленность аборигенной экономики.

Для этнографов, археологов, историков Сибири, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов.

Г 0503020200 11-91
Ю63(03)-93

ББК ТЗ(2Р53)0

ISBN 5-7615-0121-X

© Головнев А. В., 1993

ВВЕДЕНИЕ

Хозяйство — настолько привычное для обыванного сознания и расхожее в научных исследованиях понятие, что строгих определений ему обычно не дается. Для него, например, в отличие от понятий „потребление“, „производство“, „труд“, не нашлось места в Своде этнографических понятий и терминов „Социально-экономические отношения и соционормативная культура“¹. Между тем по частоте употребления и емкости содержания оно едва ли уступает категориям „культура“ или „общественные отношения“.

Сказанное не означает призыва к поискам исчерпывающего определения хозяйства — поучительный пример множества попыток определения „культуры“ в зарубежной и отечественной науке показывает, что наряду с положительными итогами подобные поиски приводят к появлению дополнительной отрасли знания — своего рода историографии терминотворчества. Поэтому представляется достаточным обозначение общего подхода к предмету исследований.

Человеческую деятельность в целом можно подразделить на хозяйственную — производство материальных условий жизни — и социальную — обеспечение общественных условий жизни. Понимая культуру, вслед за Э. С. Маркаряном, как способ деятельности² или, еще определеннее, как средства деятельности, допустимо называть средствами хозяйственной деятельности материальную и экологическую культуры, средствами социальной деятельности — нормативную и духовную.

Поскольку субъект деятельности один — человек, виды деятельности и ее средства (формы культуры) взаимосвязаны, а результаты (в свою очередь превращающиеся в средства) сочетают качества различных культур: жилище несет не только материальную, но и социально-духовную нагрузку, религиозные представления освещают не только внутрисоциальные, но и социально-природные отношения. Однако каким бы многообразием не характеризовались отдельные явления, сущностная сторона (и соответственно структура) деятельности остается неизменной, воплощаясь в двух „натурах“ человека — естественной и социальной.

Из представления о хозяйстве как деятельности следует, что его история должна быть не перечнем изобретений, приемов, средств, отраслевых характеристик, а реконструкцией развития системы действий по производству материальных условий жизни. Системный подход к исследованию хозяйства имеет не только научно-познавательное, но и научно-практическое значение, так как пресмысленность форм хозяйства состоит прежде всего в действии закономерностей складывания хозяйственных систем (комплексов) на определенной территории, а не в механической передаче из века в век производственных средств и навыков.

При быстрых темпах современного индустриального освоения Западной Сибири игнорирование традиционных особенностей взаимоотношений общества и экологической среды чревато катастрофическими последствиями. По справедливому замечанию М. Ф. Косарева, „в древности зависимость человека от природного окружения была не более сильной, а более прямой и непосредственной. В дальнейшем, с развитием производительных сил, связь человека с природой становится все сложнее и опосредованнее. Эта опосредованность и породила позднее иллюзию независимости человека от окружающей среды“³.

Исследования хозяйства народов Севера Западной Сибири — ненцев, манси, хантов, селькупов — имеют свою историю, в которой можно выделить несколько основных этапов.

Первые попытки классификационного подхода к изучению хозяйства коренного населения Северо-Западной Сибири принадлежит участникам Академической экспедиции 1768—1774 гг. и И. Г. Георги и П. С. Палласу⁴. Оба автора, используя как собственные материалы, так и научные сборы сотрудников экспедиции (В. Ф. Зуева, И. И. Лепехина, Н. Озерцовского), дали целостную характеристику хозяйства ненцев, хантов и манси, выделив наиболее важные отрасли и указав на роль вспомогательных. Особенно отчетливо было обозначено положение ведущих хозяйственных занятий: „Главнейшее самоядцев упражнение... есть звериная ловля, особливо диких оленей“ (П. С. Паллас); „главный их (вогуличей. — А. Г.) промысел составляет звериная ловля“ (И. Г. Георги) и т. д. В то же время в обзорах названных авторов недостает географической и этнической определенности. По-видимому, основная часть материалов была собрана среди приуральских и туринских вогулов, северных остяков, обдорских самоедов, тогда как остальные группы коренного населения со свойствами и особенностями традиционной экономики в сочинениях И. Г. Георги и П. С. Палласа охарактеризованы не были.

Особо следует упомянуть работу В. Ф. Зуева (студента — в период работ Академической экспедиции, впоследствии — академика), опубликованную лишь в 1947 г.⁵ Его „Описание живущих

Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самосдов" содержит обстоятельное изложение годового цикла и отдельных способов ведения хозяйства. Автор указал на роль той или иной отрасли (к примеру, „вся их экономия состоит в содержании оленнего скота“), намстил различия в транспортных средствах нижеобских остяков (оленоводство) и тех, „кои выше по Оби расселились“ (коневодство). Вместе с тем в „Описании...“ В. Ф. Зуева не дифференцируются особенности хозяйственных циклов локальных групп населения Нижнего Приобья; порой невозможно определить этногеографический адрес излагаемых сведений. Уступая трудам И. Г. Георги и П. С. Палласа в „масштабности“, работа В. Ф. Зуева выгодно отличается богатством конкретных материалов и упорядоченностью приводимых данных.

Применительно к началу XIX в. наиболее подробная характеристика хозяйства коренного населения Северного Приобья дана Ф. Белявским⁶, врачом по специальности, проработавшим в Сибири три года. В его сочинении „Посадка к Ледовитому морю“ содержится описание хозяйства самаровских остяков, угорского и самодийского населения Нижней Оби, приводятся ценные своей „архаичностью“ материалы по отдельным видам и способам занятий остяков и самосдов. В середине XIX в. появляются еще более полные обзоры хозяйственных циклов коренного населения Северо-Западной Сибири в трудах М. А. Кастрена, А. Альквиста, Ю. И. Кушелевского⁷.

В целом работы исследователей XVIII—XIX вв., содержащие ценнейшие данные по традиционному хозяйству коренных жителей Приобья, некоторые обобщенные зарисовки хозяйственного уклада, замечания о роли и удельном весе отдельных видов занятий, носят описательный характер и страдают, с одной стороны, фрагментарностью, с другой — неопределенностью их соотношения с конкретными территориальными группами автохтонного населения. На данном этапе развития сибиреведения внимание авторов было привлечено главным образом экзотическими или наиболее существенными видами и способами занятий, вследствие чего типология хозяйства как таковая не проводилась. Вместе с тем упомянутые сочинения явились первично классифицированными обзорами и одновременно источниковой базой для позднейших типологических разработок.

Вторым этапом истории изучения хозяйства народов Северо-Западной Сибири были исследования этнографов-краеведов, деятельность которых координировалась образованными во второй половине XIX в. сибирскими научными центрами: Западно-Сибирским отделом РГО, Тобольским и Томским музеями, а в годы Советской власти — Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК. В числе наиболее значительных работ этого периода (конца XIX — начала XX в.) следует назвать труды А. А. Дунина-Горкавича, Б. Н. Го-

родкова, Л. Р. Шульца, И. Н. Шухова, И. Г. Юданова, В. Н. Скалона, М. Б. Шатилова, А. Куриловича⁸.

Для работ упомянутых исследователей характерно не только использование богатого полевого материала, но и привлечение статистических данных, в том числе переписей 1897, 1926—1927, 1932—1933 гг.; их хозяйственно-аналитические выкладки строго приурочены к определенным районам и хронологическим периодам; на место прежнего описания в целом остяков или самоедов приходит детальный обзор, а иногда и сравнительный анализ хозяйства территориальных групп коренного населения Тобольского Севера.

А. А. Дунин-Горкавич, первоначально самаровский лесничий, затем широко известный тобольский краевед, выделил у западно-сибирских народов отличавшиеся хозяйственной спецификой территориальные группы. Всех остяков он подразделил на лошадных и оленных, которые в свою очередь состояли из четырех групп, обособлявшихся по степени значимости оленеводства в хозяйственном цикле; особую группу его классификации представляли собой остяки бассейна Малой Сосьвы, не имевшие ни лошадей, ни оленей. „Звериный промысел“, по А. А. Дунину-Горкавичу, был основной отраслью хозяйства хантов Ваха и Югана, равносильным рыболовству занятием — у аганских и тромъеганских остяков, для каменных самоедов — вспомогательным при оленеводстве, для низовых — при оленеводстве и рыболовстве. Рыболовство определялось как ведущее занятие и главный источник существования населения Тобольского Севера, за исключением самоедов-олeneводов, а также ваховских и юганских остяков-звероловов. Автор показал значительные отличия в хозяйственных циклах каменных (олeneводо-звероловов) и низовых (олeneводо-рыболово-зверолово) самоедов. Исследования А. А. Дунина-Горкавича можно считать первым и весьма удачным опытом эмпирически разработанной классификации хозяйства коренного населения Северо-Западной Сибири.

Вслед за А. А. Дуниным-Горкавичем классификационную схему традиционного хозяйства хантов и манси предложил С. К. Патканов⁹. Он подразделил остяков на „две крупные сборные группы — лошадных, для которых главным средством передвижения служит лошадь, и оленьих, у которых перевозочным животным служит северный олень“. Первых, проживающих по Оби и Иртышу, С. К. Патканов охарактеризовал как оседлых, „более культурных“, основывающих хозяйство на рыболовстве и, в меньшей степени, охоте, заготовке дров для пароходов, лесном собирательстве. Хозяйства второй группы „кормятся оленеводством, которое однако, у сургутских остяков в общем слабо развито, в особенности в бассейне р. Югана, затем звероловством и рыболовством... Особняком среди остяков стоят обитатели бассейна М. Сосьвы, притока р. Сосьвы, которые не имеют ни коней, ни оленей и передвигаются

на лыжах, а тяжести перевозят на собачьих нартах, в которые впрягаются и сами". Манси С. К. Патканов определил как охотников и рыболовов; кроме того, „живущие в южной части Туринского округа и в Пермской губернии занимаются главным образом земледелием“.

Как видно, типология С. В. Патканова во многом является обобщением более подробной и точной классификации хозяйства А. А. Дунина-Горкавича. Опуская детальные замечания, следует отметить, что основными недостатками схемы Дунина-Горкавича — Патканова является акцент на средствах передвижения как главном показателе хозяйственной направленности, а также недоучет особенностей сочленения отдельных отраслей в целостных комплексах хозяйства.

Существенным дополнением к исследованиям А. А. Дунина-Горкавича были работы ряда авторов по отдельным территориальным группам коренного населения Приобья. Скрупулезный анализ локальных хозяйственных циклов был сделан Б. Н. Городковым (по ненцам Пура и Таза), В. Н. Скалоном и И. Г. Юдановым (по самодийскому населению Таза), А. Куриловичем (по ненцам Гыдана), М. Б. Шатиловым (по ваховским хантам), Л. Р. Шульцем (по салымским хантам и кондинским манси). Во всех этих разработках прослеживаются различия в хозяйстве населения верховий и низовий рек, отмечено, что на одной территории может сосуществовать или смыкаться несколько хозяйственных циклов (комплексов хозяйства). При объяснении хозяйственно-культурных особенностей той или иной группы населения авторы принимали во внимание естественно-географический фактор. Однако, несмотря на богатство фактического материала, обоснованность многих заключений, определенную стройность классификаций хозяйства, исследование конца XIX — начала XX в. имели сугубо эмпирический характер, в них почти полностью отсутствовал элемент историзма. Данное обстоятельство во многом объясняется тем, что большинство работ было выполнено краеведами, биологами, статистиками, имевшими побочное отношение к теоретическому народоведению.

С 20—30-х гг. текущего столетия начался новый этап изучения хозяйства коренного населения Северного Приобья, представленный работами советских этнографов, археологов, историков. Одной из основных тем в исследованиях 20—80 гг. является реконструкция древнего хозяйственного уклада аборигенного населения Северо-Западной Сибири. Первым шагом в этом направлении было открытие В. Н. Чернецовым приморской зверобойной культуры на севере Ямала¹⁰. В последующий период трудами В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской положено основание археолого-этнографическому реконструированию хозяйства древнего населения Нижнего Приобья и Нижнего Прииртышья (памятники Усть-Полуй, Честый-яг,

Потчеваш и др.)¹¹. В настоящее время палеоэкономическая проблематика представлена в работах многих советских археологов¹².

Обстоятельный анализ хозяйства древнего населения Северо-Западной Сибири содержится в исследованиях М. Ф. Косарева, основанных на сопоставлении археологических, этнографических и экономических данных. Автор разработал типологию хозяйства автохтонов Западной Сибири, согласно которой в бронзовом веке на территории Западно-Сибирской равнины сосуществовали две основные культурно-хозяйственные зоны — охотничье-рыболовная (таежная) и пастушеско-земледельческая (степная); в контактной полосе сложился „гибридный“ культурно-хозяйственный ареал с многоотраслевым хозяйством, сочетавшим производящие и промысловые виды занятий. В рамках таежной зоны М. Ф. Косарев выделил четыре „разновидности присваивающего хозяйства“, различающиеся между собой преимущественной ориентацией на какой-либо определенный вид промысла: коллективная загонная охота на лесных копытных на путях их сезонных миграций (лесное Зауралье); бродячая охота на северного оленя (зона тундры); полуседлое охотничье-рыболовное хозяйство с сезонным чередованием охотничьего (преимущественно зимнего) и рыболовного (преимущественно летнего) промыслов (таежное Обь-Иртышье); оседлое рыболовство (Нижнее Притоболье).

Из четырех перечисленных типов присваивающей экономики наиболее традиционными были первые три (они существовали с каменного века до этнографической современности). Что касается оседлого рыболовства в нижнем Притоболье, то этот тип присваивающегося хозяйства был своего рода историческим эпизодом, и расцвет его относится в основном к переходному времени от неолита к бронзовому веку. Эти типы хозяйства, согласно заключению М. Ф. Косарева, явились в древности единственно возможными, самыми рациональными вариантами адаптации аборигенного населения к экологическим условиям севера Западной Сибири¹³.

Значительный вклад в изучение истории хозяйства коренного населения Северного Приобья был внесен советскими историками, опиравшимися в своих исследованиях на летописные и архивные источники¹⁴. С. В. Бахрушин ввел в научный оборот большое количество ценных архивных данных, определил основные формы экономики ненцев и обских угров в XVII столетии. А. И. Мурзина показала, что в XVIII—XIX вв. по хозяйственной специфике манси подразделялись на южных (оседлых земледельцев и скотоводов), северных (охотников) и дялинско-сосьвинских (оленоводов). Н. А. Миненко принадлежит первый целостный исторический очерк хозяйства аборигенного населения Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в., хотя типологии хозяйственных форм автор не проводила.

Основное место в исследовании экономики ненцев, селькупов, хантов и манси занимают работы этнографов-североведов (Л. В. Хомич, З. П. Соколовой, Г. И. Пелих, В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной), многие из которых содержат подробные описания хозяйства отдельных народов Западно-Сибирского Севера¹⁵. Некоторые исследователи уделяли внимание изучению причин и процесса складывания особенностей хозяйства этнотерриториальных групп (Б. О. Долгих, В. И. Васильев, А. И. Пика)¹⁶. Специальному анализу подверглись отдельные отрасли хозяйства — запорное рыболовство обских угров (В. И. Васильев)¹⁷, пушной промысел (П. Н. Павлов)¹⁸, оленеводство (В. И. Васильев, Л. В. Хомич, И. И. Крупник, Н. В. Лукина, Г. И. Пелих, И. Н. Гемуев, В. А. Козьмин)¹⁹. Осуществлены первые опыты этнографических реконструкций хозяйства древних охотников на дикого оленя (Ю. Б. Симченко)²⁰ и приморских зверобоев северной тундры Западной Сибири (И. И. Крупник)²¹.

Более подробно названные исследования будут рассмотрены в соответствующих разделах работы. В целом же современный этап изучения традиционного хозяйства коренного населения Западно-Сибирского Севера характеризуется многоплановостью проводимых исследовательских работ, накоплением огромного фактического материала. Вместе с тем можно отметить неравномерность в охвате проблем экономики (если хозяйство ненцев подверглось разностороннему анализу, то этого нельзя сказать о селькупках, хантах и манси; если оленеводству посвящено множество работ, то промыслам уделено недостаточно внимания), отсутствие методического комплекса исследований, слабую разработанность вопросов исторического развития и типологии хозяйства.

В 50—80 гг. интерес этнографов к типологическим исследованиям значительно возрос. Начало разработке обобщенной типологии хозяйственно-культурных форм у народов Сибири было положено совместной работой М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова²². С того времени основным в систематизации хозяйственно-культурных явлений выступает предложенное С. П. Толстовым, М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым понятие „хозяйственно-культурных типов“ (ХКТ), представляющих собой „исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитавших в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития“²³. Однако за три десятилетия развития данной типологии среди исследователей наметились существенные разногласия. Симптоматично увеличение числа ХКТ и подтипов до 44, тогда как первоначально их было выделено шестеро меньше²⁴. При этом аргументация ряда авторов относительно правомерности обособления новых ХКТ звучит весьма убедительно. Таковы результаты изучения хозяйства тувин-

цев С. И. Вайнштейном, народов Средней Азии — Т. А. Жданко, казахов — В. П. Курьеловым и А. В. Коноваловым, тюркоязычного населения южной и средней полосы Западной Сибири — Н. А. Томиловым²⁵.

Применительно к народам Сибири М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров выделили пять ХКТ: таежных охотников и рыболовов, арктических охотников на морского зверя, рыболовов бассейнов крупных рек, охотников-олсеноводоо тайги, олсеноводоо тундры. Ханты и манси были отнесены к первому и третьему типам, ненцы — к пятому. ХКТ арктических охотников на морского зверя, по мнению авторов, был представлен эскимосоами, приморскими чукчами, отчасти коряками, но, судя по археологическим данным, прежде „он был широко распространен по берегу Ледовитого океана далеко на Запад“. Уточняя эту классификацию, Я. В. Чеснов обособил ХКТ охотников тундры и лесотундры, распространенной у нгансан, энцев, отчасти юкагиров и пережиточно у саамов, ненцев, чукчей и т. д.²⁶ И. И. Крупник назвал этот тип „охотники-рыболовы-олсеноводоо (охотники-олсеноводоо) тундры“, поскольку основу их экономики составляла охота (в первую очередь на дикого олсена), а также рыболовство, тогда как олсеноводоо имело подсобное (транспортное) значение²⁷.

Некоторые авторы считают недопустимой „минимизацию“ ХКТ, предлагая (Г. Е. Марков) соотнести ХКТ с крупными этапами разделения труда и социально-экономического развития²⁸. В этой связи примечательно, что авторы хозяйственно-культурной типологии М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров указывали на неправомерность установления „обязательной связи между хозяйственно-культурными типами и определенными этническими общностями“, тогда как Я. В. Чеснов, напротив, выдвигает положение об этническом аспекте (этнизации) ХКТ²⁹.

Таким образом, в современной советской этнографии обозначились две тенденции: оценка ХКТ как крупной типологической единицы и, наоборот, стремление отразить посредством ХКТ детальные хозяйственно-культурные явления. Однако различия в толковании ХКТ этим не исчерпываются: А. Ф. Анисимов идентифицировал понятие „хозяйственно-культурный тип“, „тип хозяйства“, „тип хозяйственного комплекса“³⁰; П. Вереш считает возможным отождествление ХКТ с „укладом жизни“, „основой обществснно-экономического уклада“³¹.

Устоявшаяся методика хозяйственно-типологических исследований отсутствует и в зарубежном народоведении. „Культурным зонам“ Ф. Ратцеля, „провинциям“ Л. Фробениуса, „кругам“ Ф. Гребнера присущ общий недостаток: все они основаны на суммировании пространственных показателей распространения отдельных элементов культуры, которые вне зависимости от их природы равновелики

по удельному весу в типологии. Несколько иной облик имеют „культурные круги“ В. Шмидта, расположенные в эволюционно-стадиальном порядке; классификация „форм хозяйства“ Э. Гроссе основана на учете уровня развития и структуры экономики.

Американский антрополог О. Мэсон ввел в науку понятие „культурный ареал“, обозначающий локальный культурный комплекс, специфика которого определяется особенностями окружающей среды. К. Уисслер, сделав упор на признаке материального обеспечения, переименовал „культурный ареал“ в „пищевой“ („кормовой“). Итогом работ А. Крэбера и его учеников было значительное увеличение количества „ареалов“ и „субареалов“; при этом, в отличие от К. Уисслера, А. Крэбер акцентировал внимание не на „пищевом факторе“, а на культурном многообразии, чем главным образом и объясняется умножение числа „ареалов“. Дж. Стюард заменил классификационную единицу „культурный ареал“ понятием „культурный тип“, который характеризуется не всем набором черт культуры, а лишь основными элементами („ядром культуры“) при доминировании экономического фактора³².

В последние годы для обозначения хозяйственной специфики отдельных групп населения американскими антропологами применяется понятие „система жизнеобеспечения“, „модель жизнеобеспечения“, „способ существования“³³. Я. В. Чеснов считает, что система жизнеобеспечения, представляющая собой приобретения обществом (социально-бытовым организмом) жизненных средств, взаимосвязана с ХКТ, „причем последние выступают как таксономически более высокая единица“³⁴. Однако понятие „жизнеобеспечение человека“, по справедливому замечанию В. И. Козлова, означает удовлетворение как биологических, так и в равной мере и социальных потребностей людей³⁵. Более того, система жизнеобеспечения — это по сути дела весь комплекс хозяйственной и социальной деятельности человека, то есть не только по „таксономии“, но и по содержанию ХКТ и система жизнеобеспечения существенно различаются. В этом смысле рассматриваемое понятие совпадает с известным в советской науке „способом производства общественной жизни“, под которым подразумевается „совокупность всех форм жизнедеятельности людей и их общественных отношений, которые направлены на производство и воспроизводство собственной жизни, а также средств к жизни и которые, будучи обусловлены определенными природными и социальными факторами, обеспечивают воспроизводство общества как целостного развивающегося социального организма“³⁶.

Финский исследователь М. Линкола предложил называть группы саамов, выделяющиеся хозяйственной спецификой, эколого-этническими группами, которые „следует в первую очередь рассматривать как теоретические условные модели, созданные учеными, чтобы

наглядно представить реальную хозяйственно-культурную градацию саамов³⁷. Однако и эколого-этнические группы, число которых у саамов оказалось равным девяти, едва ли можно считать универсальной типологической единицей: внешние связи групп в ряде случаев преобладали над внутренними, что свидетельствует о существовании более крупных, наряду с названными, хозяйственных образований.

Конструирование универсальной типовой модели хозяйственного организма едва ли возможно, и в настоящей работе подобная задача не ставится. Типология хозяйства имеет иную цель — выявление специфики различных форм хозяйственной деятельности и определение характера их соподчинения.

Изучение хозяйства как системы материально-практической деятельности определенной общности людей, подобно анализу любой сложнодинамической системы³⁸, требует сочетания трех плоскостей исследования — предметной, функциональной и исторической. Предметный аспект предполагает определение компонентного состава и структуры, функциональный — исследование механизма внутренней жизнедеятельности и внешних контактов системы, исторический — изучение ее генезиса.

Для выявления компонентов системы и их связей приемлем путь классификации — группировки эмпирического материала по определенным признакам, при этом обязательным условием является „сохранение единого принципа деления для решения каждой классификационной задачи“³⁹. Однако классификация выступает лишь промежуточной стадией систематики между эмпирическим знанием и системой⁴⁰. Для функционального анализа внутренней организации и внешнего действия системы необходимо применение дедуктивного способа — систематизации, которая, в отличие от классификации, „исходит не из эмпирически данного и потому неизбежно случайного по составу и объему множества сопоставляемых явлений, а из теоретического конструирования идеального объекта исследования как некой целостности, внутренняя дифференцированность которой есть результат закономерности ее строения“⁴¹. Изучение генезиса системы возможно лишь на уровне исторической типологии, предполагающей совмещение принципов систематизации и классификации. Так как в сложнодинамических системах по мере их развития появляются новые компоненты, устанавливаются новые связи, возникают новые преобразования, „варьирование в наборах признаков, образующих основание типологии, определяется не только исследовательскими целями, но и объективными изменениями в самой системе“⁴².

Согласно названным исследовательским принципам, первым этапом типологии хозяйства коренного населения Северо-Западной Сибири является классификация характеристик отдельных отраслей

и их картографирование. На этапе систематизации полученные классификационные показатели сводятся воедино, устанавливаются внутрисистемные связи, механизм функционирования хозяйственных форм. Историзм типологии определяется на этапе сопоставления систематизированных данных различного хронологического уровня.

Основной формой хозяйства как системы материально-практической деятельности конкретной группы населения можно считать хозяйственный комплекс — цикл занятий, составляющих способ материального обеспечения коллектива людей в определенных природно-географических и исторических условиях. Компонентами и структурой хозяйственного комплекса являлись виды (отрасли), приемы, средства хозяйственных занятий, функциональной стороной — характер и условия их проведения. По структурным признакам хозяйственные комплексы различных общностей (от семьи до этноса) могли совпадать, по функциональным — дифференцироваться.

В соответствии с очередностью фаз типологии работа построена в историко-реверсивном плане: в начале каждого раздела первых двух глав дается классификация отдельных отраслей хозяйства применительно к периоду конца XIX — начала XX в. (достаточно полно обеспеченному источниками), после чего прослеживаются пути становления и развития охарактеризованных форм в ретроспекции до эпохи средневековья; в третьей главе осуществлена систематизация и типология хозяйственных комплексов, показана их историческая эволюция с учетом инокультурных факторов в течение XVII—XIX вв.

Среди исследователей распространено мнение, что „ретроспективный путь, заключающийся в переходе от известного к неизвестному и являющийся единственным удовлетворительным путем для археологического изучения этногенеза, плодотворен и перспективен в кабинетной работе, но непримлем при изложении результатов исследования“⁴³. Однако при историко-типологическом подходе к рассмотрению развития хозяйства не только авторский поиск, но и само изложение целесообразно именно в ретроспекции, поскольку „известное“ (типы хозяйственных комплексов конца XIX — начала XX в.) выступает не просто „мостом“ к „неизвестному“ (хозяйству середины II тыс. н. э.), а основным источником информации и методики дальнейшей реконструкции. По словам М. Ф. Косарева, „традиционность развития западносибирских культур позволяет выделять здесь типы преемственности культурных традиций — с древнейших времен до этнографической современности, что в свою очередь способствует успешному использованию ретроспективного метода в реконструкции древних этнических, экономических и историко-культурных процессов“⁴⁴.

Основными источниками, использованными для характеристики исторических особенностей хозяйства коренного населения Северо-

Западной Сибири, явились полевые материалы автора, собранные среди ямальских, надымских, гыданских и енисейских ненцев (1977—1979, 1984 гг.), кондинских и сосьвинских манси (1977, 1978, 1983 гг.), демьянских, юганских, тромьеганских, назымских и казымских хантов (1984—1987 гг.), коми-зырян Полярного Урала и Казыма (1979, 1984 гг.), нарымских и тазовских селькупов (1985—1988 гг.), тундровых и лесных энцев (1977, 1978 гг.), сибирских татар (1976, 1980—1983 гг.). Полевые работы, проводившиеся в различное время года, включали в себя не только опрос, но и непосредственное наблюдение, этнографические эксперименты (изготовление и использование орудий труда и быта из природного материала, длительные пешие рейды по тайге и тундре с целью экологических характеристик региона и т. д.). Опрос коренного населения проводился по программе, включающей в себя следующие разделы: системы годового, сезонного, месячного времяисчисления; распределение хозяйственных занятий в соответствии с традиционным календарем; годовой цикл каждой отдельно взятой отрасли; способы ведения и инвентарь хозяйства; показатели сезонной и среднегодовой эффективности отдельных видов занятий; состав и режим деятельности хозяйственных коллективов; способы и нормы использования продукции. Значительным подспорьем в изучении истории хозяйства явились полевые материалы по фольклору, бытовым рассказам, народным знаниям, духовной культуре, этногенезу и этнической истории, социальным отношениям народов Северо-Западной Сибири. Для предварительного ознакомления с особенностями экономики того или иного района использовались данные похозяйственных книг, документы и материалы местных государственных и хозяйственных учреждений (сельскохозяйственных отделов исполкомов Советов, правлений колхозов и совхозов, госпромпхозов, заготпунктов, отделений общества охотников и рыболовов, рыбоохотинспекции).

В целом по полевым данным детально восстанавливаются хозяйственные комплексы отдельных групп населения конца XIX — начала XX в., уточняются многие факты, необходимые для историко-реконструктивного анализа. Как правило, материалы, приводимые в работе, выверены в ходе массового опроса коренных жителей (единичные свидетельства оговариваются особо). Фольклорные данные в силу своей малочисленности и пространственно-временной неопределенности выступают не столько в качестве этнографического факта, сколько ориентиром для сопоставительного анализа, требующего привлечения дополнительных исторических, этнографических, археологических, лингвистических и экологических подтверждений.

Дополнительными источниками явились опубликованные материалы, а также данные сибирских архивов: Тобольского, Омского,

Салехардского, научного архива Тобольского музея⁴⁵. В числе основных, привлеченных к исследованию, документов следует назвать материалы Второй ясачной комиссии начала XIX в., жалобы „инородцев“, донесения и отчеты чиновников, статистико-экономические сводки и комментарии к ним, данные по хозяйственной переписи 1926—1927 гг. по Тобольскому Северу, материалы научных экспедиций в различные районы проживания ненцев, селькупов, хантов и манси.

Большинство использованных архивных данных представляет собой статистико-экономические материалы (перепись 1926—1927 гг.), отчеты „чиновников особых поручений“ (Лебедева, 1827; Светловского, 1829—1830; Шершневича, 1843; Петухова, 1847 гг.), специально занимавшихся сбором хозяйственных сведений, статистические сводки разных лет (по рыболовным, хлебозапасным магазинам, ясачным сборам), материалы экспедиций, целенаправленно изучавших хозяйство коренного населения (отчеты участников ямальской экспедиции 1928 г. — охотоведа Н. Н. Спицына, зоотехника П. П. Королева, исследования Ямальской землеустроительной экспедиции 1929—1931 гг.).

Из архивных и летописных источников были использованы свидетельства иностранных путешественников и писателей о народах Сибири, опубликованные А. Оксеновым, М. П. Алексеевым; сборники документов, составленные А. Титовым, А. И. Андреевым; „Сибирские летописи“, изданные Археографической комиссией; документы, собранные Г. Ф. Миллером; „Описание Тобольского наместничества“ конца XVIII в., опубликованное А. Д. Колесниковым⁴⁶.

К этому же разряду уникальных древних и ранних научно-описательных источников относятся сочинения С. Бэрроу, Я. Г. ван Линсхотена, П. М. де Ламартиньера, К. де Бруина, Г. Новицкого, И. Э. Фишера, работы участников Академической экспедиции 1768—1774 гг. (В. Ф. Зуева, И. Г. Георга, И. И. Лепехина, П. С. Палласа). Если труды российских ученых XVIII в., документы XVII—XVIII вв. не подвергаются сомнениям относительно аутентичности содержащихся в них сведений, то в описаниях западноевропейских путешественников, сказании „О человецех незнаемых“ многие детали выглядят „фантастично“, в связи с чем современные исследователи используют их с осторожностью⁴⁷. Однако в своей основе, и, что особенно важно, в части материалов по хозяйству названные источники отражают действительность⁴⁸.

Заметную роль в исторической реконструкции хозяйственных форм играют фольклорные материалы Т. Лехтисало, В. Н. Чернецова, М. А. Кастрена, Г. Д. Вербова, Б. О. Долгих, З. Н. Куприяновой, В. М. Кулемзина, Н. В. Луккиной⁴⁹ и ряда других исследователей. Как уже говорилось, фольклорные данные не являются надежным источником, хотя именно они содержат упоминания

древних и исчезнувших хозяйственных явлений. Свособразными вспомогательными источниками для восстановления облика хозяйства прошлых столетий служат элементы народных знаний⁵⁰, религиозных всрований, ритуалов (к примеру, погребального комплекса, жертвоприношений). Некоторые уточнения по данному кругу вопросов могут быть получены из материалов лексики, антропонимии, этнонимии, топонимии.

Оптимальным вариантом использования названных источников из сферы духовной культуры является их сочетание с археологическими данными. Следует отметить, что археологические памятники на территории Северо-Западной Сибири исследованы неравномерно. Наиболее полно археологически изучены зона южной тайги (Томско-Нарымское Приобье, Васюганье, Притоболье); полоса средней тайги представлена значительно беднее — по сути дела, лишь одним крупным культурным комплексом в Сургутском Приобье („Барсов городов“); северная тайга — единичными памятниками (Чес-тый-яг, Сартынья, Шеркалы и т. д.); лесотундра — усть-полуйским комплексом; тундра — отдельными поселениями (Хаэн-сале, Тиутей-сале, Ярсале и др.). Неравномерность археологической изученности региона выражается и в том, что в наибольшей мере исследованы памятники эпохи бронзы, в наименьшей — периода средневековья. Обращает на себя внимание и недостаточная разработанность палеоэкономических проблем, малочисленность публикаций археологических данных по хозяйству Северо-Западной Сибири, в числе которых можно отметить материалы раскопок В. Н. Чернецова, В. И. Мошинской, М. Ф. Косарева, Ю. Ф. Кнрюшина, тематические сборники археологических исследований последних лет.

Сложность применения археологических данных для изучения хозяйства состоит в том, что они (остеологические материалы, хозяйственный инвентарь) лишь указывают на форму хозяйства, но не воспроизводят ее. Наскальная живопись представительна для ограниченной территории и может быть противоречиво истолкована. Таким образом, археологические материалы должны использоваться только в сочетании с этнографическими, необходимыми для определения хозяйственных функций археологических находок.

При изучении хозяйства необходим учет экологических данных. Важность такого подхода, нередко именуемого „экологическим“, подчеркивается многими советскими и зарубежными специалистами, при этом вполне обоснованно звучат предостережения как от „географического детерминизма“, так и от одноименного „нигилизма“⁵¹.

Для выявления возможности и масштабов ведения той или иной отрасли хозяйства в прошлом необходимо привлечение сведений о ландшафтных, биоресурсных, климатических характеристиках региона, которые могут быть получены посредством сочетания поле-

вых материалов и данных соответствующих научных дисциплин: к примеру, из исследований Ф. В. Вашкевича, В. М. Сдобникова, И. В. Друри, П. Н. Вострякова и М. М. Броднева о технологии и природных факторах оленеводства; Г. Панина, Н. П. Наумова, К. К. Флерова, И. В. Друри, А. А. Насимовича, Л. М. Баскина об экологии диких северных копытных; С. П. Наумова, К. К. Флерова, А. Н. Формозова, В. Г. Гептнера, А. А. Насимовича, А. Г. Банникова, К. К. Чапского, Е. Е. Сыросчковского об особенностях биологии и поведения млекопитающих и птиц Западно-Сибирского Севера; М. И. Нейштадта, В. С. Говорухина, коллектива авторов монографии „Природные условия центральной части Западно-Сибирской равнины“ о распределении растительности в регионе; С. В. Кирикова, Н. К. Верещагина, И. Г. Пидопличко об эволюции животного мира в прошлом⁵². Важнейшими условиями использования всех видов источников являются: комплексность их привлечения, по возможности — массовость, территориальная, и хронологическая определенность.

К сожалению, какое бы количество разнообразных источников ни привлекалось, история хозяйства не способна воспроизвести живую картину деятельности реальных людей (понятно, что фольклор не сохранил жизнеописаний изобретателей оленеводства, приемов охоты или рыболовства). В этом смысле история хозяйства безлика, ее субъектами выступают „типичный“ ненец или „типичный“ хант. Более того, действующими „лицами“ оказываются отдельные отрасли и хозяйственные комплексы. Таким образом, воссоздается лишь каркас материально-практической деятельности, иначе говоря — история форм хозяйства.

Глава I ПРОМЫСЛЫ

1. Рыболовство

В хозяйстве народов Северо-Западной Сибири рыболовство занимало одно из важнейших мест. Многочисленные особенности ведения этой отрасли предоставлялись акваториальной и ландшафтной спецификой районов, биологическими характеристиками различных промысловых рыб, рядом историко-экономических факторов (прежде всего товаризацией рыболовства в связи с торгово-промышленной деятельностью русского населения). Для типологии рыболовного промысла применительно к концу XIX — началу XX в. следует выделить несколько наиболее общих признаков: соотношения приемов и орудий лова (несводьба, сетевой, запорный промыслы и т. д.); сезоны рыболовства и степень занятости в нем трудоспособного населения; характер использования продукции рыболовства.

Промысловая ихтиофауна Северо-Западной Сибири представлена более чем двадцатью видами¹, подразделяющимися на три основные группы: морские виды — сельдь, навага, сайка, семга, полярная и северная камбала, морской бычок и другие, встречающиеся в прибрежных водах Карского моря и участках солоноватых вод Байдацкой, Обской и Тазовских губ; полупроходные виды — осстр, чир, нельма, омуль, муксун, пелядь, сиг, ряпушка, корюшка, зимующие в незаморных участках южной части Обской губы и северной части Тазовской Губы, входящие на весенне-осенний период для нагула и нереста в дельтовые и пойменные системы рек; туводные виды — стерлядь, тугун, щука, язь, слец, плотва, карась, окунь, налим, хариус и другие, биоцикл которых протекает в реках, соровой системе рек, озерах. С учетом ряда физико-географических, гидрологических, биологических и промысловых особенностей в пределах Западно-Сибирского Севера выделяются три рыбохозяйственных района²: среднесобский озерно-речной заморный район (ельцово-щучье-чебачий), охватывающий бассейн Оби от Колпашева до устья Иртыша; нижнеобский озерно-речной заморный район (ель-

цово-щучье-сиговый), включающий в себя бассейн Оби от устья Иртыша до Обской губы; район Обской и Тазовской губ (сигово-муксунье-ряпушковый), охватывающий бассейны полуморских губ и заливов. Е. Е. Сыроечковский выделил дополнительно подрайон северотасжных материковых водоемов, характеризующийся сильным развитием замора и преобладанием в ресурсах частиковых рыб, что отличает его от тундровой зоны бассейнов Обской и Тазовской губ³.

В районе Обской и Тазовских губ практиковался лов морских и полупроходных видов рыб, причем, в северной части указанной акватории (до широты Се-яхи на Ямале) наибольшее промысловое значение имел омуль, южнее (до устья Оби и Таза) — осстр, муксун, нельма. Лов рыбы в открытом морском пространстве, за исключением сбора на берегах арктических островов выброшенной прибоем сайки, не был распространен. Из других морских пород семга и морская сельдь в небольшом количестве вылавливалась лишь на Ямале в устье Морды-яхи; камбала и бычки в пищу не употреблялись; специального вылова наваги не производилось.

Промысел полупроходных видов по инвентарю и технологии варьировался в зависимости от времени и района его проведения. Неводный лов по открытой воде практиковался на внутренних водосмах (реках и озерах) Ямала и Гыдана с июня по август, на севере полуостровов — в августе—сентябре. При этом использовался полуневод длиной до 30—70 метров. В Обской и Тазовских губах неводный лов производился в летний период стрежевыми неводами длиной до 300—500 метров (на Енисее применялись и более крупные неводные снасти длиной до 800 метров).

Этот промысел проводился силами артели с использованием тяжелых устойчивых лодок и приурочивался к массовым миграциям полупроходной рыбы (так называемому „вонзю“). После вонзевго лова промысел осуществлялся полуневодами на салмах. Помимо летней неводьбы некоторые малооленные оленеводческие хозяйства, откочевывавшие на зиму к северной тайге, практиковали подледный лов полуневодами на озерах. В нижнеобском озерно-речном заморном районе и подрайоне северотасжных материковых водосмов был широко распространен летний промысел полуневодами (длиной до 70 метров) на небольших реках и озерах с использованием в качестве лодок-неводников долбленых челноков (калданок). Кроме того, в низовьях Оби, Таза и Пура в период вонзя проводился лов стрежевыми неводами (до 300 метров), а затем на салмах полуневодами. На левых горных притоках Оби и притоках Среднего Таза в связи с отсутствием замора неводьба практиковалась как в летнее, так и в зимнее полугодие малыми неводами.

В среднеобском озерно-речном заморном районе полуневод длиной до 150—200 метров применялся во второй половине лета для лова на песках Оби и Иртыша полупроходных пород рыб. В это же время на притоках проходил промысел туводных видов посред-

ством малых неводов длиной до 100 метров. Кроме того, в глубинно-таежных районах (на Кети, Вахе, Васюгане) известен позднелетний подледный неводный лов небольшой снастью длиной от 40 до 120 метров. На Конде, Демьянке, Б. Югане практиковалось облавливание запорных сооружений малыми неводами в конце лета — начале осени⁴.

В южных районах тайги размеры невода были меньше, чем в северных: у ненцев низовьев Таза этот показатель равен 63 метрам, у селькупов среднего Таза и Тыма — 33—44, у хантов Ваха — 30. Индекс наличия невода у хозяйств верховьев рек ниже по сравнению с низовьями: в верхнем течении Таза на одно хозяйство приходилось в среднем 0,3 невода, в нижнем — 0,7; в верховьях Ваха — 0,9, в низовьях — 2; в верховьях Пура — 0,2, в низовьях — 0,6⁵.

Сетевая снасть широко использовалась на всей территории расселения ненцев, селькупов, манси и хантов. В районе Обской и Тазовской губ производился лов сетями в летний период и осенью после ледостава. В северной части Обской губы в течение полумесяца практиковался промысел омуля сетями по первому льду, в южной части — осенний подледный лов нельмы. В реках южной части Ямала и Гыдана сетевое рыболовство продолжалось более полугода (с конца весны до зимы), видоизменяясь соответственно от лова у берегов весной, промысла по открытой воде летом и в начале осени до подледного лова в начале зимы. Как правило, каждое хозяйство этого района, занимавшееся рыболовством, имело до 10—15 сетей длиной по 10—15 метров.

В нижнеобском озерно-речном заморном районе и подрайоне северотасжских материковых водоемов лов сетями начинался весной — по берегам рек и озер и затем по открытой воде в период половодья. Во второй половине лета осуществлялся сетевой рыболовство в сорах и притоках крупных рек.

Кроме того, ненцы и ханты южного побережья Надымской Оби занимались сетевым подледным рыболовством после рекостава в бассейнах рек Надыма, Ныда, Ярудей, Кутоп-Юган, Полуй, имея по 4—10 небольших (длиной до 10—20 метров) сетей на хозяйство. В течение зимы подледный лов сетями проводили тазовские селькупы (члены хозяйств, не занятые охотой). Шурышкарские ханты, помимо ставных сетей, использовали летом во время вонзя и осенью плавные сети.

В среднеобском озерно-речном заморном районе сетевой промысел производился весной до вскрытия рек во время хода стерляди, затем после спада воды до ледостава (с августа по ноябрь). Тымские селькупы в зимнее время осуществляли лов налима и осетра посредством установки прогона — подледной ставной сети. Размеры сетей (в среднем 1—3 на хозяйство), как правило, не превышали 50—60 метров.

В целом наибольшее количество сетей приходилось на тундровое хозяйство (10—15); лесотундровые семьи, практиковавшие лов в районах низовьев рек, имели по 4—10 сетей; тасжные хозяйства располагали в среднем 1—3 сетями, причем, в низовьях притоков Оби и Иртыша данный индекс возрастал по сравнению с верховьями (к примеру, в верховьях Ваха хантыйское хозяйство владело в среднем одной, в нижнем течении — двумя сетями)⁶.

Кроме сетей в ряде районов Северо-Западной Сибири использовались орудия, изготовленные из сетевого материала — калыдан, важан, саип. Калыдан применялся для промысла сиговых в низовьях крупных рек (Оби, Надыма, Таза) в летний период. Саип использовался во время весенне-летнего половодья хантами среднего течения и верховий Назыма и Казыма. Кроме того, лов саипами и важанами производился в осенний период в огороженных участках рек бассейна Нижней Оби.

Орудия запорного рыболовства⁷ являлись рыбопромысловым инвентарем в тасжной полосе Западной Сибири. Общим технологическим принципом применения запоров было создание естественных резервуаров рыбы в огороженных участках водосмов. При этом обычно использовались две, иногда три жальниковые перегородки, одна из которых (нижняя по течению) была оснащена нишей для входа рыбы, другая (верхняя относительно течения) препятствовала подъему рыбы и была снабжена плетеными ловушками. Вариативность способов сооружения и облова запоров (только у хантов и манси, по подсчетам Н. В. Лукиной, зафиксировано более 200 вариантов запоров⁸) обуславливалась экологическим многообразием всего региона и каждой конкретной местности. Например, шурашкарские ханты устанавливали большие запоры (вары длиной до 1 км) в сорах на период с июля до середины августа, малые — на притоках в зимний период. Пимские ханты перегородивали реки в июне, после чего на ближайших от поселений больших запорах до конца лета ловили рыбу с помощью плетеных ловушек, дальние запоры облавливались в течение сентября; в декабре с началом замора запоры снимались. Тромьганские ханты и кондинские манси, кроме летнего запорного рыболовства, осуществляли и зимний подледный лов у живунов на малых реках. Тазовские селькупы „запирали“ реки с середины июля, когда начинался подъем рыбы в притоки Таза, однако до ледостава запорные сооружения играли роль накопителей рыбы, а ее лов котцами, мордами, гимгами, вентерями производился в зимнее полугодие. Кетские селькупы для облавливания запоров в зимнее время использовали в основном неводные снасти.

Следует заметить, что под запорным рыболовством подразумевается довольно разнообразный комплекс средств и приемов лова в огороженном возном пространстве (в том числе неводьба, лучение

и т. д.), хотя основное значение имели плетеные (из прута, драмки) ловушки. На небольших запорах (варах) обычно устанавливалось 20—30 морд, на малых — 1—2. Зимние запоры ставились у ключей („живунов“) и оснащались, как правило, одной плетеной ловушкой: на мелководье применялись котцы, в глубоких местах — морды (гимги). Подобных сооружений могло быть несколько в одном хозяйстве. Запоры на притоках Оби изготовлялись из жальника, на рукавах самой Оби в районе Обдорска — в виде дамб („земляных варов“), оснащенных для лова коробами. Селькупы Среднего Таза практиковали сооружение земляных или снежных дамб на небольших рках в зимнее время. Для этого устанавливался верхний (относительно течения) запор с котцом, а ниже по течению насыпалась дамба, благодаря действию которой вода поднималась к слою льда, и рыба, лишенная воздуха, быстро двигалась вверх по течению, буквально набиваясь в котец.

В среднесобском озерно-речном заморном районе преобладали малые запоры. Среди хантов Б. Югана и Демьянки перегородивание большой реки считалось недопустимым из сакральных соображений, что свидетельствует об отсутствии в этом районе практики крупнозапорного лова. В среднетаежной зоне наблюдается большее разнообразие ассортимента ловушек (морды, рукава, кривды, котцы), нежели в северотаежной, где были представлены в основном загороди, оснащенные мордами и котцами. В верховьях рек запорные сооружения были меньше по размерам, чем в низовьях; вместе с тем в районах верховий по сравнению с низовыми на одно хозяйство приходилось в среднем вдвое больше запорных ловушек (например, на Вахе, по данным М. Б. Шатилова⁹).

Коренному населению Северо-Западной Сибири были известны и многие другие способы лова рыбы, игравшие на рубеже XIX—XX вв. вспомогательную роль. В летний период в низовьях Оби и Таза производился промысел осетра на переметы. Повсеместно в таежной зоне практиковалось лучение рыбы, а в ряде районов — на Конде, Сосьве, Казыме, притоках Таза — лов острогой считался эффективным (по словам северных селькупов, умелый промысловик в сентябрьскую ночь „набивал лодку рыбы“). Для лова щуки применялись жерлицы, нельму и тайменя блеснили, деревянные крючки использовались для промысла налима в осенний период. В целом же эти приемы рыболовства имели второстепенное значение и не определяли региональной специфики хозяйства коренных народов.

Таким образом, по количественным показателям распространения отдельных видов рыболовного инвентаря рассматриваемый регион в самом общем виде подразделялся на зоны: неводно-сетевой лова (население тундры и лесотундры) с преимущественно сетевым рыболовством в глубинных районах и неводным на побережье;

таежного неводно-сетевого рыболовства по берегам крупных рек; запорно-сетевого с вышеназванными вариациями в отдаленных от речных магистралей районах (см. табл. 1).

О сезонности занятий рыболовством уже шла речь при характеристике способов лова. К этому следует добавить, что отдельные периоды рыболовства различались по интенсивности и, соответственно, степени занятости населения в промысле, а также продуктивности самого лова. Ненецкие тундрово-оленьеводческие хозяйства Ямала и Гыдана занимались летним рыболовством на озерах и реках эпизодически, практикуя неводьбу на „калданках“, перевозимых на нартах, и постановку небольших сетей.

Ряд хозяйств, владевших ограниченным количеством олсней (до 200—300 голов) и приурочивавших свои летне-осенние перекочевки к районам богатых рыбоугодий, занимались ловом в более значительном объеме. Примерами подобных промыслов могут служить раннеосенний лов омуля на северных побережьях полуостровов, муксуна в устьях рек Се-яха (Ямал) и Антипаюта (Гыдан), сельди в устье р. Морды и т. д. Их продуктивность была достаточно высока: за полмесяца на примитивный полуневод в устье Морды вылавливали до пяти тонн рыбы¹⁰.

В зависимости от летнего местонахождения размеры уловов отдельных хозяйств различались. Часть ямальских семей, проживающих в стороне от богатых рыбоугодий (к примеру, в районах Хабей-яхи, Тиутей-яхи, Ныду-яхи), довольствовались относительно скромными уловами (по 10—20 пудов на хозяйство); население, оседавшее в местах интенсивного рыболовства (в районах Нового Порта, Морды-яхи), вылавливало за сезон до 100 и более пудов рыбы на семью¹¹. Продукция тундрового рыболовства в свежем и консервированном виде (юкола, позем, порса) шла на удовлетворение внутренних нужд. Хозяйства, оседавшие на рыбоугодьях, передавали своих олсней на временный выпас кочующим оленеводам, делясь с ними продуктами рыбного промысла. Рыболовством в тундре занимались главным образом мужчины.

В зимнее время некоторые оленеводческие семьи проводили сетевой подледный лов в лесотундрах и северотасжнх водосмах, однако и этот вид деятельности имел вспомогательное значение.

Таблица 1. Количественные характеристики рыбопромыслового инвентаря в районах расселения народов Северо-Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (в среднем на одно хозяйство)

Район расселения	Невод (длина в метрах)	Сеть (штук)	Запор (кол-во ловушек)
Тундра	30—70	10—15	—
Прибрежная лесотундра	300—500	4—10	—
Прибрежная тайга	60—300	2—3	1—2
Глубинная тайга	40—120	1—2	2—3
Бассейн Пура	50	3	4

Оленеводы, оставшиеся на зимовку с тундры, также практиковали подледный промысел на озерах или Обской губе, но в ограниченном объеме.

Помимо хозяйств, владевших достаточно большими стадами оленей, в южной тундре почти круглогодично проводили лов рыбы малооленные семьи, в бюджете которых эта отрасль играла определяющую роль. Южнотундровое население постоянно проживало на берегах рек и озер, занимаясь подледным рыболовством посредством ставных сетей по заберегам в поздневесенний период, затем неводьбой и сетевым ловом по открытой воде и, наконец, осенью и в начале зимы вновь подледным сетевым рыболовством. Данная группа не представляла собой монолитного образования, а являлась своего рода периферией ненецко-оленеводческого хозяйственного комплекса. Небольшое поголовье оленей этих хозяйств выпасалось в стадах крупных оленеводов или объединялось в общее стадо и препоручалось пастуху, тогда как сами владельцы проводили хозяйственный год с акцентом на рыболовство. Существенная доля рыбопродукции имела натуральное значение, часть рыбы отдавалась пастухам в качестве платы за выпас оленей, часть обменивалась на пушнину, часть продавалась русским заготовителям.

Особую группу хозяйств ненцев и хантов Обской и Тазовской губ, низовьев Оби, Пура, Таза составляло население, специализированно занимавшееся летней неводьбой. К концу июня после кратковременного лова сетями у берегов хозяйства этой группы сосредоточивались на июньских песках, объединившись в артели, проводили первый этап неводьбы. В середине июля они перемещались с обмелевших июньских песков на летние и продолжали лов неводами и самоловами до начала сентября. Одновременно осуществлялся сетевой промысел. Эффективность рыболовства была довольно значительной и определялась в среднем за летний сезон в 200 пудов рыбы ценных пород на одну неводную артель¹². В течение остальных сезонов занятия рыболовством этой группы мало чем отличались от рыбопромыслового цикла мало- и среднесоленных оленеводов тундры. Помимо внутреннего потребления продукция промысла сдавалась предпринимателям и использовалась для товарообмена.

Сходная картина рыболовства выявляется и в центральной группе самодийского населения низовьев Енисея, с той лишь оговоркой, что в устье Енисея производился летний промысел только неводами на песках и салмах („опечках“), так как, в отличие от Оби, для Енисея не характерны длительные разливы, и условий для сорового и проточного лова нет¹³.

В рамках нежнсобского озерно-речного заморного района довольно резко выделяется приуральский арсал, где проводили лето оленеводы Сосьвы, Ляпина, Сыни, Войкара, Куновата. По свиде-

тельству манси, ненцев, коми-зырян, кочевавших на Северном Урале, летнее рыболовство в этом районе ограничивалось ловом на крючковую снасть и эпизодическим применением ставных сетей. Промысел хариуса, несмотря на довольно высокую результативность (по данным А. В. Журавского, на одну удочку в день иногда вылавливали до семи пудов рыбы)¹⁴, проводился от случая к случаю для разнообразия пищевого рациона. Специфика северотаежного Предуралья состояла и в отсутствии замора в реках Сыня, Войкар, Сось, Щучья, Сев. Сосьва, где производился подледный лов сетями, неводами и плетеными ловушками на протяжении всей зимы и начала весны¹⁵.

По ряду признаков в названном регионе выделяется и ареал нижнего течения притоков Оби, заселенной манси и хантами. Поскольку наиболее ценные породы рыбы вылавливались в самой Оби, значительная часть угорского населения Сосьвы, Ляпина, Куновата, Войкара, Казыма, Назыма к периоду вонзя собиралась на Обь¹⁶. Хозяйства, остававшиеся на притоках, практиковали сооружение коллективных больших варов и индивидуальных малых запоров. Неводьбой, сетевым ловом, установкой запоров в устье соров, промыслом калыданами и переметами занимались мужчины. Сооружение больших варов и их осмотр также являлись прерогативой мужчин, в то время как лов на малых запорах в силу занятости взрослых работников оленеводством нередко поручался подросткам и женщинам.

Летнее рыболовство на Оби отличалось высокой эффективностью. Часть выловленной рыбы промысловики отдавали „вотчинникам“ угодий. Некоторые приобские ханты подряжались неводчиками к русским купцам, пользовались принадлежавшими предпринимателям стрелевыми неводами, большими дощатыми лодками и половину продукции сдавали владельцам инвентаря. Хозяйства, проводившие промысел на притоках, основную часть улова использовали для собственного потребления; незначительная доля (в консервированном виде) шла на обмен. Большинство угорского населения, выезжавшего на летний рыболовный сезон к Оби, к осени возвращалось на притоки.

Осенне-зимний лов производился на реках и озерах посредством индивидуальных зимних запоров, установленных в связи с замором у ключей („живунов“). При этом в отсутствие мужчин, отправлявшихся на охотничий промысел, осмотр ловушек проводился подростками и женщинами. В осенний период население Нижней Оби занималось и лучением рыбы. В южной части нижнесобского озерно-речного заморного района (бассейн Назыма) в период весеннего половодья практиковался трудоемкий лов саипами. В целом для приобского арсала характерно почти круглогодичное рыболовство с интервалами, приходившимися на время ледостава и вскрытия

рек. Продукция зимнего промысла шла в основном на внутреннее потребление. Часть рыбы в мороженом виде вывозилась на зимние ярмарки.

По облику рыболовного цикла выделялся район бассейна Пура, населенный лесными ненцами (пян-хасово). Летний промысел туводных пород, представлявший собой неводьбу в перегороженных участках рек и стариц, сетевой лов и применение крючковой снасти имели всецело натуральный характер. Осенью осуществлялся сетевой и запорный промысел, после чего до середины лета рыболовство почти полностью прекращалось¹⁷. При этом, в отличие от бассейнов Оби и Таза, занятия рыболовством пуровского населения не послужили основой для обособления прослойки хозяйств, специализировавшихся на рыбной ловле. Относительно равномерно был распределен между семьями и рыболовный инвентарь, состоявший обычно из одного невода, трех сетей и четырех морд¹⁸.

Своеобразие рыбопромыслового цикла северной группы селькупов состояло прежде всего в круглогодичности (в связи с отсутствием замора на притоках Среднего Таза) лова рыбы и в том числе ценных сиговых пород. С апреля начиналось сетевое рыболовство, с июля — неводное, в августе — сентябре эти основные способы дополнялись крючковым и остроговым промыслом. После ледостава вплоть до вскрытия рек проходило облавливание установленных в середине лета запоров. В некоторых случаях практиковалось подледное сетевое рыболовство.

Летний полуцикл осуществлялся мужчинами (в том числе установка и чистка запоров), зимний — в основном подростками, стариками и женщинами, не участвовавшими в охоте. Эффективность основных приемов лова была достаточно высока (на одну семью за период летнего сетевого и неводного промысла приходилось до 150—200 пудов рыбы), продукция рыболовства потреблялась натурально.

Рыболовство в среднеобском озерно-речном заморном районе имело немало сходных черт с северотаежным. Наибольшие отличия в этой местности выявляются между циклами рыболовства коренного населения низовий и верховой притоков Оби и Иртыша. Ханты районов нижнего течения Конды, Демьянки, Пима, Тромъегана, Б. Югана, Васюгана, Ваха, селькупы низовий Таза, Кети, Парабели летний рыболовный сезон проводили на устьях рек, осуществляя промысел проходных пород рыбы. При этом к рыбоугодьям порой совершались весьма внушительные (до 300 км) передвижения. Летний неводной и сетевой лов щекюра и муксуна, требовавший образования артели, имел не только натуральное, но и товарное значение. После завершения летней неводьбы ханты и селькупы возвращались вверх по течению рек и продолжали лов рыбы (туводных пород) с помощью сетей, запоров, крючковой снасти. Осен-

ний и зимний рыболовные сезоны, в отличие от летнего, имели исключительно натуральное значение.

Ряд отличий в рыболовном цикле обособляет нарымских селькупов, которые в летний период уделяли большее внимание запорному промыслу, чем ханты, реже выезжали на Обь, производя неводьбу на Кети, Тыме или Парабели; поздней весной, в отличие от хантов, местами занимавшихся сетевым ловом, селькупы практиковали довольно продуктивное запорное рыболовство (по словам коренных жителей Тыма, в апреле рыбу „на атарму тоннами брали“).

Мансийское население Юконды, верховой Конды, ханты верхнего течения притоков Средней Оби и Нижнего Иртыша, селькупы верховой притоков Нарымской Оби осуществляли лов рыбы главным образом в летний и зимний периоды, причем запорный способ являлся основным. Вслед за поздневесенним сетевым (у селькупов — запорным) промыслом практиковалась неводьба в старицах и на песках, одновременно проходил лов с помощью больших и малых заповров. После ледостава начинался подледный запорный промысел уключей, продолжавшийся до февраля — марта. Вся продукция лова, как правило, использовалась натурально. Летнее рыболовство осуществлялось в основном мужчинами, зимнее — свободными от охоты членами хозяйств¹⁹.

Различные рыболовные циклы, многообразие средств и приемов промысла можно свести к четырем основным типам рыболовства конца XIX — начала XX в. (см. картограмму 3).

1. Тундровый сетевой, присущий оленеводческому населению Ямала и Гыдана (ненцам), основанный на применении ставных сетей и небольших неводов в летне-осенний период для промысла проходных и морских видов рыб в тундровых реках и озерах. Промысел производился преимущественно хозяйствами, сдававшими оленей на период активного лова пастухам; в ряде случаев рыболовством в небольшом объеме занимались сами пастухи. Сезон лова был коротким, но достаточно продуктивным, потребление — в основном натуральным. Эпизодический сетевой подледный промысел, проводившийся этими же хозяйствами в тундре, лесотундре или северной тайге, имел вспомогательное значение.

В данном типе выделяется вариант южно-тундрового сетевого рыболовства, характерный для незначительного малоолененого ненецкого и хантыйского населения южной тундры Ямала и Гыдана. Его отличительной чертой является больший удельный вес рыболовства в хозяйственном цикле, в связи с чем промысел практиковался почти круглогодично, за исключением периодов половодья и ледостава. Поселения хозяйств, относящихся к этому подтипу, располагались у крупных тундровых водосемов.

2. Низовой неводной, распространенный у ненецко-угорского населения тундрово-лесотундровой зоны низовьев Оби и Таза, по-

бережья Обской и Тазовской губ, центральной группы самодийцев нижнего Енисея. Этому типу свойственен специализированный летний промысел неводами и полуневодами проходных пород рыбы на песках и салмах. Одновременно проходил лов сетями и переметами. В промысле участвовали безоленные хозяйства или семьи, сдававшие свои небольшие стада на лето пастухам-оленеводам. Помимо натурального потребления, весомая доля продукции рыболовства шла на обмен, продавалась скупщикам или сдавалась предпринимателям-организаторам лова. Осенне-зимний подледный сетевой и неводной промысел, проводившийся в лесотундровых и северотасжских реках и озерах, имел в основном натуральное значение и заметно уступал по масштабам летнему.

3. Таяжный неводно-запорный, характерный для угорского населения Средней и Нижней Оби, основанный на летнем неводном (и попутном сетевом, запорном, переметном, калыданном) промысле проходных и туводных видов рыбы в Оби и устьях ее притоков. Для летнего лова на Обь, кроме местных хантов, прибывали хозяйства с притоков. Существенная часть рыбы, выловленной за летний сезон, сдавалась предпринимателям, скупщикам, шла на обмен. Осенью производился запорный, сетевой, крючковой, остроговый лов на Оби или притоках, зимой — подледный запорный лов и „черпавие“ у ключей, поздней весной в ряде мест — промысел сетями и саипами. При этом продукция осеннего и поздневесеннего рыболовства шла на собственное потребление, зимнего подледного — частично на продажу.

В рамках этого типа выделяются: северотаежный вариант со свойственной ему весомой долей ценных проходных пород рыбы в уловах, со значительным удельным весом лова на большие запоры, промыслом калыданами; среднетаежный вариант, характеризующийся многообразием конструкций малых запоров, преобладанием в уловах туводных видов; нарымско-селькупский вариант с присущим ему акцентом на запорное рыболовство в поздневесенний и летний периоды.

4. Таяжный запорно-сетевой, традиционный для манси и хантов районов верхнего течения притоков Оби и Иртыша, лесных ненцев и селькупов. Рыболовственный цикл этого типа состоял из летне-осеннего и зимнего подледного запорного лова туводных пород рыбы с использованием в летний период больших и малых, в зимний — малых индивидуальных запоров различных конструкций, весенне-осеннего промысла сетями, малыми неводами, в ряде мест саипами и важанами, крючковой снастью, лучением, в зимний заморный период — ловом у ключей с помощью сака. В летнем рыболовстве было занято главным образом мужское население, в зимнем запорном — в значительной степени подростки и женщины. Продукция рыболовства потреблялась в основном натурально.

В рамках этого типа выделяются: подтип ненецкого лесного рыболовства, практиковавшегося лишь в летнее полугодие, причем, заporный лов равновелико сочетался с сетевым и неводным; подтип предгорно-таежного рыболовства, присущий оленеводам, проводившим лето на северном Урале, где осуществлялся эпизодический промысел хариуса крючковой снастью и сетями, тогда как в зимне-весенний период хозяйства этого подтипа практиковали подледное неводно-заporное рыболовство в верховьях левых незаморных притоков Оби; североселькупский подтип, характеризующийся сосредоточением заporного лова в зимне-весенний сезон, сетевого и неводного — в летний период, высокопродуктивным острого-крючковым промыслом; по ряду признаков (структуре цикла, набору средств, акваториальным особенностям — незаморности рек) рыболовство северных селькупов сходно с предгорно-таежным.

Признаками типа рыболовства являются: особенности рыбопромыслового цикла, своеобразный набор инвентаря, географическая обособленность, определяющаяся как природно-ландшафтной зональностью, так и степенью близости к большим рекам (Иртышу, Оби, Тазу, Енисею). Признаками подтипа-варианта выступает локальная специфика промыслового инвентаря и годового рыболовного цикла.

В тундровой зоне облик рыболовства зависел от оленеводческой направленности хозяйства и варьировался в соответствии с численностью поголовья оленей, в глубинной тайге структура рыбопромысла во многом предопределялась режимом охоты, в приречно-таежных (близких к крупным рекам) районах рыболовство выступало системообразующим началом для хозяйственного комплекса и могло видоизменяться главным образом под воздействием товаризации. Вместе с тем географические границы типов и подтипов рыболовства весьма условны: в устье Оби, к примеру, сочетались тундровый сетевой лов (с южно-тундровым вариантом) и неводной промысел, в бассейнах таежных рек сосуществовали неводно-заporный и заporно-сетевой типы рыболовства.

Для ретроспективного изучения развития рыболовства народов Северо-Западной Сибири следует начать с определения наиболее существенных следствий инокультурного (прежде всего русского) воздействия на эту отрасль автохтонного хозяйства в XVII—XIX вв. Основными в этой связи представляются вопросы о распространении сетевой снасти русского производства и товаризации рыболовства.

На рубеже XIX—XX вв. сырьем для изготовления неводных, ставных и плавных сетей, калыданов, саипов, фителей в большинстве случаев служила конопля, привнесенная русскими²⁰. Вместе с

тем археологические данные свидетельствуют о глубоких традициях применения сетей населением тайги. По заключению Г. Н. Матюшина, уже в памятниках янгельской культуры эпохи мезолита появляются крупные сетевые грузила из галек²¹. Находки большого количества грузил указывают на развитую практику сетевого рыболовства в эпоху раннего металла.

По мнению В. И. Мошинской, материалом для изготовления сетей в хозяйстве носителей усть-полуйской культуры служила крапива²². Ханты, манси, селькупы до недавнего времени использовали в этих целях крапивное волокно. Нарымские селькупы называли крапиву „остяцкой коноплей“. Северные селькупы из лесной крапивы (сота) плели не только сети, но и невода, для чего к крапивной снасти крепили грузила (обмотанные кедровым корнем камни) и веревки, сплетенные из тальникового лыка.

В ареале расселения тундровых и лесных ненцев, по ряду свидетельств авторов XVIII — начала XX в.²⁴, была распространена практика изготовления сетей и неводов из тальникового лыка. Применительно к тундровой зоне Ю. Б. Симченко считает плетеные из тальника орудия предшественниками сетей, хотя и оговаривается, что „лыко тундрового тальника чрезвычайно прочно и навряд ли могло применяться для плетения“²⁵. Приведенное пояснение Ю. Б. Симченко в свою очередь нуждается в обосновании на уровне этнографического эксперимента.

Со ссылкой на относительность оценок следует, очевидно, воспринимать и заключение о том, что сетевые орудия из крапивного волокна, изготовлявшиеся ваховско-васюганскими хантами, „были непрочными и не играли большой роли в добыче рыбы“²⁶. По североселькупским данным, крапивная нить была настолько крепка, что из нее плели тетиву для сложного лука.

В свое время — на рубеже бронзового и железного веков, как считает М. Ф. Косарев²⁷ — изобретение сложных сетевых снастей типа крупноразмерного невода, калыданной сети составило „крупный скачок“ в развитии таежного западно-сибирского рыболовства, открывший возможность освоения пойм крупных рек. Повидимому, и в средневековье значительное место в рыболовном инвентаре коренного населения занимали сетевые снасти, изготовленные из крапивного волокна (в тайге) и тальникового лыка (в лесотундре).

Понятно, что в сравнении с распространившимися от русских сетями из конопляной нити традиционные снасти утратили прежние достоинства: тальниковый невод лесных ненцев, сплетенный из „нити“, по толщине втрое превосходил конопляную, представлялся очевидцам неуклюжим приспособлением²⁸. Замена сырья для сетевого инвентаря в немалой степени способствовала и относительная легкость приобретения готовой сети вместо трудоемкого изготовления и хранения традиционных снастей.

Переходя к рассмотрению „второго крупного скачка“ в развитии сетевого и неводного рыболовства народов Северо-Западной Сибири, происшедшего под влиянием русских, необходимо отметить, что практика использования коренным населением сетевой снасти, сплетенной из сырья русского производства, первоначально распространялась медленно, поскольку сами русские в XVI—XVII вв. занимались прежде всего пушnodобычей. Тем не менее в источниках XVII в. упоминаются „мережи самоедские“, приобретаемые у русских²⁹. В описании „инородцев“ Березовского округа конца XVIII в. невод был назван первым в перечне рыболовных орудий³⁰. При характеристике хозяйства нижнеобских хантов и ненцев В. Ф. Зуев отметил: „Невод... от июня до сентября ходит беспрестанно“³¹. Однако, по свидетельству Ф. Белявского, в начале XIX в. самоседы не имели орудий типа неводов³². Согласно А. Ф. Миддендорфу, население Нижнего Енисея не применяло их в середине XIX в.³³

Разногласия в источниках относительно применения невода вызваны, по-видимому, тем, что в одних случаях неводом именуется крупная снасть русского производства, являвшаяся редкостью в хозяйственном арсенале аборигенов, в других — малый невод (полуневод, „туземный невод“), изготовлявшийся коренным населением. Кроме того, в XVIII — начале XIX в. неводный лов только начинал широко распространяться в Нижнем Приобье. Использование крупной неводной снасти в этот период отмечено лишь у манси и хантов Конды, где контакты с русскими были продолжительнее и теснее³⁴. Во многих других районах неводьба еще не заняла прочного места в хозяйственных циклах автохтонного населения, и рыболовная снасть типа стрежевых и салмовых неводов в основном принадлежала предпринимателям-организаторам промысла. Н. А. Свешников отмечал, что в низовьях Оби ханты и ненцы-полуневодчики „брали у рыбопромышленника все необходимое для невода (мережу, веревки и т. д.), ловили рыбу собственными силами и делили ее пополам, одну часть купцу в уплату за орудия лова, другую себе, но тоже сдавали ее этому же купцу за плату по соглашению“³⁵. Даже в конце XIX в., несмотря на широкое вовлечение коренного населения в неводное рыболовство, руководство неводьбой зачастую осуществлялось русскими рыбаками³⁶.

Тем не менее неводное промышленное рыболовство значительно видоизменило облик отрасли и хозяйственных комплексов в целом, что особенно ярко проявилось у жителей низовий крупных рек. Со второй половины XIX в. в устьях Оби, Таза, Енисея, на побережье Обской и Тазовской губ формируется многочисленная группа коренного населения, специализированно занимавшегося неводным рыболовством³⁷. По подсчетам Н. А. Варпаховского, в конце XIX в. около 7 тысяч „инородцев“ занималось неводьбой по Нижней Оби и Обской губе³⁸. К концу XIX в. ханты и ненцы северной тайги,

лесотундры и тундры уже имели собственный неводный инвентарь. Функции предпринимателей на этом этапе сводились к скупке части улова и „дообеспечению“ коренного населения промысловым снаряжением.

Если распространение неводно-сетевого лова промышленного характера среди „низового“ населения произвело за короткий срок (XIX в.) буквально „промысловую революцию“, то внедрение „товарной“ неводьбы в таежной зоне началось раньше (с XVIII в.), шло относительно медленными темпами и вызвало менее заметные перемены в хозяйстве селькупов, хантов, манси. Это видно и по тому, что среди низового населения сложилась новая артельная форма промысла, предусматривавшая связывание из отдельных „частных“ кусков большого невода, тогда как „остяки“, жившие выше по Оби, чаще всего занимались рыболовством силами малой семьи и посредством полуневода³⁹.

Во многом инертность таежных угров по отношению к крупноневодному лову объясняется ограниченным количеством пригодных для промышленного рыболовства угодий. По данным 1827 г., о хантах Пирчиной волости Сургутского отделения, живших по берегам Оби, сообщалось следующее: „От рыбопромышленности же инородцы никакой пользы себе не получают кроме собственного своего употребления. Удобных рыболовных песков и других угодий в сей волости нисколько не состоит“. Сходным образом охарактеризовано рыболовство хантов Салтыковой, Лумпокольской волостей, проживавших по берегам Оби, а также населения Малоюганской, Большеюганской, Пимской волостей, рассредоточенного на ее притоках. Ханты Ваховской волости имели шесть рыболовных песков, Тромъюганской — три, Аганской — два, Подгорной, Салымской и Селияровской — по одному, причем все крупные рыбоугодья сдавались в аренду рыбопромышленникам или русским крестьянам. Манси Сосьвинской волости „не только во владении у себя не имеют рыбопромышленных песков, от которых могли бы получать какие-либо выгоды через отдачу оных русским в кортом, но и сами едва для собственного пропитания могут добывать потребное количество рыбы“.

Особняком в приведенном перечне стоят жители волости Кодских городков, которые, „в дачах своих имеют 40 рыбопромышленных песков, на которых производят рыболовство, и часть оных отдают в кортом русским“. Тем не менее и кодские ханты „больших неводов по бедности свой завести не могут“, а „дслают для промысла рыбы мелкие ловушки как-то калыданы, сети и т. п., некоторые имеют небольшие невода“. Правда, уже в конце 30-х гг. XIX в. только на одном песке низямские (кодские) ханты в числе 45 ясачных плательщиков производили лов „четырьмя неводами для пропитания себя с семействами и сверх сего двумя неводами

промышляли за плату по 400 рублей в год⁴⁰, получаемых от купца С. Зыракова⁴⁰.

Кроме „фактора угодий“, рост товаризации рыболовства населения таежного Приобья сдерживался традициями использования для промысла разнообразного набора приемов и средств, прежде всего заборных сооружений. Если в тундрово-лесотундровой зоне промышленный неводной лов внедрялся на место слабо развитого сетевого, то в таежных областях весомой альтернативой ему выступал заборный промысел. Многие хозяйства хантов, манси, селькупов (в отличие от ненецких и хантыйских „низовых“) лишь часть времени отводили неводьбе, тогда как основное внимание по-прежнему уделяли заборному лову.

Заборное рыболовство широко применялось автохтонами западно-сибирской тайги уже в эпоху бронзы, и его возникновение относится, вероятно, ко времени существования финно-угорской общности, то есть к концу IV—III тыс. до н. э.⁴¹ Способы лова рыбы посредством заборов к концу рассматриваемого периода не претерпели существенных изменений по сравнению с серединой II тыс. н. э. и более глубокой древностью. Исключение составляет лишь введенная русскими практика строительства езов через крупные реки. Как уже говорилось, у восточных хантов существовал сакральный запрет „запирать“ крупные реки. В 30-е гг. „ясашные“ Верхне-Пельмской волости просили запретить крестьянам д. Пельмыки перепораживать реку большими неводами в период хода рыбы; „ясашные“ Тарханской волости жаловались на применение крестьянами еза, запиравшего всю реку⁴². Крупные осенне-зимние запоры через Обь, описанные В. Ф. Зуевым⁴³, едва ли были традиционны для угров Нижней Оби. По словам Н. А. Варпаховского, „заграждения Оби, стоящие дорого и непосильные инородцам, доставляют доход и прибыль только немногочисленным предпринимателям из русских промышленников. Инородец ловит зимой для себя щуку и язя хотя и с помощью заграждений, но они, как частичные, имеют мало общего с только что описанными (обскими езами. — А. Г.)“⁴⁴.

В источниках XVII в. упоминаются и „езы самоедские“, появление которых С. В. Бахрушин справедливо объясняет русским влиянием⁴⁵. Ранние русские источники могли не дифференцировать различные по типу и размерам заборные сооружения „инородцев“ и называть езами не только крупные запоры, но и заколы типа хантыйский варов и мансийских арп. Обращает на себя внимание и тот факт, что езы названы самоедскими, тогда как в XIX в. нижеобские ненцы заборным рыболовством не занимались. Едва ли в данном сообщении речь шла о пян-хасово (пуровских лесных ненцах). Упомянутые запоры сооружались скорее приобскими лесными ненцами — ляпинскими куноватскими, сыневскими самоедами (позднее ассимилированными хантами).

Неравномерность развития „низового“ и „тасжного“ рыболовства прослеживается и по количеству отдававшихся в короткий рыбоугодий. Если по Оби и притокам южнее Обдорска в пределах Куноватской, Сосьвинской и Ляпинской волостей из зафиксированных в 1914—1916 гг. 120 рыболовных угодий полностью или частично в аренду предпринимателям сдавалось только 21, то ниже Обдорска из 53 угодий промышленниками арендовалось 41⁴⁶. Такие различия в пропорциях обусловлены, очевидно, не только лучшими уловами высокосортной рыбы в „низовом“ районе по сравнению с Березовским, но и первоначальным соотношением долей участия традиционного хозяйства и торгово-промышленной инициативы в формировании определенного комплекса рыболовства. В ареале проживания северотасжного угорского населения предпринимателям приходилось внедряться в традиционный промысловый уклад, тогда как в зоне лесотундры их инициатива была „первопричиной“ развития интенсивного рыболовства. Кроме того, многие северотасжные угодья, являясь пригодными для запорного лова, не соответствовали требованиям неводно-промышленного и оставались вне сферы участия русского предпринимательства.

В этом же ключе следует рассматривать, с одной стороны, четко определенную собственность на отдельные рыболовные угодья у остяков, и с другой стороны, весьма непрочное установленное владение неводными песками у самоедов. По сообщениям кондинских манси, хантов Демьяна, Югана, Казыма, Назыма, рыболовные угодья были строго распределены между селениями или отдельными лицами. Относительно неводных угодий примечательен случай (1837 г.), когда ханты Селиярской волости ревностно отстаивали свои права на рыболовный песок, которым они „владели с издревле“, „сначала сами его расчищали и производили рыболовство... неводами“⁴⁷. На этом фоне контрастно выглядит факт покупки двумя купцами угодья „салмы Вануйтовские“ в Обской губе у разных родов инородцев (ненцев), каждый из которых считал эти салмы своими⁴⁸.

Рыболовство хантов, манси, селькупов, оставаясь в основе своей традиционным, в результате русского влияния в течение XVI—XIX вв. было лишь в большей (Конда, Кодские городки) или меньшей (Среднее Приобье) степени модернизировано за счет появления новых средств промысла и повышения торгового спроса на продукцию промысла. В низовьях Оби, Таза, Енисея сложилась совершенно новая по своему облику и значению отрасль рыбной промышленности, основанная на русском предпринимательстве. По мнению В. И. Васильева, рыболовство, как ни одна другая из основных отраслей северного хозяйства, подверглось глубинным преобразованиям вплоть до приобретения характера капиталистического производства. Следствием этого процесса явилось склады-

вание в устьях Оби и Енисея довольно значительной прослойки безоленных семей, занимавшихся рыболовством и находившихся в полной зависимости от русских предпринимателей и торговцев⁴⁹.

До прихода русских специализация на рыболовстве в тундролесотундровой зоне едва ли была возможна. Не случайно в ненецком фольклоре образ рыболова ассоциировался с крайней нуждой. К примеру, в сказании „Старик-рыболов“ „старик со старухой живут только вдвоем... настолько бедны, что чум их покрыт сухой травой“⁵⁰. У свропейских ненцев термин „едома“ имел два значения — нищенство и хозяйственный коллектив рыболовов⁵¹. В XVIII—XIX вв. частые эпизоотии, потери и отравы оленей предопределяли постоянство процесса разорения оленеводов и перехода их к рыболовству. При этом отсутствие необходимого инвентаря и опыта круглогодичного занятия промыслами сводило шансы самостоятельной выживаемости экс-оленеводов до минимума, что вынуждало их присоединяться к северотаежным осяткам-рыболовам или наниматься в качестве работников к оленеводам. Как подметил Б. Н. Городков, русские предприниматели, предоставляя в кредит рыболовные сети, пищевые продукты, предлагали подобным „маломощным“ хозяйствам привлекательную альтернативу⁵².

Благодаря высокому техническому и торговому уровню промышленное рыболовство по надежности заметно превосходило натуральное хозяйство, поэтому им зачастую не пренебрегали и семьи, имевшие до двухсот оленей. Показательно, что с организацией в 1930-е гг. заготовительных пунктов, вокруг них даже в глубине тундры довольно быстро образовался „штат“ поставщиков рыбы⁵³. Аналогично воздействие товарных отношений прослеживается и в экономике оленных чукчей, у которых до XIX в. рыболовство не практиковалось, и только в результате деятельности русских предпринимателей стало одной из важнейших отраслей хозяйства⁵⁴. В противовес мнению Н. А. Варпаховского, полагавшего, что численный рост населения побережий обусловливал совершенствование орудий труда⁵⁵, промышленное рыболовство можно считать причиной увеличения населения Западно-Сибирского Севера, особенно его лесотундровой зоны. Более того, данная хозяйственная ситуация стала основой этнического смещения в Нижнем Приобье представителей коренных и пришлых народов. К примеру, в 1908 г. на рыбных промыслах в низовьях Оби работало 1308 русских и татар, 1783 ханта, ненца и коми⁵⁶.

В таежных районах Приобья благодаря развитию русского предпринимательства также произошли изменения в промысловых циклах коренного населения. В середине XVIII в. концентрации осятков-рыболовов на Оби в летнее время еще не наблюдалось. Обские ханты, по словам В. Ф. Зуева, „от р. Оби мало отделяются, разве отходят в летнее время по другим речкам за промыслом рыбы“⁵⁷.

Лишь к XIX в. нарымские остяки разделились на „обских“ и „речных“ („приточных“)⁵⁸. В конце XVIII в. „остяки всех волостей... со всем семейством в июне месяце для рыбного промысла на реку Обь“ выплывали⁵⁹. Не случайно в середине XIX в. ханты Большеюганской инородной управы просили перенести сроки внесения ясака с зимы на позднюю весну, „ибо в это время им необходимо всем выезжать из своих улусов в с. Юганское постовать и для лова рыбы на провизию целого года“⁶⁰. Таким образом, рыболовство таежного неводно-запорного типа сформировалось в результате инкультурного (русского) воздействия к концу XVIII в.

В целом определяются следующие наиболее общие изменения, происшедшие в XVII—XIX вв. в рыболовстве народов Северо-Западной Сибири: повсеместное распространение сетевой снасти русского производства, становления таежного неводно-запорного (конец XVIII в.) и низового неводного (середина XIX в.) типов рыболовства, сужение ареала ненецкого лесного рыболовства ввиду ассимиляции уграми северотаежного приобского самодийского населения. Тем самым из четырех основных типов рыболовства населения Западно-Сибирского Севера рубежа XIX—XX вв. два сформировались под воздействием русского предпринимательства. К началу освоения русскими Сибири типовая картина местного рыболовства была несколько иной.

В середине II тыс н. э. рыбный промысел угорского и самодийского населения тайги основывался, по-видимому, на использовании разнообразных запорных сооружений, облавливаемых посредством плетеных прутьев и дранковых (типа морд, гимг, котцов, коробов), сетевых (типа малых неводов, вентерий, саипов, чердаков) и острогово-крючковых снастей. Локальные особенности постановки и использования запоров, обусловленные прежде всего экологически, были теми же, что и на рубеже XIX—XX вв. (за исключением ёзов через большие реки), — главные различия по величине, количеству и режиму действия запоров наблюдались между районами верховой и низовой притоков крупных рек.

Сетевые (крапивные, тальниковые) снасти, применявшиеся независимо от запоров — ставные снасти, невода, калыданы, — наибольшее распространение получили в непосредственной близости от крупных рек, что было обусловлено оседлостью низового населения (возможностью рационального использования и хранения громоздкой снасти), а также связано с акваториальной спецификой — лишь на больших сорах было целесообразно применение крупных сетей, на местах скопления проходной рыбы (ямах, песках, салмах) — калыданов и неводов. Не случайно в Усть-Полуе обнаружены грузила, служившие для оснастки не только сетей, но и сетевых ловушек типа калыдана⁶¹. В районах верховой рек сетевая снасть использовалась преимущественно для облова запорных сооружений.

Обратная зависимость прослеживается в распределении средств острогово-крючкового лова. Имевшиеся в ранних литературных источниках описания острогового промысла рыбы относятся к мелким водосам: по материалам В. Ф. Зуева, осенью на речках самосды сооружали донные настилы из бересты, служившие контрастным фоном при лучении: острожение практиковалось и на отмелях проток с лодок при свете берестяных факелов; в зимнее время рыбу кололи у небольших запоров в прорубях, используя деревянные приманки⁶². Манси, по описанию П. С. Палласа, поздней осенью для лучения налима сооружали специальные заграждения с нишами, под которые подстилалась береста⁶³. Кстати, в календаре кондинских манси сохранилось наименование декабря месяцем налима (*сехсериа еихи*), что может быть свидетельством значимости в прошлом этого вида промысла.

Полевые этнографические исследования обнаруживают высоко-развитое остроговое рыболовство и практику отстрела крупной рыбы из лука в отдаленные от Оби районах — у манси Предуралья, селькупов среднего и верхнего Таза. Аналогичная картина складывается при учете археологических данных: обилие острог и гарпунов сосредоточено в восточном Предуралье⁶⁴, встречаются эти орудия и при раскопках памятников в районах современного расселения северных нарымских селькупов⁶⁵.

Заметную роль в рыболовстве играло и использование крючковой снасти. М. Ф. Косарев считает, что в эпоху раннего металла она являлась основным средством зимнего рыболовства⁶⁶. До недавнего времени селькупы и ханты для промысла щуки и налима применяли не только металлические, но и деревянные крючки. Высокой эффективностью отличался крючковый лов хариуса в восточно-уральском ареале. По полевым наблюдениям, большой ассортимент крючковых снастей (уды, жерлицы, дорожки) представлен в глубинно-таежных районах, тогда как в приречных использовались в основном крупная снасть типа переметов.

В целом наиболее существенные различия фиксируются применительно к эпохе средневековья в рыболовстве населения крупных рек и притоков. Обские и иртышские хозяйства основной промысел производили в протоках крупных рек и устьях их притоков, обитатели глубинных районов — на старицах, устьях ручьев, проточных озерах. Если приречные жители наряду с запорами широко использовали сетевые снасти (в том числе невода, калыданы), то в глубинно-таежных районах применялись главным образом гарпунно-остроговые и крючковые орудия. Таким образом, в зоне тайги выделяются два основных типа рыболовства, условно обозначаемых как запорно-сетевой и запорно-остроговый.

В тундрово-лесотундровой зоне, помимо тальниковых сетей, основными средствами рыболовства были гарпунно-остроговые снасти.

В связи с этим общий для населения тундры и лесотундры тип рыболовства можно обозначить как острогово-сетевой. Однако часть тундрового населения, располагавшаяся в летне-осенний период на побережье полуморских губ, уделяла рыболовству значительно больше внимания, чем глубинно-тундровые охотники. Данная разновидность промысла определяется как прибрежный подтип тундрового рыболовства. Кроме того, среди обитателей тундры была группа хозяйств, постоянно проживавших вдали от полосы лесов на побережье морей⁶⁷ и занимавшихся рыболовством с помощью гарпунов и острог. Названные особенности арктического рыбного промысла позволяют обособить его как приморский остроговый подтип тундрового острогово-сетевого типа (см. картограмму 4).

2. Морской зверобойный промысел

Охотой на моржа, морского зайца (лахтака), гренландского и кольчатого тюленя, нерпу, белуху, белого медведя занималось некое население северного побережья Ямала и Гыдана. В число объектов морского зверобойного промысла нередко включается кит⁶⁸, однако, по сообщениям ямальских и гыданских ненцев, коренное население ограничивалось использованием в хозяйстве и торговле остатков китовых туш (прежде всего костей), выброшенных на берег приливом.

В отдаленных районах северной периферии тундры Западной Сибири различным было соотношение объектов морской охоты. На западе Ямала существенное значение имел промысел моржа, на северном побережье Обской губы — лахтака, тюленя и нерпы, в более южных акваториях морская охота сводилась к случайному промыслу белухи.

Способы охоты на моржа варьировали в зависимости от биологических факторов. Летом на Западном Ямале проводился промысел моржей на лежбищах с помощью гарпуна и огнестрельного оружия (в непосредственной близости от западного побережья Ямала, на островах Шараровы Кошки в начале XX в. находилось единственное в Западной Сибири значительное моржовое лежбище⁶⁹). На остальных участках побережья Карского моря и Обской губы лежбища моржей отсутствовали, поэтому практиковалась охота на льдинах в летний период и промысел посредством подстерегания на льду в осеннее, зимнее и весеннее время. При этом наиболее эффективным среди восточно-ямальских ненцев считался весенний отстрел моржа в полыньях и на кромках льда, когда скрадыванию способствовали частые туманы. Кроме того, весной, по данным С. П. Наумова, моржи заходили довольно далеко в заливы, где открывались дополнительные возможности для их промысла⁷⁰.

Периодом охоты на лахтака был конец лета — начало осени, когда группы охотников выслеживали зверя на льдинах и с помощью

маскировочного щита отстреливали его из ружей или луков. Осенью производился ограниченный промысел морского зайца на речных отмелях путем скрадывания и отстрела.

Тюленя североямальские и северогыданские ненцы промыслили в течение всего года, за исключением „темного“ периода (декабря—января). Весной практиковалась охота „на припас“ (прибрежном льду) с помощью лука или огнестрельного оружия, летом — теми же средствами на льдинах, а также с лодок по открытой воде посредством гарпуна, осенью — на морских и речных берегах. Кроме того, в Обской губе для промысла тюленя использовались связки крупных осетровых крючков, укреплявшихся в лунках-отдушинах и задерживавших зверя при уходе под лед. Наиболее эффективной была охота в зимнее полугодие скрадыванием на льду с применением для скоростных передвижений оленьей упряжки.

Осенний и весенний промысел нерпы во многом напоминал охоту на тюленей, с той лишь разницей, что осенью нерпа не заходила в реки. Основным сезоном охоты на нерпу была поздняя весна, когда зверя скрадывали и отстреливали у лунок. Летом на нерпу, как правило, не охотились.

Промысел белухи был распространен не только на северном приморском побережье западно-сибирской тундры, но и значительно южнее, вплоть до низовьев Оби и Таза. При этом обнаружение белухи не являлось итогом специального охотничьего поиска, а было случайностью для рыболовов, которые чаще всего и осуществляли ловлю зверя. Криком и шумом с лодок белуху загоняли на мелководье и забивали копьями или иными подручными средствами. По свидетельству северогыданских ненцев, белух загоняли в рыболовецкие сети, где также закалывали. Аналогичный способ, практиковавшийся ненцами о. Вайгач, отмечен А. Шренком⁷¹. Ямальским ненцам было известно использование главным образом выброшенных на берег туш белух. В целом, по справедливому замечанию К. К. Чапского, добыча белухи носила в Западной Сибири случайный характер и сколько-нибудь значительным промыслом не являлась⁷².

Охота на белого медведя в силу своей трудоемкости и ряда ограничений сакрального порядка⁷³ не отличалась сезонной регулярностью. Данный промысел практиковался ненцами на северных окраинах Ямала, Гыдана и на арктических островах⁷⁴. Наиболее пригодным периодом считался конец зимы — начало весны, когда группы охотников уходили на промысел во льды, используя для передвижения упряжки оленей. По словам ямальских и гыданских ненцев, в качестве орудий охоты применялись ружья, луки, копья (использование последних на левобережье Енисея засвидетельствовал в середине XIX в. А. Ф. Миддендорф⁷⁵). В отдельных случаях отстрел белого медведя проходил и в другие сезоны (например,

летом, как об этом упоминает М. А. Кастрен⁷⁶), представляя собой скорее инцидент, нежели промысел.

Таким образом, морской зверобойный промысел на севере Ямала и Гыдана состоял из зимне-весенней охоты на моржа, тюленя и нерпу скрадыванием на льду, отстрела в это же время белого медведя, летнего промысла моржа, лахтака, тюленя на льдинах (в западном секторе Ямала — на ледбищах), загона белухи, осеннего отстрела моржа, лахтака и тюленя на берегах, позднего „самоловного“ промысла тюленя и нерпы у лунок. При этом летние виды охоты могли осуществляться всеми хозяйствами, достигавшими побережья, тогда как зимние — лишь немногими семьями, оставшимися на зимовку в северной тундре. Кроме того, хозяйства, проводившие летнюю морскую охоту, как правило, временно передавали своих оленей пастухам и совмещали зверобойный промысел с рыболовством.

Следует также отметить, что данная отрасль требовала особых навыков и специального инвентаря: промысел по открытой воде предполагал использование больших дощатых лодок, в то время как оленеводы перевозили с собой на нартах лишь небольшие долбленки; специальные четырехвесельные мореходные лодки, общее число которых на Ямале не превышало 15—20⁷⁷, хранились в особых местах и применялись только их хозяевами. Почти не менялся и количественный состав зверобоев: на Ямале число хозяйств, занимавшихся морским промыслом, достигало 100, на севере Гыдана — 24⁷⁸.

Об эффективности морской охоты свидетельствуют следующие данные: за 1926 г. 100 ямальских хозяйств, проводивших зверобойный промысел, добыли 88 нерп, кольчатых тюленей и морских зайцев, 577 гренландских тюленей и 17 моржей, ненцы Гыдана — 153 тюленя⁷⁹. За сезон охоты на прибрежном льду в зимне-весенний период ненцы полуострова Явай в числе 27 семей добывали около 30—40 нерп⁸⁰. В то же время охотовед Н. Н. Спицын применительно к северному Ямалу упоминает о значительно большей продуктивности весенней охоты на нерпу, достигавшей 5—6 штук на хозяйство⁸¹. Сходным образом при описании промысла белого медведя в одних случаях называются высокие показатели (40 штук на артель из пяти ямальских ненцев на зимний период), в других — менее внушительные (не более десятка на 27 хозяйств Явая за год).

Несмотря на расхождения, приведенные данные свидетельствуют о заметном внимании северных ненцев к морской охоте и о вполне ощутимой ее эффективности. Продукция зверобойного промысла (шкура, кость, жир) использовалась прежде всего для изготовления хозяйственного инвентаря, утвари⁸². В пищу мясо морского зверя почти не употреблялось, за исключением периодов голодовок. Некоторые виды продукции (ремни из шкур моржа и лахтака) пользовались большим спросом у оленеводов, другие (шкура белого

медведя, клык моржа) — у русских купцов, в связи с чем морской зверобойный промысел имел и определенное товарное значение. В 1870 г., например, на Обдорскую ярмарку ненцами было привезено для продажи 2000 сажень моржового ремня⁸³.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. охотой на морского зверя занималась часть тундрово-ненецкого населения Ямала и Гыдана, достигавшая побережий в период летних перекочевок или остававшаяся на северной периферии полуостровов круглогодично, тогда как в экономике большинства жителей тундры морской зверобойный промысел имел второстепенное значение. Имеются основания утверждать, что прежде охота на морского зверя являлась для обитателей северной тундры основной отраслью хозяйства.

* * *

По археологическим данным, на побережье Ямала в конце I — середине II тыс. н. э. существовали поселения оседлых (полуоседлых) охотников на морского зверя. В землянках на Тиутейсале подавляющее большинство остеологических останков составляют кости моржа, на поселении Хаэн-сале преобладают кости нерпы, хотя встречаются и останки моржа, кита и белого медведя. Оценивая полученные материалы, автор раскопок В. Н. Чернецов заключил, что на северном Ямале существовала приморская культура, характеризующаяся развитым зверобойным промыслом (предполагавшим использование кожаных лодок) и развитой костяной индустрией⁸⁴.

Польский летописец Матвей Меховский в сочинении, датированном 1517 г., свидетельствовал: „Народы, живущие близ берегов Северного океана, как, например, юнгры, корелы, занимаются рыболовством, а также охотятся на китов и на морских коров и собак (тюленей)“⁸⁵. Иероним Мезигер в начале XVII в. упомянул об охоте предков современных ненцев на китов⁸⁶. Косвенным указанием на китовый промысел является записанная Г. Д. Вербовым загадка — „китовые ребра чумом поставлены“ (чум), — с которой перекликается описание П. М. де Ламартиньером в середине XVII в. жилища борандайцев из рыбьих костей, а также свидетельство Ф. Беляевского о бытовании в начале XIX в. на Обском Севере челнока с покрытием из китовых кишок⁸⁷. В сказании „вадеси-салоку“, записанном у ненцев Гыдана, упомянут великан, живший на побережье моря и охотившийся на китов.

По приведенным данным трудно с уверенностью судить, имела ли в прошлом место активная охота на китов или арктическое население попросту использовало выброшенные на отмель туши, как это было в конце XIX — начале XX в. Существование китобойного промысла обычно предполагает наличие специфической и

сложной культуры, памятниками которой на Северо-Востоке Азии, например, являются Чинийский могильник, Китовая Аллея⁸⁸, и остатков которой на севере Западной Сибири не обнаруживается. Тем не менее факты утилизации китовых останков, существования специального термина *халэ* в значении „кит“, упоминания кита в легенде о мироздании⁸⁹, как и все выше сказанное, свидетельствуют о близком и давнем знакомстве предков ненцев с фауной арктических морей.

В источнике XVII в. отмечается, что „подле моря“ коренными жителями Березовского округа добываются „морские белые медведи, моржи, нерпы или тюлени, белухи и морские зайцы“⁹⁰. Материалы В. Ф. Зуева дают и некоторую информацию о приемах морского промысла: береговая охота на моржа проходила с помощью гарпуна, белух загоняли на отмели и забивали⁹¹. В источниках более позднего времени отразилось состояние промысла уже в статусе подсобной отрасли. Таким образом, после свидетельства П. М. де Ламартиньера (середины XVII в.) о строительстве борандайцами жилищ из рыбьих костей и ношении одежды из шкур белого медведя⁹² известий и сколько-нибудь высоким уровне развития морского промысла у сибирских и европейских ненцев не имеется. Если не принимать во внимание расхожее в прошлом реноме П. М. де Ламартиньера как северного Мюнхаузена, можно заключить, что XVII век явился финалом существования приморской культуры в Западной Арктике. Кстати, именно в середине XVII в., по определению В. Н. Чернецова, были заброшены зсмлянки на Хаэн-сале⁹³.

Причину кризиса приморской зверобойной культуры И. И. Крупник видит в смене климатических периодов от теплого и благоприятного для морского промысла (IX—XII вв.) на неустойчивый с частыми бурями, штормами, суровыми зимами (XIII—XV вв.). К середине XVI в. с началом нового похолодания климата Арктики экологический кризис западной приморской культуры еще более усилился. И. И. Крупник не упускает из внимания и то обстоятельство, что „именно в этот период времени в Баренцевом и Карских морях начинается интенсивнейший морской промысел русских поморов и европейских (голландских, английских, норвежских и др.) китовосов... Хищническое истребление ими самых крупных стад морских млекопитающих, нарушение традиционных путей их миграций полностью подорвало промысловую базу приморского населения и вынудило его искать новые средства существования“⁹⁴.

Отдавая должное стройности предложенной автором конструкции, следует отметить, что те же экологические факторы не сыграли роковой роли для зверобойной культуры чукчей и эскимосов, да и на самом Ямале стоянка морских охотников на Хаэн-сале существовала в наиболее неблагоприятный (по И. И. Крупнику) климатический период. Экологические факторы подобного свойства без-

условно отражались на развитии экономики древнего населения Севера, но едва ли правомерно выдвигать их на первый план. Что касается второго из выдвинутых обоснований⁹⁵, то оно представляется вполне убедительным. Сходным образом, к примеру, в результате отстрела морского зверя американскими и японскими промысловиками в Беринговом и Охотском морях зверобойный промысел коряков и кереков в XVII—XIX вв. пришел в упадок⁹⁶.

Приморская культура Западной Арктики основывалась не только на морской охоте, но и на промысле дикого оленя, численность которого во второй половине II тыс. н. э. резко сократилась (почти синхронно со спадом количества морского зверя). Одновременно происходило становление крупнотандного оленеводства, носители которого, достигнув северных тундр, сыграли аккультуративную роль для морских зверобоев. Решающее воздействие ненцев-оленьеводов на приморскую культуру Ямала справедливо отмечали В. Н. Чернецов и В. И. Васильев⁹⁷.

Как показано в обзоре зверобойного промысла конца XIX — начала XX в., морская охота осуществлялась круглогодично, в связи с чем не следует при реконструкции хозяйства древних приморских жителей приурочивать ее к какому-либо определенному сезону. В. Н. Чернецов, например, считал, что зсмлянки на побережье служили лишь зимними пристанищами морских зверобоев, тогда как на лето местное население уходило вглубь тундры для охоты на дикого оленя, линного гуся и рыбной ловли⁹⁸. В другой работе тот же автор, рассматривая находки на дюнах мыса Туштей-сале, делают заключение, что „мы имеем дело с временной стоянкой, обитавшей лишь в сезон морского промысла“⁹⁹. Между тем „сезоном“ в данном случае могло быть в равной степени любое время года, в том числе и лето, когда на Туштей-яхе наряду с морским промыслом проводился лов омуля (в августе-сентябре).

По мнению И. И. Крупника, хозяйство аборигенов Западной Арктики (в период благоприятного несо-атлантического климата) „было представлено в нескольких вариантах, и помимо более оседлых береговых жителей следует предположить существование в глубинных тундровых районах полукочевого населения, жившего за счет охоты на дикого оленя и рыболовства и выходявшего летом к побережью для сезонного промысла“¹⁰⁰. Эта версия в определенной мере сочтается с заключением В. И. Мошинской о существовании зверобойного промысла в хозяйственном комплексе обитателей Усть-Полуя¹⁰⁰ — населения района лесотундры, находящегося на значительном расстоянии от зверобойных угодий.

Таким образом, реконструктивные схемы хозяйственного цикла морских зверобоев достаточно противоречивы. Следует отметить, что летние неморские промыслы арктического населения могли иметь место не в глубинной тундре, а по соседству с поселениями

вблизи побережья: лов рыбы зачастую проходил в устьях тундровых рек, для охоты на дикого оленя и линную птицу в летнее время осуществлялись не длительные переселения к угодьям, а (по аналогии с этнографическими реалиями) короткие рейды. Иначе говоря, морской промысел в летний период, несмотря на ведение иных отраслей, не прерывался, чему, по-видимому, способствовало внутрисоборное разделение труда, как это было в ненецких оленеводческих (цысы) и рыболовных (таюч) хозяйственных коллективах более позднего времени.

Предположение И. И. Крупника о выходе полукошевого населения глубинной тундры на побережье для морской охоты в летний сезон едва ли правомерно, поскольку, за отсутствием в тундре надлежащих биоэкологических условий и ресурсов, в доолениводческий период такого населения быть не могло. Охотники на дикого оленя откочевывали на зиму к границе лесов, а к лету достигали лишь южно-тундровых промысловых угодий. По той же причине нуждается в уточнении замечание В. И. Мошинской о практике морского промысла усть-полуйцами. Орудия и другие изделия из моржового клыка, упоминаемые ею, могли быть получены обменным путем и посредством случайного промысла моржа в южном секторе полуморских акваторий. Гарпуны, изготовленные из олсней кости (что само по себе симптоматично, так как кость морского зверя — в достаточном количестве — более пригодна для подобных целей), скорее всего применялись не для зверобойного промысла, а для охоты на дикого оленя („на плавях“) или лущения рыбы. Исключением составляла охота с копьями на белуху, нередко заходившую в устье Оби: по свидетельству П. С. Палласа, „шесть верст ниже Обдорска г. Зуев нашел смь... голов (белухи. — А. Г.) на одном жертвенном остячком месте, кои соседственные самоседы и остяки прошлого году выше Обского устья на отмелях местах убили“¹⁰².

Остается заключить, что в период, предшествовавший освоению русскими Сибири, прослеживаются два типа охоты на морского зверя: приморский — специализированный круглогодичный промысел, проводимый арктическим населением (жители Тиутей-сале, Хаэн-сале, а также, возможно, побережий Байдарацкой губы и западного Гыдана), и низовой — эпизодическая добыча отдельных видов морских животных (в основном белух) усть-полуйцами и другими обитателями тундрово-лесотундровой зоны.

3. Промысел копытных

Охота на крупных копытных, имевшая большое значение в пищеобеспечении и получении сырья для изготовления одежды, жилых построек, хозяйственного инвентаря, утвари, включала в себя промысел дикого северного олсния и лося. В зоне тундры и

лесотундры главным объектом охоты был тундровый олень, на тасжной территории — лось и дикий тасжный олень (косуля).

В конце XIX — начале XX в. небольшая популяция тундрового оленя сохранялась лишь в зоне арктических тундр Ямала (до широты р. Тамбей), Гыдана (до устья р. Юрибей), островов Белый, Шокальского, Олений, Сибириков¹⁰³. Южнее 71° с. ш. до полосы лесотундры дикий олень почти не встречался, за исключением некоторого числа особей (перемещавшихся вслед за домашними стадами с полуостровов Явай, Мочуй-сале в лесотундру, ранней весной накануне движения оленеводов — обратно на север), а также небольшого дикого стада, сохранившегося на Ненянг-сале. Дикие олени, периодически появлявшиеся на левобережье Енисея, представляли собой западную ветвь таймырской популяции. Таким образом, тундровый дикий олень был представлен в основном арктическими группами, которые подразделялись на „стоялые“, круглый год обитавшие в материковой арктической тундре, и „морские“, мигрировавшие к лету на острова, к зиме — на материк¹⁰⁴.

По сообщениям североямальных, северогыданских и усть-енисейских ненцев, в летний период практиковался промысел „стоялого“ дикого оленя посредством скрадывания с помощью маскировочного щита и отстрела из лука или ружья. Кроме того, по всей арктической зоне Западной Сибири были распространены способы загона диких оленей на засаду лучников в перешек двух озер или непосредственно в озеро, где плывущих животных кололи копьями с лодок. Загон обычно производился на оленьих упряжках, при этом известны случаи сооружения загонного „коридора“ из шестов с укрепленными на них кусками старых нюков. О существовании у ненцев приемов летней загонной охоты на дикого оленя свидетельствуют также материалы А. А. Попова, Л. В. Хомич¹⁰⁵. На морских оленей проводилась охота скрадом на островах, куда ненцы персправлялись на больших дощатых лодках, применявшихся для зверобойного промысла.

Осенью в период гона оленей проходила охота с „манщиками“, в качестве которых использовались самцы с укрепленными на рогах петлями, или важенки, управляемые арканом. Этот промысел осуществлялся как в материковых тундрах, так и на островах, куда манщик переводился по окрепшему льду. Способ охоты с манщиком на Северном Ямале упомянут и в работе И. В. Друри¹⁰⁶.

В зимний период практиковался сходный с летним способ поиска группы диких оленей на упряжке с последующим скрадыванием при помощи маскировочного щита и отстрелом из лука или ружья. Ранней весной проводилась загонная охота на упряжках по насту; на Ямале был распространен зимне-весенний загон оленей на скрытую в овраге засаду лучников.

На левобережье Енисея, куда заходили таймырские дикие олени, многие из названных видов промысла осуществлялись не только в

арктических, но и центрально-тундровых районах вплоть до лесотундры, хотя эта охота ввиду непостоянства маршрутов миграций оленя не имела облика стабильного промысла, характерного, к примеру, для таймырских нганасан¹⁰⁷.

Правда, на левобережье Енисея, как и на Таймыре, имелись места сезонных переправ оленей (на реках Б. и М. Хета, Соленая), пригодные для проведения поволоков „на плаву“, но, по свидетельству А. Ф. Миддендорфа, эффективность этого промысла в указанном районе была невелика¹⁰⁸.

Более южным ареалом распространения дикого оленя была зона тайги, являвшаяся также районом обитания лося. В конце XIX — начале XX столетий дикий тасжный олень и лось были распределены в Западной Сибири далеко не равномерно. Если применительно к левобережью Оби и Зауралью источники упоминают о значительном количестве лосей и оленей, то в междуречье Оби и Таза лось был крайне редок, а олени встречались отдельными группами лишь в верховьях некоторых рек (Полуя, Надыма), причем наиболее крупной на правобережье Оби была популяция оленей, проводившая лето на Нанянг-сале, зиму — на водоразделе Пура, Таза и Надыма. В тасжном междуречье Оби и Иртыша численность крупных копытных была значительной, в районе Конды лоси встречались гораздо реже, чем олени¹⁰⁹.

Одним из наиболее широко распространенных и продуктивных был промысел лося и оленя ранней весной по насту (чарыму, чиру) или, в отсутствие наста, который образовывался не каждый год, по глубокому снегу. В пограничной полосе лесотундры и северной тайги (нижнем течении Оби, Пура, Таза), где проводили зимовки оленеводческие хозяйства, для охоты на дикого оленя по насту нередко использовались оленьи упряжки. В тасжных районах загон лося и оленя проводился на лыжах. Манси и ханты бассейна Конды, ханты Демьянки, Салыма, Б. Югана, Васюгана, некоторых районов правобережья Средней Оби, нарымские селькупы в большинстве случаев проводили весенний промысел лося индивидуально, ханты Пима, Назыма, Казыма, Войкара, тазовские селькупы — группами в составе 3—5 человек. Среди ненецкого населения низовий Таза и Пура, кроме загонного способа, в зимне-весенний период использовался характерный для тундровой зоны прием скрадывания диких оленей с помощью маскировочного щита.

Летняя охота на лося и оленя в северной тайге проводилась эпизодически (например, постановка петель на лося шурышкарскими хантами), а на правобережье Оби подобная практика неизвестна. В этом отношении показательна подмеченная В. Н. Скалоном нестандартность эвенкийского летнего промысла оленей с помощью собак в низовьях Таза¹¹⁰. У манси Конды и хантов Демьянки, напротив, „тормование“ лося в комарный период (подстергание у

водосемов и отстрел) являлось традиционным¹¹. Кроме того, по сообщениям кондинских манси, летом вблизи водосемов на лосей сооружались ловчие ямы с вбитыми в дно кольями.

Широко распространенными среди угорского населения Западной Сибири был осенний промысел лося и оленя посредством загородей и самострелов. Особенно активно эта охота проходила в предгорных районах, где устанавливались длинные (до 100 км) „огороды“ с самострелами. Для этого выбирались места традиционных путей осенних миграций лося через Урал. Меньшие по протяженности (от нескольких сот метров до 10 км) изгороди с самострелами, ловчими ямами, петлями из лыка сооружались в среднем и нижнем течении левых притоков Оби и Иртыша. С учетом осенних меридианальных миграций лося и оленя небольшие „засеки“, оснащенные луками и ямами, самострелами устанавливались хантами Казыма, Назыма, Тромъюгана, Агана, Ваха, Б. Югана, Салыма, Демьянки. Следует отметить, что по сравнению с северной тайгой в северотаежных районах данный вид промысла был более массовым и разнообразнее оснащенным охотничьими приспособлениями (на северной границе леса, по данным Л. В. Хомич, на период миграций оленей устанавливались лишь настороженные луки)¹².

Осенью в период гона оленей лесными ненцами, хантами Агана, лесотундровыми ненцами низовий Оби, Пура, Таза практиковался промысел с манщиком. Разумеется, этим видом охоты могли заниматься только оленеводческие хозяйства. Юганским хантам был известен более примитивный способ, заключающийся в отстреле диких оленей, приближавшихся к жилищу вслед за домашними важенками. В остальных районах промысел дикого оленя и лося в период гона проводился с помощью охотничьих собак.

Все перечисленные выше приемы охоты на крупных копытных были прерогативой взрослого мужского населения. Эффективность отдельных видов промысла была достаточно высока: загонная охота в арктической тундре приносила до нескольких десятков оленей; за сезон промысла со скрадом или оленем-манщиком в арктической тундре и лесотундре охотник мог добыть до десятка оленей: сезон загонной охоты по насту в районе Конды имел результатом отстрела 20—30 оленей на одно хозяйство, в районе Демьянки и Б. Югана — 10—15 лосей и несколько десятков оленей; за осень посредством большой изгороди на Северном Урале добывалось до 70 оленей, малой („засеки“) в Среднем Приобье — от 5 до 20 лосей и оленей.

По данным переписи 1926 г., из 420 хозяйств Гыдана промыслом дикого оленя занималось 46, в том числе 33 семьи северной тундры, 11 — тундры приенисейского района (среднего течения Мессо-яхи) и 2 — лесотундры. При этом наибольшей результативностью выделялась охота восточно-гыданского населения (в среднем — по 2,1 оленя на хозяйство). По 1,7 оленя приходилось в среднем на

семью промысловиков северной тундры, по 0,5 — на хозяйство охотников лесотундры. Из 82 семей лесных ненцев охотой на дикого оленя занималось 32. Средний результат промысла составлял 2 оленя на хозяйство, высший — 6 (в районе оз. Нумто). Ненцы левобережья Енисея, по подсчетам Б. О. Долгих, добывали в среднем по 0,7 оленя на семью¹³.

В отдельных районах (Вах, Назым, Казым) отстрел лося и дикого оленя являлся редкостью. Не случайно, например, среди хантов Назыма и Казыма бытовала традиция не трогать в течение зимы обнаруженного лося, а дожидаться удобного для охоты весеннего периода и организовывать коллективный загон.

Продукция промысла лося и оленя потреблялась в основном натурально, за исключением редких случаев продажи шкур. Для ненецких хозяйств северной тундры, малооленных лесотундровых ненецких и хантыйских семей, лесных ненцев Пура, манси и хантов большинства тасжных районов Приобья этот вид охоты служил одним из основных источников пищеобеспечения, сырья для изготовления одсжды, элементов жилищ (нюков, постелей), хозяйственного инвентаря (упряжки, роговых и костяных орудий и т. д.).

В целом на территории Северо-Западной Сибири выделяются следующие варианты промысла крупных копытных (см. картограммы 5 и 6): охота на арктического дикого оленя, основанная на приемах загона, скрадывания и использования манщика, проводившаяся зимовавшими на севере Ямала и Гыдана ненецкими хозяйствами; охота на лесотундрового дикого оленя с помощью маскировочного щита, оленя-манщика и загонем по насту, практиковавшаяся небольшим числом лесотундровых оленеводов; охота на лося и тасжного оленя в предгорных районах левобережья Оби, включавшая в себя использование больших „огородов“, осенний промысел лося с помощью собак и весенний загон по насту; ограниченная по масштабам охота на лося и тасжного оленя в северной тайге правобережья Оби (Казым, Назым, Вах), состоявшая из загона по насту и использования небольших „засек“; охота на тасжного оленя, проводившаяся лесными ненцами в районе водораздела Надыма, Пура, Таза (в ареале скопления тасжных оленей правобережья Оби), основанная на гоньбе по насту, использовании манщика, скрадывании; охота на лося и оленя в среднетасжной полосе Приобья (Конда, Демьянка, Салым, Б. Юган, Васюган), включавшая в себя загон по насту, „тормование“ в летний период, промысел с собаками во время гона, использование небольших изгородей с настороженными луками, петлями, ловчими ямами.

В рамках северотасжной охоты выделялся селькупский вариант, который, в отличие от хантыйского, ограничивался проведением зимой и весной загона по глубокому снегу и насту. В средней тайге, как и в северной, селькупы уступали по разнообразию

промысла копытных хантам и манси: нарымскими остяками, в отличие от обских, не проводился специальный летний промысел лося и редко использовались засеки.

Ненецкий комплекс приемов охоты на копытных характеризуется активными способами коллективных загонов, использованием оленя-маншика, скрадыванием с маскировочным щитом; обско-угорский — как активными (пешим загонем по насту, отстрелом с собаками, „тормованием“), так и пассивными (применением огородов и засек, сооружением летних ловчих ям) видами промысла.

* * *

По мнению Ю. Б. Симченко, посвятившего специальное исследование культуре охотников на оленей Северной Евразии, „охота на дикого северного оленя была основным занятием населения Крайнего Севера Старого Света со времени заселения высоких широт до конца I тысячелетия и начала II тысячелетия нашей эры“, когда получили развитие упряжное оленеводство и морской зверобойный промысел¹⁴. По костным останкам неолитической стоянки Чэс-тый-яг в Нижнем Приобье можно судить о существенной роли в хозяйстве ее обитателей охоты на лося¹⁵. М. Ф. Косарев считает, что в эпоху бронзы охота на лесных копытных животных имела определяющее значение для таежного населения в зимний период¹⁶. Ю. Ф. Кирюшин и А. М. Малолетко на материалах бронзового века Васюганья делают вывод об увеличении роли охоты в периоды межсезонья (ледостав и ледоход на реках и озерах), когда рыболовство было невозможным¹⁷. Памятники более позднего времени свидетельствуют о сохранении большого значения для жителей тайги и тундры промысла лося и оленя¹⁸.

Литературные источники XVIII в. дают некоторую информацию о способах охоты на копытных. И. Г. Георги и П. С. Паллас отметили распространение у туринских манси практики промысла лося и оленя посредством огородов и устроенных в нишах самострелов или ловчих ям¹⁹. В. Ф. Зуев упоминает об эпизодической летней, загонной осенней и индивидуальной зимней охоте на оленей у северных остяков и самоседов, о промысле лося, проходившем зимой (гоньбой по снегу), ранней весной (с собаками по насту), весной и осенью (посредством засек и настороженных луков)²⁰. В начале XIX в. жители Нижнего Приобья практиковали весьма оригинальный прием летнего промысла, состоявший в коллективном загоне стада оленей на засаду лучников и в развешенные на деревьях и тычинах петли из мочала²¹. По данным конца XVIII в. в Туруханском округе была распространена охота с оленем-маншиком²². Приблизительно к этому же времени относится информация о

существовании сходного присма охоты у большеземельных ненцев, полученная в XIX в. В. Иславиным¹²³. По-видимому, и в Нижнем Приобье до XIX в. манщик употреблялся для охоты на диких оленей, подтверждением чему служат найденные в Усть-Полуде детали наголовника оленя-манщика¹²⁴. Во второй половине XIX в. подобный присм промысла на Севере Западной Сибири неоднократно зафиксирован письменными источниками¹²⁵.

Таким образом, даже те скудные данные о конкретных способах промысла крупных копытных, которые содержатся в археологических и литературных памятниках, свидетельствуют о глубоких традициях многих приемов охоты, отмеченных ранее в обзоре промысловых комплексов населения Северо-Западной Сибири конца XIX — начала XX в.

Основной причиной сохранения этих традиций можно считать почти абсолютную натуральность данной отрасли хозяйства. За исключением внесения шкур лося и оленя в реестр ясачных сборов¹²⁶, промысел копытных не входил в сферу коммерческой деятельности пришлого (и соответственно автохтонного) населения.

Тем не менее отдельные качественные сдвиги произошли под влиянием русских и в этом виде охоты. Благодаря распространению огнестрельного оружия повысилась эффективность отстрела, вышли из употребления примитивные орудия промысла типа упомянутых З. П. Соколовой мансийских *мувринг напар* и *пахвилтиг напар*, служивших в качестве метательных снарядов и дубин¹²⁷. Этим же обстоятельством была обусловлена индивидуализация промысла копытных в тайге. Кроме того, продвижение в Западную Сибирь русского и другого приуральского населения привело к его уплотнению и, вследствие этого, нарушению эколого-хозяйственного баланса биоемкости угодий и численности промысловиков, что в свою очередь вызвало относительное (а впоследствии и абсолютное) сокращение объектов промысла. Антропогенный фактор, очевидно, играл решающую роль в уменьшении численности западно-сибирских популяций копытных. При этом следует учитывать, что даже незначительное первоначальное нарушение равновесия между воспроизводством поголовья животных и размерами промысла довольно быстро и в возрастающей прогрессии приводит к так называемому „испромышлению“ территории.

Механизм этого процесса иллюстрируется нижеследующим примером с условными, но приближенными к действительным (для тундровой зоны), данными. Если ежегодный прирост стада диких оленей численностью в 100 тысяч голов определить в 7%, а количество промысловиков — в 320 человек, при учете среднегодовой добычи каждым из них по 25 оленей, то первоначальный годовой прирост стада составит 7 тысяч, а суммарный объем промысла — 8 тысяч голов. На исходе первого года популяция оленей

уменьшится лишь на 1 тысячу — до 99 тысяч голов, за 10 лет численность сократится до 86 тысяч, еще через десятилетие — до 60 тысяч. В общей сложности стадо оленей будет полностью истреблено за 30 лет. Если дополнительно учесть потребности хищников, количество которых будет сокращаться значительно медленнее, то, очевидно, для этого понадобится еще меньший срок.

Однако полного уничтожения популяции животных при промысле, как правило, не происходило, поскольку с численной регрессией стада снижалась и эффективность охоты. В подобной ситуации даже „примитивными“ народами принимались природоохранительные меры. К примеру, иртышские ханты выжигали хвойные леса для увеличения площадей молодого осинника — излюбленного пастбища лосей¹²⁸, у казымских хантов сложилась традиция охотиться на лосей только в весенний период. Другой альтернативой был поиск новых источников жизнеобеспечения — развитие производящих отраслей хозяйства¹²⁹.

Если в таежной зоне указанные причины привели к сокращению популяции лося и оленя, то в тундровых районах дикий олень почти полностью исчез, что связано с действием, помимо названных, еще одного фактора — развития крупнотабунного оленеводства. По устоявшемуся среди биологов мнению, численность северных оленей лимитируется не летними пастбищами, а местами зимовок, так как в зимний период олени совершают значительно более широкие перекочевки в поисках пастбищ. В то же время именно зимние пастбища были частично заняты, частично перекрыты сосредоточенными плотным массивом в полосе южной тундры и лесотундры домашними стадами. Кроме того, на изменении путей миграций и сокращении численности дикого оленя сказалось вытравливание домашними стадами летних тундровых угодий, выгорание ягельных кормов во время лесных пожаров, распространение заболеваний, занесенных домашними оленями. К 1929 г. ямальская популяция дикого оленя насчитывала лишь 8 тысяч голов, в настоящее время поголовье тундровых оленей Западной Сибири не превышает 1000¹³⁰.

Разумеется, процесс численного сокращения дикого стада был не единовременным актом, а продолжался несколько столетий. В этом отношении примечателен факт, что в 20-е гг. XX в. ямальский ненец Майма Яунгад перешел с обского берега на карский по причине полного исчезновения на его старой „вотчине“ диких оленей. При этом „отход“ дикого оленя произошел недавно, так как „самоседы неслепо объясняют его усилением движения пароходов в Обской губе“¹³¹.

По мере уменьшения численности дикого оленя утратили свое значение отдельные способы промысла. К примеру, в источниках нет упоминаний о массовых поколках на Ямале, хотя некоторые переправы (оз. Ярро-то, р. Юрибей) были для этого довольно

удобны¹³². Видимо, в XIX в. поволоки оленей ямальскими ненцами уже не практиковались. Вслед за поволоками отошли в прошлое массовые загоны; на протяжении XIX в. в экономике тундровиков постепенно ослабевала роль индивидуальных способов промысла дикого оленя. К началу XX в. эпизодическая охота, главным образом посредством скрадывания, проводилась лишь на северной и южной перифериях кочевий ямальских оленеводов, а восстанавливаемые по полевым данным загонные и некоторые другие способы промысла оленя представляли собой на рубеже XIX—XX вв. пассивный запас традиционных знаний и навыков, изредка используемых в практике.

Судя по тем же полевым материалам, воспоминания о поволоках и массовых загонах отчетливей в восточной части западно-сибирской тундры, особенно на побережье Енисея, и слабее в западной (на Ямале), что отражает разновременность процесса сокращения популяции дикого оленя в различных районах тундры. Детальные описания поволоков современными гыданскими и енисейскими ненцами дают возможность предположить их относительно недавнее проведение. Более поздняя утрата восточными ненцами практики поволоков связана, видимо, не только с более поздним распространением на Гыдане крупнотадного оленеводства, но и с периодическим наполнением левобережья нижнего Енисея дикими оленями одной из миграционных волн таймырской популяции.

Реконструктивный анализ хозяйственно-культурного комплекса древних охотников на оленей Северной Евразии сделан Ю. Б. Симченко. В общем виде, по мысли названного автора, тундровая охота на дикого оленя включала в себя „поволоки“ в весенний и осенний периоды, загоны, практиковавшиеся преимущественно летом и в первой половине зимы, скрадывание со щитом и охоту с манщиком в середине и второй половине зимы. В таежной зоне основную роль в промысле лося и оленя играли изгороди, самострелы и ловчие ямы. При этом, если в полосе лесов преобладала индивидуальная охота, то в тундре наибольший эффект давали коллективные приемы промысла. Кроме того, для тундрового населения охота на дикого оленя выступала основным источником жизнеобеспечения, тогда как в тайге продукты этого вида промысла были лишь дополнением к основным занятиям, в которых решающую роль играло рыболовство¹³³.

Остается добавить, что не все тундровое (точнее, притундровое) население могло в равной мере осуществить отмеченные этапы хозяйственного цикла. Приморские жители не содержали домашних оленей, так как в силу своей оседлости не содержали домашних оленей. Иначе, чем охотниками тундры, ими проводились загоны, поскольку для этого использовались не олени упряжки, а, скорее, собаки. Кроме того, далеко не все обитатели южной тундры и лесотундры имели манщиков, транспортных оленей и возможность

их содержать. Многие ограничивались проведением традиционных массовых промыслов — поволоков, загонов — с помощью собак в полосе криволесья, не имея достаточных транспортных ресурсов для передвижения вглубь тундры. Загоны и поволоки на юге тундры были значительно менее эффективными, так как здесь стада оленей шли не единым потоком, а разрозненной массой. У этих охотников южной тундры большое значение имели индивидуальные приемы промысла оленей (в частности, посредством скрадывания с маскировочным щитом в зимнее полугодие).

В зоне тайги существовало несколько различных комплексов промысла крупных копытных. В среднетаежном Предуралье основу отрасли составляло применение больших „огородов“ с самострелами и ловчими ямами, чему способствовали массовые широтные („чрезкаменные“) миграции копытных. В рамках этого же хозяйственного цикла, по-видимому, практиковалась охота подстереганием у водосмов летом, травлей собаками осенью в период гона, загоном по насту ранней весной. В других районах среднетаежного Приобья и Прииртышья промысел засеками был менее эффективен и делил первенство с загоном ранне-весенней охотой.

В северной тайге Приобья основное значение имели летние и зимние загоны, охота с манщиками, летнее подстерегание у водосмов или небольшие поволоки. В отличие от тундровой зоны, где массовые загоны и поволоки явно преобладали по значимости над индивидуальными способами промысла (с манщиком и маскировочным щитом), в полосе северной тайги и криволесья пропорции приемов охоты были обратные. Если условия открытой тундры и многочисленность мигрирующих стад оленей являются более удобными для загонов, то ландшафт тайги и редколесья, а также дисперсность оленьих групп в большей степени пригодны для индивидуального скрадывания. Кроме того, несмотря на продуктивность загоном охоты, индивидуальные приемы имели не меньшее значение в силу относительной нетрудоемкости, тогда как проведение загона в условиях тайги требовало длительной подготовки и солидного числа участников. Не случайно в фольклоре иганасан, населявших таймырскую тундру, отражены главным образом поволоки, в то время как у энцев, проживавших в зоне северных лесов, на первом плане фигурирует охотник-моррэдэ, промысляющий с манщиком¹³⁴.

Что касается засек, то в отдаленных районах (среднетаежном Предуралье) они занимали видное место в отрасли, в других (Нижнем Приобье) — побочное, в некоторых местах (междуречье Оби и Таза) отсутствовали вообще. Применение огородов можно считать элементом угорско-таежной хозяйственной культуры, их отсутствие в пользу активных приемов — ненецко-таежной, то есть принадлежавшей пуровско-казымским (пян-хасово) и приобским (ляпинско-куноватским) ненцам (сходными чертами, вероятно, характе-

ризавалась охота тазовских энцев). Объяснением этому представляется, во-первых, то обстоятельство, что использование засек плохо сочеталось с северотаежным полувольным оленеводством, поскольку жертвами самострелов и ловчих ям могли стать домашние олени. С другой стороны, промысел рассчитан прежде всего на лося, тогда как ранее в северной тайге существовали стадные миграции диких оленей (в предгорьях и на водоразделах), которые предполагали большую эффективность загонов по сравнению с „поштучным“ промыслом зассками.

Огороды, по-видимому, применялись и ненцами, но иначе, чем уграми. Деревянные засски ненцев использовались для загонной охоты и оканчивались не ловчими ямами или самострелами, а водоемами, где могла происходить поколка, или деревянным коралем-загоном, где часть пойманных оленей охотники забивали, а некоторых оставляли для приручения. Ф. Белявский свидетельствует, что даже в начале XIX в. самоеды низовой Оби ловили диких оленей и „приучали к своим домашним“, причем способ промысла (с установкой тычин, развешиванием на деревьях одежды и т. д.) представлял собой один из вариантов ненцеко-таежной загонной охоты (описанной выше). Иные формы „лова“ диких оленей едва ли могли существовать.

Приемом, распространенным среди ненцев таежно-лесотундрового арсала и отсутствовавшим у северотасжных угров Приобья, являлось использование в зимний период маскировочного щита „лата“. В то же время таежными ненцами не практиковался весенний загон лося по насту, что, очевидно, связано с естественно-географическими особенностями северной тайги (слабой выраженностью так называемого „наста“ — ледяной корки на поверхности снега), так и с тем, что в этот период таежными ненцами практиковались менее трудоемкие и более продуктивные способы промысла дикого оленя — скрадыванием.

Охотничий промысел тазовских энцев в связи с заселением Таза в XVII в. селькупам подвергся модификации: промысел с манщиком, разнообразные коллективные загоны уступили место зимне-весенней гоньбе по насту, свойственной южным селькупам. Собственно селькупский (нарымский) вариант охоты на копытных состоял из зимне-весеннего загона по насту и пассивных приемов промысла посредством ловчих ям и петель на тропах, указания на традиционность которых содержатся в археологических материалах¹³⁵.

Таким образом, в тундровой зоне обозначились следующие типы охоты на крупных копытных „дорусского“ времени: тундровый, южно-тундровый и прибрежный арктический, в лесной — таежно-самодийский; таежно-угорский (с предуральским и северотаежными вариантами) и южно-селькупский (см. картограмму 7). Впоследствии под влиянием перепромысла и развития крупностадного оле-

несводства тундровый тип в основном изжил себя; прибрежный арктический подвергся значительной трансформации, приблизившись по облику к тундровому типу и остаточно сохранившись в виде арктического варианта охоты на дикого оленя конца XIX — начала XX в. Южно-тундровый тип в редуцированной форме прослеживается на рубеже XIX—XX вв. у малооленного населения лесотундры. Тасжно-самодийский был территориально потеснен южно-селькупским и тасжно-угорским; утратив ввиду сокращения популяции копытных некоторые элементы (загон и засеки, охота „на плавях“), он сохранился в хозяйственном комплексе пян-хасово. Тасжно-угорский тип (и особенно его северотаежный вариант) приобрел территориально дисперсный вид вследствие значительного уменьшения численности лося и оленя в ряде районов (Казым, Назым, Аган, Пим, Вах, побережья крупных рек).

4. Пушной промысел

Объектами пушной охоты народов Северо-Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. являлись песец, белка, лисица, горностай, колонок, выдра, росомаха. Ареал распространения песца охватывал тундрово-лесотундровую зону, местами — северную границу леса. Белка, лисица, горностай, колонок, выдра, росомаха обитали в тасжной полосе рассматриваемой территории; соболь был распространен в тасжной зоне неравномерно и в ограниченном количестве. Местами водилась куница (в тайге левобережья Оби) и бобр (в северной части бассейна Конды), но их эпизодический промысел в рассматриваемый период не имел сколько-нибудь существенного значения в циклах пушной охоты коренного населения.

Основной целью данного вида промысла было, как известно, приобретение ценных шкурок, поэтому, в отличие от прочих разновидностей охоты, сезонность добычи „мягкой рухляди“ определялась не столько оптимальностью условий для проведения промысла, сколько состоянием меха в то или иное время года. В связи с этим непромысловым считался период линьки пушного зверя, начинавшийся в первой половине весны, а также в летнее время, когда шкурки белки, соболя, лисицы, горностая не представляли ценности. Рыночная цена шкурки раннеосеннего песца (крестовика) в 5—8 раз уступала цене зимнего белого песца. Шкурки октябрьского и ноябрьского песца (синяка и недопеска) занимали промежуточное положение в указанном соотношении. Целесообразным в летнее время был лишь промысел выдры и бобра, мех которых в этот период сохранял свои ценные качества. Следует, правда, отметить, что добыча названных видов пушного зверя диктовалась порой и чисто пищевыми потребностями (к примеру, охота на „черного“ летнего песца, красную „неспелую“ белку), однако эта практика

была экстраординарной мерой в случае голода и общей картины охотничьего цикла не нарушала.

Среди тундрово-ненецкого населения Ямала и Гыдана в летний период была распространена ловля „норников“ (молодняка) для выкармливания. Этим видом промысла с элементами звероводства занимались, как правило, слабообеспеченные хозяйства, создавая тем самым к сроку поездов на сугланы-ярмарки минимальный резерв товарной продукции (2—3 шкурки). Ловля „норников“ („кормленков“) производилась капканами с ослабленными пружинами и обмотанным мерзлой давящим механизмом, петлями, укрепленными у нор, а также руками вблизи нор. Аналогичными способами осуществлялся вылов крестоватиков, которые также годились для выкармливания. Кроме того, с конца августа по октябрь песца-крестоватика добывали с помощью обычных капканов¹⁴⁶. Подобный промысел осуществлялся далеко не всеми жителями тундры и не представлял собой значимого этапа хозяйственного цикла.

Интенсивная охота на песца начиналась с ноября и завершалась в марте накануне линьки зверька. Основными способами промысла были: лов песца капканами, слопцами (пастями), черканами (которые были вытеснены железными капканами на рубеже XIX—XX вв.), отстрел с помощью ружья (лука) и февральская загонная охота (талара) на оленьих упряжках. Особенность лова капканами или черканами состояла в необходимости частых (еженедельных, или, в зависимости от погоды, даже каждодневных) осмотров ловушек. Поэтому применение орудий этого типа в течение всего сезона пушногодобычи предполагало постоянное присутствие охотника в местах промысла, что было возможно лишь при условии проведения зимовки в глубинной тундре. Подобную охоту в южной тундре и лесотундре могли осуществлять главным образом хозяйства, круглый год населявшие данный район, где по традиции только они и имели право ставить капканы или черканы. Прочему населению, в том числе оленеводам, мигрирующим на зиму с севера, установка ловушек на „чужих“ территориях согласно нормам обычного права запрещалась. В связи с этим мигрирующие хозяйства могли вести лишь временный осенний промысел капканами (черканами), тогда как зимняя охота на белого песца осуществлялась посредством слопцов, установленных на длительный период в глубинной тундре. При этом настораживание слопцов производилось осенью в ходе перекочевок на юг, а „сбор“ добычи — весной при обратной миграции (иногда дополнительно, один—два раза в зиму). Следует отметить, что установка значительного количества (до 30 и более) тяжелых деревянных ловушек типа слопцов была под силу лишь состоятельным оленеводам-мигрантам, которые, с одной стороны, имели доступ к древесному сырью (на северной границе лесов), с другой — достаточное количество грузовых нарт для

транспортировки изготовленных орудий в глубинную тундру. Удаленность от лесов затрудняла использование слопцов хозяйствами, проводившими зимовки в тундре. Южно-тундровое население, имея доступ к древесине и правовые „лицензии“ на установку в окрестных угодьях ловушек на песца, занималось пушным промыслом на протяжении всего охотничьего сезона, применяя как слопцы (пасти), так и капканы (черканы). При этом у южно-тундровых хозяйств количество слопцов было нередко большим, чем у зажиточных тундровых оленеводов, достигая 20—50. Разумеется, уровень оснащенности населения промысловым инвентарем в значительной мере зависел и от состоятельности хозяйств.

Ненецкие семьи левобережья Енисея имели до полусотни песцовых ловушек, большинство из которых составляли пасти. В лесотундровых районах Западной Сибири применялось небольшое количество слопцов и капканов, тогда как отстрел песца из луков и ружей, использование самострелов были распространены более широко, чем в тундре.

Изложенные данные полевых сборов подтверждаются материалами переписи 1926 г.¹⁴⁷ Количество капканов у хозяйств, зимовавших в северной тундре, превышало число орудий этого типа у населения центральной и южной тундры. Численность слопцов в пересчете на одно хозяйство, напротив, сокращалась по мере удаления от лесотундры к арктической тундре. К примеру, на Гыдане количество капканов у населения побережья Гыданского залива и Явай-сале колебалось в среднем от 10 до 12 на одну семью, в центральной тундре (среднее течение Гыды, Антипаюта) этот показатель равнялся 7—8, в южной тундре (Мессояха, Хадутэ) — 5—7, в лесотундре (Самбурка, Пясида-надо, Харей-яха) — 2—6. Обратная зависимость прослеживается в распределении деревянных давящих ловушек (слопцов, пастей). В южной тундре (Хадутэ, Адер-яха, Мессояха) данный индекс колебался от 10 до 14 на хозяйство, в центральной тундре (Антипаюта, среднее течение Гыды, Тото-яха) — от 2 до 6, в ряде хозяйств северного побережья тундры (устье Гыды, Явай-сале) орудия этого типа отсутствовали. В лесотундре (Самбурка, Пясида-надо, Харей-яха) на одну семью в среднем приходилось 3—5 слопцов (пастей) и один самострел.

В этой последовательности исключения представляют зажиточные оленеводческие хозяйства глубинно-северных тундр (Юрибей, Монгте), число капканов у которых было невелико (в среднем по 4—6), в то время как показатель наличия деревянных давящих орудий достигал 14—18. Кроме того, снижение последнего индекса прослеживается у населения тундры по мере приближения к побережью Тазовской и Обской губ: в среднем течении Мессояхи он равен 12, в устье — 7; в среднем течении Гыды — 3, в устье — 0; в среднем течении Тото-яхи — 6, у Трехбугорного мыса — 1; в среднем течении Пойлова — 8, в прибрежном районе Посрянг — 2.

Сходная картина прослеживается и на Ямале. Следует, однако, отметить, что результативность пушного промысла зависела не только от числа орудий, но и качества охотничьих угодий. Наибольшее скопление зимнего песца наблюдается на побережье, в особенности приморских районах Ямала и Гыдана, из чего следует, что эффективность звероловства на единицу промыслового инвентаря в арктической тундре была выше, чем в центральной, в прибрежной — больше, чем в глубинной. Так, на побережье Гыданского залива (устье Гыды) приходилось по 3 выловленных песца на ловушку, в районе Явай-сале и Монгьянг — 0,9; в центральной тундре (Юрибей, среднее течение Гыды) — 0,7, в среднем течении Мессояхи — 0,45, в устье — 0,7; в прибрежной части южной тундры и лесотундры — 0,7 — 0,8, в отдалении от побережья — 0,5. Соответственно, наибольшее среднегодовое количество песцов на 1 хозяйство добывалось в районах северной тундры — 22, несколько меньше — 15 — крупными оленеводами северной глубинной тундры, 11 — жителями южной тундры, 7 — населением прибрежной тундры, 6 — оленеводами глубинной тундры, 4 — лесотундровыми хозяйствами (см. табл. 2).

Следует оговориться, что данные переписи 1926 г. о результатах пещового промысла и численности инвентаря могут быть несколько занижены. К примеру, по материалам Б. Н. Городкова, среднегодовая добыча только белого песца составляла 20—30 штук на хозяйство, не считая 50—150 осенних шкурок¹³⁸. Согласно полевым данным, сезонный результат пещового промысла в арктической и южной тундре зачастую превышал 50 шкурок, в центральной тундре он был несколько ниже, но, как правило, не менее 15—20.

Продукция пушной охоты у немецкого населения тундры Северо-Западной Сибири имела в основном товарное значение, причем выступала эквивалентом не только в торговле с русскими предпринимателями, но и во внутренних обменных отношениях. Шкурки

песца служили резервным фондом на случай утраты оленей и необходимости закупки дополнительного поголовья, обменным фондом для приобретения рыбы, ценного инвентаря, утвари. Многие семьи создавали запасы мехов, передавали шкурки песца по наследству, включали их в состав калыма и т. д. Песец выступал основной статьей уплаты ясачной повинности. Повсеместно шкурки песца использовались для отделки женской и детской одежды. Наконец, в ряде районов (арктической тундре, южной тундре и лесотундре) мясо песца составляло часть пищевого рациона слабообеспеченного населения.

Пушной промысел таежного населения Северо-Западной Сибири отличался от пещового охоты ненцев тундры и лесотундры прежде всего тем, что в зоне тайги основным объектом пушнодобычи являлся белка. Сезоном охоты на белку было зимнее полугодие, подразделявшееся на два этапа: осенний (с ноября до середины декабря) и зимний (с середины — конца января до середины — конца марта). В качестве основных орудий промысла выступали лук и ружье; в среднетаежной полосе, кроме того, для охоты на белку применялся черкан; в районе верхнего и среднего течения Конды практиковался промысел белки петлями из конского волоса или крапивного волокна. Осенний отстрел белки предполагал использование специально обученных охотничьих собак, в зимнее время собаки не применялись. Оба типа промысла были сопряжены с длительными и протяженными рейдами (до 2 тыс. км) по таежным угодьям. Широкое распространение имел „ходовой“ беличий промысел, предусматривавший освоение значительной территории, условием чего являлось использование оленьей упряжки. Ненцы-оленеводы, зимовавшие в северотаежной полосе, охотились на белку эпизодически, практикуя только активные приемы промысла (отстрел из ружья или лука) и не применяя охотничьих собак.

Охота на соболя в связи с его малочисленностью в рассматриваемый период представляла собой скорее дополнение к промыслу белки, нежели самостоятельный специализированный вид пушнодобычи. В некоторых районах (Васюган, Вах, Назым, Кеть, Тым, бассейны Пура, Таза) соболь встречался крайне редко, и охота на него практически не велась. В других местах промысел соболя проходил синхронно с охотой на белку — с ноября по март. В районах левобережья нижней Оби, где помимо местного населения соболиную охоту проводили некоторые хантыйские хозяйства Казыма, Атлыма, Назыма, устанавливались черканы, применялись сетевые мешки и небольшие сети для обмета дупла или норы, проходила охота с луком или ружьем при помощи специально обученных ласк. На Демьянке и Конде, кроме того, на соболя настраивались небольшие самострелы.

При охоте на лисицу (красную, черную, крестовика, сиводушку, белодушку, чернубурку), продолжавшуюся с середины осени до

Таблица 2. Количественные показатели пушного промысла (песца) коренного населения Северо-Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (в среднем на одно хозяйство)

Район расселения	Промысловый инвентарь			Среднегодовая добыча (штук)	Среднегодовая добыча на 1 ловушку (штук)
	капканы	слопцы	самострелы		
Северная тундра	11	—	—	22	2
Прибрежная тундра	7	3	—	7	0,7
Глубинная тундра	7	5	—	6	0,5
Места кочевий крупных оленеводов	6	16	—	15	0,7
Южная тундра	6	12	—	11	0,5—0,8
Лесотундра	4	4	1	4	0,45

весны, устанавливались капканы, самострелы. Кондинские манси проводили загон лисиц на лошадях. Александровские и васюганские ханты, нарымские и тазовские селькупы использовали для этого промысла кляпцы, лесные ненцы и некоторые лесотундровые ненецкие хозяйства Нижнего Приобья ставили на лисицу слопцы (пасти). Среди лесных ненцев, кроме того, имела распространение практика лова щенят в норах и выращивания их около чумов на цепи или в специальных загородах.

Мелкий пушной зверек (горностай, колонок, ласка) не играл заметной роли в промысле. С осени до весны, наряду с охотой на белку, в таежных районах Северо-Западной Сибири на горностая устанавливались черканы. В южной части рассматриваемого региона (на Вахе, Васюгане, Б. Югане) для ловли мелкого пушного зверька, кроме черканов, использовались небольшие ловушки давящего действия (плашки и кулемы).

При охоте на росомуху, проводившейся в зимнее полугодие, северные ханты и лесные ненцы ставили рожон; в более южных районах (Аган, Вах, Васюган) для этого использовались капканы и настоженные луки. Самострел служил основным орудием и для промысла выдры. Тазовские селькупы при охоте на выдру применяли плетеные ловушки типа морд. ваховские ханты и тымские селькупы — самоловы.

Рысь, волк, бурый медведь, как правило, не являлись объектами специализированного промысла, и охота на них проводилась эпизодически, зачастую в целях охраны оленных стад или самообороны¹³⁹.

В связи с ежегодными колебаниями численности белки, пространственными смещениями центров густоты ее популяции, а также экстенсивностью самого промысла, определяющую роль в стабильности этого вида охоты играло состояние транспортного оленеводства в северо-таежной полосе и центрально-таежном ареале правобережья Оби и Иртыша. Иллюстрацией сказанному может служить статистический анализ пушного промысла у ваховских хантов¹⁴⁰. Если объем пушного промысла на одно безоленное хозяйство составлял в среднем 163,5 (белок), то этот показатель для оленного населения Ваха был втрое больше (и составлял 551 шкурку). У лесных ненцев, по материалам переписи 1926 года, также наблюдается зависимость результативности промысла белки от поголовья оленей: при 40 и более оленей на хозяйство в среднем приходилось от 300 до 600 белок (районы Вар-егана, Ват-егана, Ехту-пирима и др.), при 15—30 оленях — 70—280 белок (Лай-яга, Нарма-яга, Янто-яга, Ай-пур), при 4 оленях — 31 белка (район Идвы-надо)¹⁴¹.

Таким образом, эффективность промысла белки во многом зависела от размеров осваиваемой охотником территории. Немаловажное значение имело местонахождение хозяйства относительно

крупных густонаселенных рек, причем в данной связи играл роль не только фактор „относительной перенаселенности“ угодий, но и уровень занятости населения рыболовством. По материалам М. Б. Шатилова, ханты верхнего Ваха в среднем более чем вдвое превосходили низовое население по добыче белки: если на хозяйство верхнего течения Ваха приходилось по 504 шкурки, то на семью низовий — 238.

Приблизительно те же пропорции обнаруживаются и в распределении „пассивных“ орудий охоты: в верхнем течении Ваха среднее хозяйство использовало 8 и более черканов, в низовьях — менее 4. В то же время по наличию ружей картина была обратной: в верховьях на охотника приходилось в среднем 1,1, в нижнем течении — 1,2 единицы огнестрельного оружия (и лучшего качества).

М. Б. Шатилов дал и точную оценку отмеченным различиям: „Верхнее течение Ваха является более изолированной частью района, чем его нижний плес, менее освоенной в промысловом отношении, более богатой пушниной и не имеет рыболовства промыслово-товарного характера; нижнее же течение Ваха является менее богатым пушниной... и имеет рыбные богатства“¹⁴². Подобная хозяйственно-экономическая ситуация имела место и в других районах расселения обских угров (Демьянка, Б. и М. Юган, Аган, Тромъеган, Лямин, Назым, Казым, Сосьва, Ляпин) и нарымских селькупов (Кеть, Парабель, Тым).

Лесные ненцы, населявшие берега крупных рыбопромысловых озер Нум-то, Пяку-то, Сотто-я, несмотря на высокую для северной тайги обеспеченность поголовьем оленей (в среднем по 92—95 на семью), в 2—3 раза уступали по добыче белки состоятельным хозяйствам других районов, имея показателем годового промысла 190—200 шкурок¹⁴³. В этом несоответствии, очевидно, отразилась занятость приозерного населения пян-хасово зимним рыболовством и неразвитость товарообменных связей у лесных ненцев, сдерживавшая развитие пушного промысла. Примечательно, что обеспеченность лесных ненцев капканами, приобретавшимися у русских, даже в 20-е гг. XX в. была низкой и выражалась в наличии у одного хозяйства в среднем полутора орудий этого типа¹⁴⁴.

Продукция пушного промысла в таежной зоне Западной Сибири имела в основном товарное значение, но вместе с тем являлась и одним из источников пищеобеспечения. Кроме того, часть шкурок (главным образом бракованных) или меховых лоскутов (беличий лапки) шла на изготовление одежды. Для таежного населения, как и для тундрового, пушнина выступала основным средством уплаты ясака.

Таким образом, пушной промысел у народов Северо-Западной Сибири характеризуется рациональным и типовым размежеванием на песцовый тундровый и беличий таежный. Первому свойственна

специализация на одном объекте охоты (песец) с незначительным „допромыслом“ других видов зверя (белки, лисицы, горностая) в зимний период. Песцовая охота основана на использовании пассивных орудий (слопцов, капканов, самострелов) при ограниченной практике активных способов — отстрела из ружей (луков) и загона. Последний способ, по мнению Л. В. Хомич, был привнесен на Ямал из европейской тундры лишь в начале XX в.¹⁴⁵ Определенное распространение имело и выкармливание „норников“. Песец выступал основным торговым эквивалентом и главной статьёй ясачного обложения, в ряде районов мясо его потреблялось в пищу, шкурки — на пошив одежды. По особенностям охотничьих приемов в песцовом промысле выделяется несколько вариантов (см. картограмму 8):

— арктический, основанный на применении капканов в районах северотундровых зимовок;

— тундровый, состоявший из осенней охоты с помощью капканов и установки на длительный срок слопцов (пастей);

— южнотундровый, включающий использование слопцов и капканов на протяжении всего охотничьего сезона в прилегающей к кочевьям местности;

— лесотундровый, отличавшийся низкой эффективностью при слабой обеспеченности слопцами и капканами, а также применением самострелов.

Второй тип пушного промысла (беличий таежный) в пространственном отношении охватывал районы расселения обских угров, селькупов и лесных ненцев. Для него характерен акцент на промысел белки при сохранении определенного значения добычи лисицы, соболя, выдры, горностая, россомахи. Этому типу присуще сочетание активных приемов охоты (отстрел белки и соболя с помощью или без участия собаки) и пассивных (установка черканов, петель на белку, черканов, сетей и самострелов на соболя; капканов, слопцов, кляпцов и самострелов на лисицу; черканов на горностая; капканов, самострелов на выдру; рожинов, самострелов и капканов на россомаху). Среди лесных ненцев известна практика выкармливания лисиц. Продукты пушнодобычи имели как торгово-ясачное, так и натуральное (пище-сырьевое) назначение. Во втором типе различается несколько вариантов:

— таежно-ненецкий, основанный на активном „ходовом“ промысле белки и пассивных способах лова выдры, лисицы, россомахи, песца;

— глубинно-таежный, сочетавший активные и пассивные приемы промысла пушного зверя при преимущественном использовании оленного транспорта и высокой обеспеченности хозяйств орудиями охоты;

— приречно-таежный, отличавшийся от предыдущего меньшей эффективностью в связи со слабой оснащенностью хозяйств промысловым инвентарем, средствами передвижения, занятостью зимним рыболовством товарного характера.

* * *

В сибиреведении утвердилось мнение о приобретении пушным промыслом весомой значимости в хозяйстве народов Сибири под влиянием русских. В первые десятилетия освоения края (30—70-е гг. XVII в.) немногочисленные русские промысловики добывали в 3—5 раз больше пушнины, чем коренное население. По заключению П. Н. Павлова, на протяжении XVII столетия охота автохтонов Сибири на пушного зверя по-прежнему носила натуральный или даже принудительный характер¹⁴⁶. Однако определенной товаризации этот вид промысла подвергся в период подчинения обских угров Сибирскому ханству, а возможно и раньше. Во всяком случае с первой половины I тыс. н. э. пушнина уже являлась объектом специализированного промысла в Южной Сибири, а в XVI в. — одной из статей „межплеменного обмена“ в Западной Сибири¹⁴⁷. Правда, П. Н. Третьяков утверждал, что „даже при наличии междубщинного обмена пушнина охота большого экономического значения иметь не могла“¹⁴⁸.

В XIII в. Марко Поло свидетельствовал, что сибирские жители, которые „каждый день ездят на собаках“, — „большие охотники, ловят они много дорогих животных большой цены, и большая им от этого прибыль и выгода: ловят они соболей, горностаев, белок, ерсолп(?), черных лисиц и много других животных; из них они выделывают дорогие шубы высокой цены“¹⁴⁹. В источнике конца XV в. о самосдах сообщалось: „...а платья носят соболие и оленье, а товар их соболи“¹⁵⁰. В середине XVII в. на тобольский рынок поступала уже не только пушнина, но и меховые изделия хантов и манси¹⁵¹.

Приведенные данные позволяют судить о давности и многофакторности процесса товаризации пушного промысла населения Северо-Западной Сибири, хотя основная роль в нагнетании „пушного бума“, безусловно, принадлежит русским. С другой стороны, представляется преувеличенным мнение М. Ф. Косарева о вероятности возрастания значения пушной охоты у аборигенов западно-сибирской тайги на поздних этапах бронзового века „вследствие спроса на пушнину со стороны степных соседей, а возможно, и более далеких южных народов“¹⁵². Привлекавшая внимание автора многочисленность костей бобра (44 %) по числу особей среди диких животных) в культурном слое Еловского поселения может быть

объяснена особым значением этого животного как источника пищеобеспечения и материала для одежды словцев.

До конца XVII в. охота на бобра занимала видное место в хозяйстве населения Западно-Сибирского Севера. Памятники XIV—XVI вв. в Сургутском Приобье (городище Шеркалы) дали остеологический материал, показывающий, что местное население занималось в основном охотой, причем главным промысловым животным наряду с лосем был бобр¹⁵³. В сказании „О человецех знасных“ говорится о том, что „каменные“ самоседы, живущие „около Югорские земли“ „бобровину сыру ядят“¹⁵⁴. В источнике XVIII в.¹⁵⁵ и ненецком фольклоре упоминается бобровая одежда, а название древесного рода „Лидянг“, встречающееся в героических сказаниях, означает „бобр“. У восточных (пимских, аганских, тромъеганских, юганских, демьянских) хантов также было распространено групповое наименование „бобры“ (*Mex-cup*).

Вследствие товаризации пушного промысла бобр превратился в объект специализированного промысла. В документах XVII в. еще упоминаются принадлежащие манси „бобровые гоны“; в числе ценной пушнины, промышлявшейся мангазейскими самоседами, названы бобры¹⁵⁶. Однако в результате активной охоты численность бобров очень быстро сократилась, о чем свидетельствует торговая статистика: если в 1639—1640 гг. на Тобольский рынок было привезено 179 бобров, то в 1661—1662 гг. — уже 57, в 1668—1669 — 1, после чего в 1686—1687 и 1694—1695 гг. шкурки бобра на рынке отсутствовали¹⁵⁷.

Столь стремительное оскудение бобровых угодий связано, по-видимому, с относительной нетрудоемкостью охоты на бобра („хатки“ которого легко обнаруживались и „опромышлялись“). Можно предположить, что до проникновения в Сибирь русских промышленников добыча бобра местным населением искусственно ограничивалась, как это делалось лабрадорскими индейцами, выбивавшими лишь часть бобров на определенном угодье, давая возможность остатку размножаться. Пришлые трапперы положили начало практике поголовного уничтожения бобровых выводков, что со временем стало нормой промысла и среди индейцев¹⁵⁸. На допустимость приведенного „межконтинентального“ сопоставления косвенно указывает само выражение „бобровые гоны“ (XVII в.), которые можно было „отнять“ у владельца (как это видно из жалобы манси Арканчиева)¹⁵⁹. Другими словами, „бобровые гоны“, очевидно, являлись своего рода естественными питомниками, из года в год обеспечивавшими „владельцев“ определенным количеством мясо-пушной продукции. Следствием постоянства подобного лимитируемого потребления, вероятно, и было накопление значительного количества костей бобра в долговременных стоянках типа Еловского поселения и городища Шеркалы.

Деятельность русских и коми промысловиков положила конец этому искусно сбалансированному эколого-хозяйственному взаимодействию. В. Ф. Зуев в XVIII в. описал уже хищнические приемы охоты северных остяков на бобра: травлю собаками в разрушенных и „запертых“ колыями норах или вылавливание из проруби с помощью крюка в зимнее время, применение „фальшивых“ стрел с поплавками — для промысла в летний период¹⁶⁰. Позднее ввиду крайней малочисленности бобр не представлял собой полноценной „статьи“ пушного промысла, хотя цена на его шкуру еще долгое время встречалась в рыночных реестрах¹⁶¹.

Помимо бобра в начальный период освоения русскими Сибири объектом специализированного пушного промысла стал соболь. Охота сибирских угров и самосдов на соболя отмечена во многих ранних письменных источниках¹⁶². Основными способами промысла соболя в северотаежном Приобье были: осенний гон по тонкому снегу собаками, обметывание сетью дупла или норы с последующим загоном зверька в установленную сеть с помощью дымокуров, отстрел из лука¹⁶³.

Промысел соболя с неводом (сетью) отмечен в ненецком фольклоре, использование собольего сака — в хантыйских сказаниях. Примечательно, что в обоих случаях с упоминанием сетных орудий соболиной охоты соседствуют образы русских: два юрака (самоеда) продавали шкурки русскому торговцу, хантыйский богатырь Тонья — обладатель соболиного сака — воевал с казаками¹⁶⁴. Несмотря на широкое распространение, прием промысла соболя обмётом для местного хозяйства считался чужеродным, хотя источники его происхождения определяются весьма смутно. К примеру, в начале XX в. демьянские ханты усматривали причину исчезновения соболя «в применении кочевавшими ранее по Демьяновским урманам нарымскими остяками способа ловли соболя „обмётом“, по условиям местности вполне губительного для соболя»¹⁶⁵. Исходя из терминологических сопоставлений, Л. Н. Жеребцов считает угорскую сеть для ловли соболя (кась) заимствованием у коми¹⁶⁶. В то же время обмёты на соболя являлись типичным элементом северо-русского (поморского) промыслового инвентаря и использовались русскими на всем пространстве Сибири вплоть до крайнего Северо-Востока¹⁶⁷. Очевидно, применение сетных орудий для соболиной охоты следует считать компонентом русского промыслового комплекса, распространившимся среди угров, селькупов и ненцев не только напрямую от русских промысловиков, но и через посредство коми, нарымских остяков.

В целом вопрос о происхождении пушнопромыслового инвентаря разработан в сибиреведении слабо. По мнению П. Н. Павлова, до прихода русских население Сибири не знало самоловных орудий типа пастей, кулем, самострелов, а практиковало только активные

формы охоты с луком и собакой¹⁶⁸. В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина, напротив, считают, что „в прошлом, когда пушнина не являлась товаром, а шла на собственные нужды, применялись главным образом способы, не требующие непосредственного участия охотника“, то есть пассивные орудия охоты. Становление активных способов пушноотдачи авторы связывают с развитием товарно-денежных отношений и распространением огнестрельного оружия¹⁶⁹. Л. Б. Ермолов предполагает, что „коренное население Сибири знало орудия пассивной охоты с глубокой древности“, подтверждением чему служат сюжеты пассивной охоты, обнаруживаемые на многих петроглифах неолитического времени¹⁷⁰.

В фольклоре западно-сибирских народов часто фигурируют лук со стрелами, копье, метательные снаряды и весьма редко — орудия пассивного воздействия. Тем не менее „эпические“ сведения о них имеются, причем иногда в сочетании с древними легендарными образами: к примеру, слепец упомянут в хантыйской сказке о Мэнк-ики¹⁷¹. В сообщении Марко Поло (XIII в.) о пушном промысле сибирского населения отмечен „такой снаряд, который промаха не дает“ (с последующим примечанием Юля: „капканы“) ¹⁷². „Такой снаряд“ явно не был капканом в современном понимании и, возможно, был распространен не в Северо-Западной, а в Южной Сибири, но факт наличия в хозяйстве коренных жителей Сибири орудий пассивного действия до прихода русских неоспорим. К этому следует добавить, что засечные самострелы на копытных, древность которых не вызывает сомнения¹⁷³, могли в различных модификациях (в виде уменьшенных конструкций) использоваться и для охоты на пушного зверя.

Сказанное не означает признания исконности всего арсенала средств пушнодобычи, присущего промыслу западно-сибирского населения XVII—XX вв. В период бурного развития пушной охоты (вторая половина II тыс. н. э.) комплекс приемов промысла расширился, с одной стороны, благодаря хозяйственно-культурному влиянию русских и коми, с другой, — за счет внедрения в пушную отрасль навыков и средств, ранее применявшихся в других отраслях автохтонного хозяйства (охоты на копытных, боровую дичь и т. д.). Однако и в дорусский период истории Сибири население Западно-Сибирского Севера использовало для охоты на пушного зверя как активные средства промысла (лук со стрелами, метательные снаряды), так и пассивные (мелкие самострелы, деревянные давящие ловушки).

В целом применительно к первой половине II тыс. н. э. пушная охота, еще не выделявшаяся в самостоятельную отрасль, должна быть отнесена к разряду промысла мелкого зверя и дичи, хотя не следует умалять хозяйственного значения этого вида занятий. Кроме использования шкурок для пошива и отделки одежды, соболь иногда

употреблялся в пищу. К примеру, в иенецком лахнако „Няхар'ю хаби“ мясо соболя упомянуто в качестве пищевого продукта. Возможно, существовали и другие сферы потребления продуктов соболиной охоты, такие, как, например, в хозяйстве ительменов, где соболий мех использовался для изготовления подолок к лыжам, а хвосты в нарубленном виде примешивались в глину и шли в керамическое производство¹⁷⁴. Ханты-охотники Среднего и Нижнего Приобья до сих пор нередко употребляют мясо белки в пищу или отдают на корм собакам. У лесных ненцев детским лакомством считался желудок белки, запеченный со всем содержимым¹⁷⁵. В рационе западных манси (конец XIX в.) значится мясо белки, а также выдры, о которой „вогулы выражаются, что она очень вкусна, вкусом напоминает рыбу“¹⁷⁶. Тундровые ненцы, по свидетельствам ямалских, гыданских, усть-енисейских старожилов, в периоды голодовок ели мясо песца, причем раньше лов песца продолжался круглый год, в том числе и летом, когда шкурка его не имеет ценности. Особенно часто употреблять в пищу мясо песца приходилось ненцам, остававшимся на зиму в северной тундре, чему в определенной мере способствовало обилие зверька в данной местности. Можно предположить, что и для древних приморских зверобоев песец являлся ощутимым подспорьем в пищеобеспечении. На это указывает большое количество костей песца в культурном слое землянок на Хаэн-сале¹⁷⁷. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в ранней стоянке зверобоев на Тиутей-сале (рубеж I—II тыс. н. э.) останков песца значительно меньше, чем в поздней — на Хаэн-сале. По-видимому, кризис морского промысла в XVI—XVII столетиях побудил арктическое население изыскивать новые источники пищи, в том числе активизировать охоту на песцов. Кроме того, из песцовых шкурок шилась одежда, известная в русских источниках XVII в. как „платьишко песцовое“, „парчишка“ и „малахай“ песцовые. Головные уборы изготовлялись самоедами и из шкур росوماхи¹⁷⁸.

Помимо внутрисообщественного значения, пушной промысел задолго до заселения русскими Сибири играл роль „товара“ во внешне-обменных контактах автохтонов Северо-Западной Сибири с населением Приуралья и Южной Сибири, откуда в обмен на пушнину поступали прежде всего металлические изделия и украшения¹⁷⁹. С присоединением Сибири к России резко возрос в хозяйстве удельный вес охоты на пушного зверя, что привело к выделению ее в особую отрасль и ряду существенных изменений.

К концу XVII в. в результате интенсивного промысла на территории Северо-Западной Сибири резко сократились популяции бобра и соболя, о чем свидетельствует ухудшение в 1639—1695 гг. качественного состава „мягкой рухляди“ на Тобольском рынке. Малоценная пушнина (белка, лисица) по количеству превзошла

ценную (соболя и бобра) уже в 1639—1640 гг., а по совокупной рыночной стоимости — к концу 50-х гг. XVII в.¹⁸⁰ В течение XVIII, XIX вв. и в начале XX в. численность и добыча соболя во всей Сибири держалась на низком уровне¹⁸¹. На рубеже XVII—XVIII вв. первостепенное значение в пушном промысле таежного населения вместо соболя заняла белка, одновременно на первый план в тундровой зоне выдвинулся песец. С XVIII в., как отметил Н. К. Ауэрбах, песец приобрел ход на рынках¹⁸².

Таким образом, пушной промысел как особая отрасль хозяйства коренного населения Северо-Западной Сибири возник в XVI—XVII вв.; на рубеже XVII—XVIII вв. он претерпевал вторичную перестройку, сменив ориентацию с ценной пушнины (соболя, бобра) на менее ценную (песца, белку, лисицу). В связи со становлением крупностадного оленеводства и появлением возможности транспортировки тяжелых деревянных давящих ловушек (слопцов, пастей) сформировался описанный применительно к концу XIX — началу XX в. тундровый вариант песцовой охоты. Благодаря распространению железных капканов сложились арктический, южно-тундровый и лесотундровый варианты, различия между которыми были обусловлены экологическими особенностями местности. В таежной зоне модернизация пушного промысла также связана с появлением нового охотничьего инвентаря и развитием оленеводства. Кстати, сам прогресс оленеводства в тайге отчасти был вызван потребностью в транспорте для осуществления „ходового“ промысла белки и другого пушного зверя. Более высокий уровень обеспеченности охоты оленным транспортом предопределил оформление таежно-ненецкого варианта пушного промысла (примечательно, что пняхасово назывались в прошлом „кунной“ — „беличьей“ — самоядью). Глубинно- и приречно-таежные варианты обособились в соответствии с эколого-хозяйственной спецификой соответствующих территорий.

5. Промысел дичи и мелкого зверя

Промысел водоплавающей дичи (гуся, лебедя, утки), боровой (глухаря, тетерева, рябчика), а также куропатки и зайца являлся неотъемлемой частью хозяйственных комплексов автохтонов Западно-Сибирского Севера. В самом общем виде эти занятия подразделяются на летний промысел водоплавающей дичи и осенне-зимне-весеннюю охоту на боровую дичь, куропатку и зайца.

Перелетная водоплавающая дичь в зависимости от мест гнездования представляла собой объекты тундрового (гуся, лебедя, утки) или таежного (утки) промысла. При этом не вся тундра, а лишь ее северная часть являлась территорией летнего местонахождения гусиных стай и выводков. Кразнозобая казарка, к примеру, в летний

период редко встречалась южнее р. Юрибей на Гыдане и м. Яп-тик-сале на Ямале; граница гнездовой и линьки белолобой казарки и гуменника проходит еще севернее. Кроме того, как отметил С. П. Наумов, места линьки традиционны, и число их ограничено¹⁸³.

Наиболее эффективный способ лова гусей загонем в период линьки был доступен не всем хозяйствам тундры; по данным переписи 1926 г., 248 семей Ямала не занимались охотой на водоплавающую дичь¹⁸⁴. Остальные 372 собрались в конце июля — начале августа на традиционных угодьях (*ябторма*) для коллективного загона линных гусей в сеть или на берег¹⁸⁵. Характерными чертами этой охоты в центральной и северной тундре были значительные масштабы загона: в нем принимало участие несколько хозяйств, гоньба гусей с помощью собак порой продолжалась несколько дней и завершалась добычей нескольких сот линных птиц. Помимо этого вида промысла, поздней весной некоторые охотники устанавливали на гусей капканы в проталинах. В ряде случаев капканы ставились на гнезда, практиковался сбор гусиных яиц, причем иногда в значительном объеме. Соседа охотоведа Н. Н. Спицына, например, сообщил ему, что за один рейд на упряжке он собирает „нарту яиц“¹⁸⁶. Кроме гусей и лебедей (на которых проводилась сходная с гусиной облавная охота в период линьки), загон в сеть использовался и при ловле утки-морянки. На гагу весной охотились пленками, в середине лета вылавливали молодняк при помощи невода.

Промысел водоплавающей дичи населением тундры и лесотундры выглядел несколько иначе. На гусей (главным образом белолобую казарку) в период весеннего перелета охотились посредством замаскированных капканов, установленных на песчаных отмелях. На заберегах ставили сети, куда наряду с рыбой попадали нырковые утки. На озерах по открытой воде производился лов морянок в сеть, для чего в качестве манка использовался подранок. Для приманивания черныди применялся весьма оригинальный для охоты на пернатых прием покачивания над болотной кочкой рукавицей малицы. Уток других пород отстреливали из ружья или лука без приманивания. Эффективность весеннего промысла была достаточно высока: за день охоты на морянок, например, удавалось добыть более сотни птиц.

Прерванный на период гнездования и выведения птенцов промысел водоплавающей дичи возобновлялся в июле—августе, когда в южной тундре и лесотундре проводились загоны линной птицы, отличавшиеся от вышеупомянутых северотундровых меньшими масштабами. Усть-енисейскому самодийскому населению, по данным В. И. Васильева, был известен и способ загона гуся в невод, растянутый между двумя лодками¹⁸⁷.

В тайге промысел водоплавающей дичи также начинался в период перелета. На гусей и лебедей в это время охотились с

ружьём или луком, используя скрадок и чучела. На уток ставились пересевы¹⁸⁸, применение которых известно во всей тазежной зоне Западной Сибири, за исключением лесных ненцев бассейна Пура. Кетские селькупы, ваховские и васюганские ханты поздней весной промышленяли уток и с помощью пленок („пленки“).

Следующим этапом охоты на уток был период линьки (июль). Ханты правобережья Оби проводили в это время загон линной птицы в сети, тазовские селькупы и лесные ненцы в подобных случаях сетей не применяли; повсеместно для отстрела дичи пользовались луки и стрелы с раздвоенным наконечником. Манси, ханты и селькупы занимались также сбором утиных яиц.

Продуктивность охоты на водоплавающую дичь была высока. Тундровый загонный промысел гуся приносил каждому участвовавшему хозяйству до 100 птиц, аналогичная охота на морянку — до 300; лесотундровый загон давал более скромные результаты — по 20—30 гусей, тазежный — от нескольких десятков до нескольких сотен уток. В ходе весеннего промысла морянки в южной тундре охотник за день мог добыть 200—300 птиц. Тазежный отстрел гусей и лебедей на перелетах давал за период охоты 30—40 штук, на перевес выливалось до 300 уток.

Вместе с тем материалы переписи 1926 г. демонстрируют значительно меньшие показатели, что можно объяснить как недоучетом добычи птицы, так и тем обстоятельством, что далеко не каждое хозяйство занималось активным промыслом, тогда как приведенные выше данные полевых сборов отражают высокий уровень интенсивности охоты. Годовой результат промысла водоплавающей дичи на одно хозяйство был приблизительно одинаков у ненцев Ямала, Гыдана, левобережья Енисея, пян-хасово и колебался от 20 до 30; у хантов Ваха он был выше — 94—99, но включал в себя главным образом мелкую водоплавающую дичь¹⁸⁹.

Если в тундре с отлетом птиц промысел в основном прекращался до зимы, то в тазежной полосе с сентября по ноябрь проходила охота на боровую дичь (глухаря, тетерева, рябчика). При этом применялись орудия пассивного лова — слопцы, волосяные и драгвенные пленки (у манси Конды). В среднем за сезон одним хозяйством лесных ненцев добывалось 17, ваховских хантов — до 20 штук боровой дичи¹⁹⁰. Осмотр слопцов, установленных недалеко от жилищ, являлся в большинстве случаев обязанностью подростков, стариков, женщин.

Зимой как в тундре, так и в тазежных районах проводился промысел куропатки и зайца. При охоте на куропатку в лесотундре и тайге использовались слопцы и пленки, в тундре — слопцы и капканы. Кроме того, с середины марта в южной тундре практиковался загон белой куропатки в сеть, в мае — лов капканами на чучела. На зайца охотились повсеместно слопцами, а также кап-

канами (в тундре). Наиболее эффективным из перечисленных зимних способов охоты был загон куропатки в сеть, посредством которого добывалось до 100 птиц в день. Немаловажное значение имел майский лов куропатки с применением чучел, приносящий за день 10—30 птиц, а также слопцовый промысел зайца, дававший за зиму 20—30 зверьков. Среднегодовая добыча куропатки на левобережье Енисея составляла 60—100, на Гыдане — 85 штук на семью; зайца, соответственно, — 10—50 и 12¹⁹¹.

Продукция промысла мелкого зверя и дичи потреблялась натурально и служила временами значительным подспорьем в пищеобеспечении. В одном из фольклорных сюжетов, например, неудачная охота на гусей — в числе основных причин голодного мора¹⁹². По замечанию Б. Н. Городкова, „куропатки и зайцы составляют чуть ли не главную пищу самоедов-бедняков с января месяца до весны“¹⁹³. Малооленное тундровое и тасжное население использовало шкурки водоплавающей дичи для пошива одежды: у хантов и енисейских ненцев, например, изготовлялась одежда из утиных, гадарьих и лебяжьих шкурок¹⁹⁴.

Едва ли можно провести самостоятельную типологию охоты западно-сибирского населения на мелкого зверя и дичь в конце XIX — начале XX в., так как при всей своей важности этот вид деятельности являлся придатком других отраслей хозяйства. Тем не менее допустимо отметить ряд отличий, наметившихся в приведенном выше обзоре: тундрово-оленьеводческое население уделяло внимание главным образом продуктивной загонной охоте на водоплавающую дичь; малооленное южно- и лесотундровое население проводило разнообразную интенсивную охоту на водоплавающую птицу, зимний лов куропатки и зайца. Для этой группы хозяйств оба сезона охоты имели немаловажное значение в пищеобеспечении; тасжное население осуществляло круглогодичный цикл промысла мелкой и пернатой дичи, включавший в себя весенне-летнюю охоту на водоплавающую дичь, осеннюю охоту на боровую дичь, зимне-весеннюю — на куропатку и зайца. В хозяйственных комплексах жителей тайги этот вид занятий являлся одним из основных источников пищи.

По сравнению с другими отраслями традиционного северного хозяйства промысел дичи подвергся наименее значительной модификации в течение последних трех столетий. Основным фактором происшедших в этой сфере изменений следует считать распространение от русских нового промыслового инвентаря — огнестрельного оружия, металлических капканов, сетей. Определенную роль в этом отношении сыграла и существенная перестройка целостных хозяйственных комплексов в результате становления крупностадного оленеводства, рыбной промышленности, пушного промысла, расширения торговли пищевыми продуктами.

На протяжении всего рассматриваемого периода охота на дичь занимала свое не очень заметное, но необходимое место в хозяйстве коренного населения Северо-Западной Сибири. В хозяйственном цикле древних охотников на оленей Северной Евразии Ю. Б. Симченко выделил период (зиму), когда автохтоны тундры занимались главным образом ловом куропатки и зайца посредством петель и давящих ловушек типа пастей. В сентябре проходила короткая, но эффективная загонная охота на линную водоплавающую дичь, причем до распространения сетей основными средствами этого промысла выступали палки и орудия, сделанные из оленьего рога, которыми выколачивали снег из меховой одежды¹⁹⁵.

Охоту на гуся, лебедя, утку в период линьки (июль—август) можно считать одним из основных и традиционных видов хозяйственных занятий населения тундры и лесотундры, о чем свидетельствует наличие месяца „гуся“ (или „лебедя“) в календарных системах тундровосамодийских народов: *dentu kimeđa* — у нганасан, *кану-ирю* — у тундровых энцев, *дедю дири* — у лесных энцев, *дедранг дири* — у лесных ненцев, *хохорэй иры* — у тундровых ненцев¹⁹⁶.

Еще недавно южно-гыданские ненцы практиковали охоту на линную птицу, по облику идентичную реконструированной Ю. Б. Симченко. Загон при этом производился не в сеть, а на берег, где линную птицу били палками, веслами, роговыми лопатками для откапывания песцовых нор и роговыми колотушками для выбивания снега из одежды. Для загона использовались собаки. Казымские ханты рассказывают, что в прошлом их северные соседи ненцы практиковали загон линных гусей в установленный на берегу пустой чум, куда, стремясь укрыться в темноте, набивались птицы.

Скопление птичьих костей в культурном слое землянок на Хаэн-сале¹⁹⁷ является показателем значения охоты на пернатую дичь (и прежде всего линного гуся) в хозяйстве североямальных зверобоев. Вспомогательную роль в условиях тундры мог играть лов гусей на гнездах с помощью силков (замесенных позднее капканами), отстрел водоплавающей дичи из луков (с весны до осени), сбор яиц. Зимой проводился лов силками и слопцами зайца, куропатки. Недостаток пищи в зимне-весенний период вынуждал тундровое население охотиться посредством петель на мохнатого канюка и полярную сову. По словам южно-гыданских ненцев, промышляли сову и с помощью лука, подманивая птицу на олений хвост, имитирующий мышь. Весной осуществлялся лов куропатки петлями и отстрел из лука у расставленных чучел.

Охота приманиванием на чучела с установкой петель или отстрелом из лука была широко распространена и в таежной зоне.

В этот же сезон (поздней весной — ранним летом) тасжно-угорское население осуществляло лов перелетной дичи кысканами и перевесами. По материалам В. Ф. Зуева, этот вид промысла длился около трех недель и приносил „в щастливый год“ до двух тысяч птиц на одного охотника¹⁹⁸.

Как уже говорилось, лесными ненцами данный способ лова перелетной водоплавающей птицы не практиковался. Возможно, использование перевесов и кысканов было элементом среднетасжной хозяйственной культуры, предполагавшей изготовление сетей из крапивного волокна, тогда как северо-тасжно-самодийская традиция выражалась в плетении орудий из тальникового лыка, едва ли пригодных для лова птицы. Кроме того можно предположить, что промысел водоплавающей дичи сетями (перевесами, кысканами) в воде, а затем на земле (кысканами) и в воздухе на перелетах (перевесами) генетически связан с сетевым рыболовством и скорее всего возник в среде оседлых рыболовов крупных тасжных рек.

Во второй половине лета в тайге производился загонный лов линной птицы — утки (при этом могли использоваться крапивные сети). Осенью осуществлялся промысел боровой (красной) дичи с помощью петель и слопцов, упоминания о которых встречаются в угорском фольклоре. В зимний период основными объектами „мелкой“ охоты были заяц и куропатка, которых промыслили посредством слопцов и силков.

Промысел дичи имел существенное значение в наиболее критический период пищеобеспечения (весной) и особенно в хозяйстве слабообеспеченного по тем или иным причинам населения (к примеру, у рыболовов южной тундры и лесотундры). Как отметил Ю. Б. Симченко, „не случайно и куропатки и зайцы фигурируют в фольклоре народов Севера как пища бедняков, испытывающих крайнюю степень нужды“¹⁹⁹. Может быть, именно в среде прибрежно-тундровых ненцев сложилась зафиксированная Л. В. Хомич детализированная лексика для обозначения пород водоплавающей птицы²⁰⁰. Птичьи и заячьи шкурки широко использовались и для пошива одежды: остяки М. Сосьвы носили зимой шубы из шкурок черной утки, сургутские остяки — „из гагачьих шкур и заячьи шубы“, остяки березовские — из гусиных, гагарьих и „утечьих кож“; снисейские ненцы изготавливали детскую одежду из утиных, гагарьих и лебязьих шкурок, лесные ненцы шили зимнюю женскую одежду с подкладом из шкурок лебедей и гагар²⁰¹.

Как видно, общая картина охоты на дичь изменилась в период с XVII до XX вв. незначительно. Правда, до середины II тыс. н. э. к этому роду хозяйственной деятельности относился и промысел пушных зверей — ассортимент объектов данной отрасли был более представлен. Суммарный облик охоты на мелкого зверя и дичь накануне русской колонизации был следующим: тундровый тип

включал в себя промысел пещца (круглый год), водоплавающей птицы (летом), зайца и куропатки (зимой—весной) (в рамках этого типа большей значимостью в охоте на дичь выделяется прибрежно-тундровый подтип); таежно-самодийский тип был представлен промыслом водоплавающей (летом загоном и отстрелом „на чучела“) и боровой птицы (осенью), пушного зверя (главным образом соболя и белки, иногда бобра), зайца и куропатки (преимущественно зимой—весной); причесно-таежный тип состоял из охоты на водоплавающую дичь (летом перевесами, кысканами, загоном в сеть, отстрелом) и боровую дичь (осенью), пушного зверя и куропатку (преимущественно зимой—весной); глубинно-таежный отличался от предыдущего типа меньшей интенсивностью охоты на водоплавающую дичь и пушного зверя (см. Приложение, картограмму 7).

ПРОИЗВОДЯЩИЕ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ОТРАСЛИ

1. Оленеводство

Наиболее важными и показательными характеристиками оленеводства являются размер стада, маршруты и амплитуда кочеваний, приемы выпаса, использование оленей и продуктов оленеводства.

По данным переписи 1926—1927 гг. на одно хозяйство, проводившее лето на севернее широты материкового основания Ямала и Гыдана (в пределах лесотундры), приходилось в среднем от 43,8 до 49 оленей; на хозяйство, летовавшее в тундре, — 140—210¹. При этом на семью северной группы оленеводов Ямала в среднем приходилось 238 оленей, средней группы — 217, южной — 76. В меридиональном отношении население Ямала также выглядело неоднородно: в восточной и центральной областях концентрировались многооленные хозяйства, в западной — слабообеспеченные, выходившие к побережью для проведения рыболовства и морского зверобойного промысла². Ненецкое население северной части Гыданского полуострова подразделялось на явайскую, юрибейскую, ныдаямскую и танамскую группы, причем, если хозяйство танамской группы владело в среднем 685 оленями, юрибейской и ныдаямской — 150—200, то явайская группа, занимавшая северные приморские районы Гыдана (п-ов Явай), была наименее обеспеченной оленями (группа из 5 семей, располагавшаяся на самом севере Явая, имела лишь 26 оленей)³. Как правило, не превышали 200 голов размеры оленьих стад у населения северной тундры низовьев Енисея, проживавшего летом на побережье⁴.

По свидетельству гыданских ненцев, владельцы больших стад (в 500 и более голов) летом обычно кочевали в глубинной тундре, причем крупнейший оленевод Гыдана Явери Вануйто, обладавший семитысячным стадом, находился в этот период буквально в центре полуострова. Аналогичная ситуация, по словам ямальских ненцев, была характерна для Ямала, лишним подтверждением чему служит традиция называть центральную часть полуострова *Цокаэтто-я*

(„земля рода многооленных“). По сообщениям ненцев и зырян оленеводов Полярного Урала, наиболее крупные стада в этом районе выпасались на межгорных пастбищах вдали от Обской и Байдарской губ.

Самодийские хозяйства Дудинской и Тазовской волостей Туруханского края в зависимости от районов летовок довольно отчетливо подразделялись на многооленно-среднеоленные, имевшие свыше 150 оленей, среднеоленно-малооленные (50—60) и малооленные (10—30). Районы летних кочевий первой группы находились либо в глубинной тундре (причем здесь на хозяйство в среднем приходилось 700—900 оленей), либо в тундровом пространстве между Тазовской губой и Енисейским заливом. Хозяйства второй группы чаще всего располагались в относительной близости к крупным рекам в широтном интервале между Тазовской губой, р. Соленой и р. Танамой. Третья группа занимала прибрежную полосу южной тундры и криволесья, а также арсал северной тайги⁵.

В начале XX в. среди коренного населения, занимавшегося летним рыболовством на Енисее, хозяйство тазовских „юраков“ владело 20—28 оленями, обдорских „юраков“ — 16, „юраков“ Береговой управы — 53⁶. По другим данным, у береговых „юраков“ насчитывалось от 2 до 5 оленей на семью⁷. По материалам В. Н. Скалона, „юраки“ бассейна Таза имели 10—30 оленей на хозяйство⁸. Б. Н. Городков описал группу оленеводов низовьев Таза и Пура, на отдельные хозяйства которой приходилось поголовье оленей, „едваходящее до сотни, и лишь 4 человека владели стадом в 150—500 голов“⁹. На хозяйство лесных ненцев среднего и верхнего течения Пура в начале XX столетия приходилось 50—100 оленей, хотя в отдельных районах этот показатель снижался до 10—30¹⁰. У „остяков“ бассейна Сыни семья, владевшая 150 оленями, считалась богатой¹¹. У тазовских селькупов в одном хозяйстве обычно насчитывалось по 20—40 оленей. У сосвинских манси и казымских хантов среднее стадо оленей исчислялось в 20—30 голов. На хозяйство, содержавшее оленей в среднетаежной полосе Сургутского округа, приходилось по 5 голов¹². М. Б. Шатилов определяет среднесемейное количество оленей для „остяков“ верховой Ваха равным 4,8; низовой — 15,3¹³. Между 5 и 15 колебалась численность поголовья оленей и в хозяйствах хантов Б. Югана и Демьянки.

Таким образом, намечается следующее пространственное соотношение размеров оленных стад: крупнейшие из них, насчитывавшие 400—500 и более голов, выпасались во внутренних районах северной и центральной тундры Ямала, Гыдана, горных тундрах Полярного Урала; хозяйства, владевшие 100—200 оленей, сосредоточивались вблизи побережий морей, заливов и рек северной тундры, в южной тундре, и немногие — в глубинных районах лесотундры и северной тайги; владельцы 50—60 оленей проводили лето у

крупных рек, заливов и озер южной тундры, а также в лесной зоне; хозяйства, имевшие 10—30 оленей, располагались у крупных рек лесотундры, в тасжной полосе; стада численностью до 10—15 голов были традиционными для средней тайги.

Помимо учета статистических, литературных и полевых данных, которые наряду с оптимальной численностью поголовья оленей нередко отражают его сверхнеобходимый рост (до нескольких тысяч) или, например, недостаток (менее десяти), следует упомянуть о так называемом размере стада, необходимом для удовлетворения основных нужд средней семьи того или иного региона. По расчетам И. М. Сулова, данный показатель для северной тайги Туруханского края равен 40—50, лесотундры — 54, тундры — 130 оленям¹⁴. Однако автор недоучел специфику хозяйственных комплексов (а следовательно, и характер оленеводства) населения различных экологических зон. К примеру, селькупам и кетам, согласно оценке В. Н. Скалона и Н. К. Каргера, для транспортных нужд требовалось стадо в 20—25 голов, ваховским хантам, по подсчетам М. Б. Шатилова, — в 10—12¹⁵, тогда как содержание 12 оленей, забиваемых, по И. М. Сулову, „на шкуры“, было желательным, но не обязательным.

Для полосы лесотундры малооленность населения, которую принял за точку отсчета И. М. Сулов, часто являлась не постоянным явлением, а выражением временного состояния полуразорившихся или, наоборот, недостаточно окрепших оленеводов, вынужденных для пополнения бюджета компенсировать нехватку оленей промысловыми занятиями. Следовательно, применительно к этой зоне определение универсального „минимума“ едва ли правомерно.

Относительно зоны тундры в исследовании И. М. Сулова сказался недоучет транспортных нужд и необходимости расширенного воспроизводства поголовья стада. П. Н. Востряков и М. М. Броднев считают минимальным для обеспечения средней тундровой семьи стадо в 200—250 голов¹⁶. Не менее 200—250 оленей было необходимо для экономически независимого существования средней тундровой семьи долган¹⁷. Указанный индекс подтверждается и свидетельствами ненцев, хантов, коми-зырян оленеводов, проживающих на Полярном Урале, Гыдане и в устье Енисея. Потребность в стаде численностью в 250 голов складывается из учета минимального расходования в пищу 30 оленей (ежегодно), на одежду и покрывки чума средней семьи (5 человек) и на восполнение каждый год 25 % от 40 ездовых оленей при среднем приросте стада на 30—35 % (см. табл. 3).

В тундровой зоне (см. Приложение, картограмму 8) побережья Байдарацкой губы, бассейнов рек Кара, Энзор, Байдарата, на Полярном Урале в районах течения рек Щучья, Лонгот-сган, помимо ненецких и зырянских оленеводов, подкочевывавших из Приуралья, сосредоточивалось на летний период около 380 сибирских хозяйств

Таблица 3. Количественные характеристики оленеводства в районах расселения народов Северо-Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (голов в среднем на 1 хозяйство)

Район расселения	Поголовье стад	Условный необходимый минимум	Размеры стад для летнего выпаса
Глубинная тундра	400—500	200—250	400 и более
Прибрежная тундра	100—200	200—250	400 и более
Южная тундра	50—60	200—250	400 и более
Лесотундра	10—100	200—250	400 и более
Северная тайга	10—30	20—25 (для транспорта)	—
Предуралье	до 100	20—25	400 и более
Бассейн Пура	до 100	20—25	—
Средняя тайга	10—15	12	—

(кроме того, некоторые ненецкие семьи весной пересекали Уральский хребет и выпасали оленей в западных его предгорьях). К зиме все эти хозяйства откочевывали в следующих направлениях: самая многочисленная группа на юго-восток, частично оседая на р. Щучьей, частично пересекая Обь и сосредоточиваясь на зимовки в бассейне Полуя, а также несколько южнее (у Собтыгана, Логась-сгана, Куновата) и восточнее вплоть до Ярудья и Надыма; вторая группа совершала осенний переход на юг в район течения Соби, Войкара, Сычи и северных притоков Ляпина; третья — почти не меняла к зиме место кочеваний, оставаясь у Байдараты, Ензора, Лонгот-сгана.

На Ямале проводили летовки 624 хозяйства, причем по мере удаления на север плотность их расселения снижалась. Миграции к районам зимовок различались в зависимости от летнего местонахождения оленеводов. Обитатели западной части полуострова располагались к зиме у рек Хадыта и Щучья, восточно-ямальские группы двигались в районы Обской губы, переправляясь на ее южное побережье к Кутоп-югану, Ныде, Ярудю, Надыму. Основная масса оленеводов Ямала зимой сосредоточивалась сплошным массивом, ограниченным с запада средним течением Щучьей, с юга — Полумем, востока — Ныдой, севера — Хадыта-яхой. Часть хозяйств кочевала на ограниченной территории, круглый год перемещаясь в районы Яды-яхи и верховьев Хадыта-яхи. Небольшая группа оленеводов зимовала на побережье северного Ямала.

39 хозяйств располагались летом на полуострове Ненянг-сале (называемом в различных источниках Тазовским, Обско-Тазовским, Малым Ямалом, Безымянным). К зиме они приблизительно в равных долях откочевывали на юго-запад к низовьям Нады, Надыма и на юг, юго-восток в район устья Пура. Небольшая группа хозяйств

перескала Тазовскую губу и зимовала вблизи рск Антипаюта и Мессо.

Основным направлением осенних перемещений 420 хозяйств гыданских оленеводов был путь через Тазовскую губу и Ненянг-сале к Ныде и Надыму. Другая группа семей составляла поток, достигший р. Мессо, низовьев Таза и Пура. Небольшая группа оленеводов, кочевавшая летом в районе Танама, осенью переходила на правобережье Енисея к Караулу и Дерябино. Часть населения Гыдана оставалась зимовать на полуострове, рассредоточиваясь мелкими группами как в южной, так и в северной полосе тундры. Эти оленеводы начинали откочевку к югу синхронно с остальными, но через некоторое время резко поворачивали назад, отрываясь тем самым от преследования волков. В тундровых районах Антипаюты, Мессо проводило зиму и малооленное население.

По левобережью Енисея в арсале, ограниченном с запада водоразделом Гыданской губы и Енисейского залива, с юга — водоразделом рек Соленой, Танама, проходили летние кочевья группы хозяйств, перемещавшихся на зиму в кустарниковую тундру Лапто-сале, низовья Яры и Танама. Часть семей этой группы продвигалась в бассейны Б. Хеты и Соленой. Несколько ненецких хозяйств, располагавшихся летом на правобережье Енисея, на зиму покидали Таймыр, обосновываясь в районе течения Соленой, Б. и М. Хеты, устья Таза.

Одна из групп угорского населения зоны северной тайги (10 хозяйств), летнее расположение которой ограничивалось Северным Уралом и предгорьями в районе течения Соби и Войкара, совершала осенние перекочевки на восток, другая часть, пересекая Обь, — к Собты-сгану, Логась-сгану и Куновату. Оленеводы, кочевавшие в летний период несколько южнее, осенью возвращались в юрты по рскам бассейнов Сосьвы и Ляпина. Стада, выпасавшиеся вблизи Вогулки, Оурьи, низовьев Сосьвы и Ляпина, отдаленных переходов не совершали, круглый год передвигаясь на ограниченной территории. 80 хозяйств, населявших летом побережье Оби у Обдорска, производили короткие осенне-летние перемещения в различных направлениях, в том числе имели место и встречные маршруты — с левого берега на правый, и наоборот. Тем не менее в массе миграций этой группы выделялись три основных потока: северный — к Хадыта-яхе, восточный — к р. Воркуте, южный — к Полую и Куновату.

138 хозяйств, занимавших летом пространство южного побережья Обской губы от р. Вануйто до подошвы Ненянг-сале, с приближением зимы частично оставались на месте, а в большинстве концентрировались в районе Ярудея, Надыма и Ниды, несколько отступая к югу от побережья. Малочисленное летнее население низовьев Надыма на зиму сдвигалось восточнее к Ныде, Пуру, иногда Тазу.

Навстречу его движению, помимо тундровых оленеводов, шел поток с низовий Пура и Таза, где летовало 171 хозяйство. Часть семей нижнего Таза продвигалась к среднему течению, часть — на юго-восток к Турухану, часть оставалась на месте. Многие хозяйства этой группы совершали поездки до Сургута, иногда нижнетазовские самоседы посещали Казымскую ярмарку, Полноватские и Карымкарские юрты.

Значительная часть населения, располагавшегося летом на левобережье Енисея южнее р. Яры, существенных перемещений в течение года не совершала, за исключением нескольких хозяйств, отходивших на запад к Тазу и даже Обдорску. Лесотундровая группа ненцев и энцев почти не мигрировала, оставаясь круглый год у берегов Енисея в пространстве от мыса Ситковского на юге до Б. Хеты на севере.

Северотаежные группы правобережья Оби, подобно левобережным, постоянно держались в бассейнах Куновата и Казыма. Впрочем, в глубинных районах Обско-Пуровского междуречья, универсальных направлений кочевания не существовало. Группа лесных ненцев, летовавшая в верховьях Надыма близ оз. Нум-то, перекочевывала к зиме на юг в верховья Тромьегана. Хозяйства, проводившие лето у р. Сын-ях и пос. Селиярово, напротив к зиме продвигались на север, северо-восток через Лямин к верховьям Казыма и оз. Нум-то. Маршруты оленей, размещавшихся летом вблизи озер Нум-то и Пяку-то, разделялись на два противоположных потока, направленных соответственно на север в бассейн Надыма и на юг к Пиму и Тромьегану. Плотность населения отдаленного от основных рек района была невелика, о чем свидетельствует общее число кочевавших хозяйств — 50.

Маршруты 120 хозяйств, летовавших в бассейне верхнего и среднего Пура, были, в отличие от передвижений западных соседей, во многом единообразны: со среднего Пура и его притоков население к зиме откочевывало к верховьям реки, на Аган, Тромьеган; хозяйства верхнего Пура придерживались той же ориентации, сдвигаясь на юго-запад к Агану и на Тромьеган. Население Пура нередко посещало зимнюю ярмарку в Сургуте.

Тазовские селькупы, проживавшие в полосе лесотундры, на лето сдвигались к северу в более удобные для выпаса оленей районы открытой тундры. Селькупское население среднего и верхнего Таза, содержавшее транспортное поголовье оленей, совершало промысловые передвижения в рамках ограниченных арсалов.

Оленеводы среднетаежной зоны целиком подчиняли свои сезонные миграции транспортно-промысловым целям (прежде всего пушной охоте), в связи с чем переезды на оленях в районах Агана, Тромьегана, Ваха, Б. Югана, Демьянки совершались в пределах охотничьих угодий. При этом население среднего и верхнего Агана

уходило на зимнее время к юго-западу в низовья Агана и Тромъсгана, с верховий Тромъсгана происходили осенние перемещения в низовья реки; ваховские ханты рассредоточивались по притокам Ваха, отправляясь на промыслы к северу в верховья Пура, Таза и на запад, достигая в отдельных случаях района Березова; ханты Обь-Иртышского среднетаежного междуречья (Б. Юган, Демьянка) передвигались в территориальных рамках бассейнов местных рек.

Таким образом, для населения тундры побережья Байдарацкой губы, Ямала, Гыдана были характерны меридиональные (для Полярного Урала отчасти широтные) сезонные перекочевки с амплитудой до 1000 км. Некоторая доля хозяйств оставалась на зимовку в тундре, остальные перемещались в полосу лесотундры. Наибольшая концентрация зимующих тундровых хозяйств прослеживается в районах низовий крупных рек (Оби, Надыма, Ныды, Пура, Таза).

Маршруты оленеводов, проводивших лето в зоне лесотундры, были в общей массе гораздо менее протяженными, чем тундровые, и имели преимущественно широтную ориентацию, хотя вдоль Оби и Таза проходили и меридиональные потоки. С Ненянг-сале население откочевывало на юго-запад и юго-восток.

В северотаежной зоне выделяются: предуральская группа, практиковавшая вертикальное кочевание в горную местность; приобская группа, круглогодично локализованная на ограниченной территории; группа водораздела Оби и Пура, осенние перемещения которой были сориентированы на север или юг к крупным рекам; группа верхнего и среднего Пура, совершавшая меридиональные осенние перекочевки к югу, группа селькупов среднего течения и верховий Таза, мигрировавших в рамках ограниченных промысловых ареалов. Амплитуда сезонных передвижений названных хозяйств была различной — от 100 до 1000 км, причем основная часть разездов приходилась на промысловые или торговые рейды.

Тасежные группы хантов-оленеводов бассейна Средней Оби в течение года перемещались в районах отдельных рек (Агана, Ваха, Тромъсгана, Пима, Б. Югана, Демьянки) и их притоков. Нередко оленеводческие хозяйства переходили с верховий одной реки на верховья другой, к примеру, с Б. Югана на Демьянку, с Пима на Тромъсган, причем связь между жителями верховий соседних рек оказывалась прочнее, чем между группами верховий и низовий одной реки. Промыслово-торговые разезды на оленях достигали порой 1000 км, хотя передвижения семей с мест зимовок на весенние, летние и осенние стоянки (юрты) не превышали 5—20 км.

Таким образом, амплитуда и направления сезонных перекочевков отдельных групп оленеводов Северо-Западной Сибири в различной степени соотносились с конфигурацией гидросистемы. Если перемещения крупных тундровых стад почти не зависели от расположения рек, то владельцы меньшего количества оленей приурочивали

летнее местонахождение к побережьям. Лесотундровые хозяйства Обско-Тазовского междуречья осуществляли преимущественно широтные перекочевки вдоль Обской губы. Течения рек постоянно придерживались оленеводы среднего и верхнего Пура, Таза, таежных притоков Оби.

В западной части рассматриваемого региона объектом притяжения оленеводческих хозяйств в летний период были горные пастбища Урала, что обусловило формирование вертикального типа кочевания ряда таежных и тундровых групп местного угорского, ненецкого и коми-зырянского населения. Одним из факторов, определявших направленность осенне-зимних перекочевок, являлось существование нескольких крупных сугланно-ярмарочных центров (Обдорск, Сургут, Березово и др.), к которым оленеводы подкочевывали в середине зимы. В таежной зоне решающую роль в выборе маршрутов промысловых разъездов играло местонахождение охотничьих угодий.

Как видно, помимо естественно-географических факторов (состояние кормовой базы, режима снежности, наличия топлива, количества гнуса и т. д.), важное значение для оформления маршрутов и амплитуды перекочевок оленеводов различных зон имело функциональное назначение оленеводства в хозяйственном комплексе, а также практика сбора ясака и структура торговли.

В тесной связи с индексом поголовья и маршрутами кочевания стад домашних оленей находятся способ выпаса, характер использования оленей и продуктов оленеводства. Выше уже шла речь о зависимости местонахождения и экономической направленности хозяйств от размеров личных стад. В рамках обзора присмов оленеводства необходимо привлечение иного количественного показателя-индекса стада, оптимального для выпаса в определенных ландшафтных условиях. По заключению Л. М. Баскина, лишь в стаде, насчитывающем не менее 400—500 оленей, оборонительная реакция животных снижается настолько, что ими без особого напряжения может управляться пастух¹⁹. Ненцы и зыряне Полярного Урала считают лучшим для местных условий стадо в 600—700 голов, ненцы Ямала и Гыдана — в 400—500. При этом в летний период на первый план выступал нижний лимит, так как малочисленные стада от гнуса разбегались, крупные — устраивали „карусель“, держались на одном месте и могли контролироваться оленеводом. Зимой, напротив, обязательным являлось ограничение стада до 200—400 голов, поскольку крупные стада ввиду быстрого выбивания кормов вынуждали пастухов часто менять стоянки, что в условиях морозной полярной ночи чревато осложнениями; кроме того, в криволесье при значительном скоплении оленей возникал дефицит кормовых угодий (не случайно, как полагают многие специалисты, именно зимние пастбища являлись регулятором общей численности тундрового поголовья оленей²⁰).

Итак, летом в условиях тундры оптимально стадо в 400 и более (до 2 тыс.) голов, в остальное время года, особенно зимой, — в 400 и менее (до 200). В связи с этим повсюду в тундре была распространена практика дробления стад крупных оленеводов на зимний период и, с другой стороны, объединения на лето оленей мелких хозяйств. К примеру, на несколько частей делились стада ямальского оленевода Хадко Нокатэтто (10 тысяч голов), гыданского Явери Вануйто (7 тыс.), надымского Еко Нано-харючи (10 тыс.) и т. д. В то же время хозяйства, владевшие 100—200 оленей, вынуждены были объединяться на летнее время. Еще менее зажиточные семьи, как правило, присоединяли свои стада к хозяйствам крупных оленеводов и занимались летним рыболовством. Одиноким мелким оленеводы нередко нанимались в работники к самостоятельным хозяевам.

Сборные стада малооленных хозяйств, выпасавшиеся в летнее время в лесотундре, были подвержены тем же (если не большим — учитывая обилие гнуса в криволесье, например, на Ненянг-сале — „Комарином мысу“) опасностям, что и тундровые, в связи с чем и здесь при комплектовании стад решающую роль играл учет нижнего лимита численности (400 голов). Зимой возвращенные владельцам олени не столько выпасались, сколько использовались для передвижения.

Сходный облик летнего выпаса с окарауливанием и зимнего с использованием оленей для промыслово-торговых рейдов прослеживается и в предгорных северотаежных районах. Летние „сборные“ стада предуральских оленеводов формировались с учетом названного минимума (400 голов), хотя на практике этот показатель далеко не всегда достигался. На остальной территории северной и средней тайги численность стада не зависела от условий окарауливания, поскольку выпас как таковой заменялся „вольным отпуском“ оленей на лето.

Приемы пастбы оленей в различных районах рассматриваемой территории обстоятельно освещены в североведческой литературе²¹, в связи с чем целесообразно отметить лишь основные черты данного признака оленеводства. В тундре выпас оленей заключался в круглогодичном окарауливании стад пастухом на упряжке с помощью собак-оленегинок в целях охраны от волков, придержания кучности и возврата отколовшихся групп. В течение года по ходу перекочевков менялось 25—30 и более стоянок. Весной из лесотундрового ареала зимовок совершался переход в тундру, где происходил отел оленей. Затем после летних перемещений, сопряженных с вышеупомянутыми трудностями окарауливания, оленеводы возвращались к местам зимовок, вблизи которых происходил гон оленей, после чего до весны совершались небольшие и немногочисленные перекочевки в лесотундре.

Летний выпас оставшихся в лесотундре стад во многом походил на тундровый, отличаясь, например, в низовьях Таза и Пура

содержанием оленей летом в густых приречных кустарниках, где они легче переносили комарную пору, причем в это время пастух фактически бездействовал. С осени до лета эти стада, распределяясь по отдельным хозяйствам, в основном служили транспортным средством и выпасались вблизи стойбищ.

В полосе северной тайги практиковались различные способы вольного и полувольного летнего выпаса оленей. Предуральские (ляпинские, сосвинские, верхнелозьвинские) манси, откочсывающие на лето в долины гор, использовали для окарауливания стад собак-оленегонок, частую смену пастбищ, дежурство на упряжках и другие приемы, характерные для тундрового оленеводства. В зимний период олени применялись в основном для промысловых разъездов.

Северные селькулы, лесные ненцы, северотаежные ханты в июле устраивали дымокуры для оленей, часто с сооружением загонов и сараев, после чего возобновлялся прерванный на комарный период „вольный отпуск“ (в ряде случаев предусматривавший применение деревянных пут). Часть лесных ненцев (среднего течения Пура) кроме названных приемов тасжного оленеводства практиковала летний выпас на водоразделах, сходный в основных чертах с тундровым и североуральским.

Оленеводству большинства среднетаежных хантов (Пима, Тромь-сгана, Агана, Ваха) присущ вольный выпас с начала лета до середины осени, после чего оленей собирали в окрестных лесах. У юго-восточных хантов (Б. Югана, Демьянки) имели распространение приемы оленеводства, близкие к так называемому карельскому „избному“ типу, со строительством курных сараев для оленей, подкормкой, применением деревянных пут и т. д. Все названные группы тасжных оленеводов с осени до весны применяли оленей как средство передвижения.

Индикатором хозяйственной направленности оленеводства является доля и характер участия в нем самих владельцев оленей. Тундровые хозяйства были круглый год всецело поглощены выпасом стад, определяя время и маршруты перекочевок в зависимости от нужд оленеводства. Вместе с тем часть семей, пришедших в тундру с оленями, препоручали свои, обычно небольшие стада пастухам, оставаясь летом на водосмах для рыболовства. По сообщениям надымских ненцев и хантов, большинство лесотундрового населения в летний период занималось рыболовством, присоединяя своих оленей к стадам тундровых оленей или объединяя их в одно большое стадо, выпасавшиеся под присмотром наемного пастуха. Помимо побережья Надымской Оби, подобная практика была рассмотрена в низовьях Оби, Пура, Таза²². С осени до весны олени лесотундровых хозяйств находились под непосредственным контролем их владельцев, которые, как правило, стремились увеличить поголовье соб-

ственного стада и перейти к тундрово-оленоводческому циклу. В соответствии с этим в осенне-весенний период осуществлялись не только промыслово-торговые разезды на оленях, но и откорм, охрана поголовья; перекочевки совершались главным образом в связи с нуждами оленеводства.

Не принимали участия в летнем окарауливании своих стад и оленеводы северотасажной предуральской группы, сдавая их на поруки наемным пастухам, отгонявшим оленей в горы на период с апреля до августа. Остальные северотасажные группы (за исключением части лесных ненцев среднего течения Пура) практиковали летний полувольный выпас, предполагавший ограниченный контроль со стороны владельца оленей. При этом, по сообщениям казымских хантов, стада нескольких семей, отправлявшихся на рыболовный промысел, оставались под наблюдением одного хозяйства, имевшего летний дымокурный загон.

В среднетасажной полосе „вольный отпуск“ был еще продолжительнее, чем в северотасажной, и охватывал даже периоды отела и гона (май-сентябрь). Таким образом, прямой контакт владельца со стадом приходился лишь на зимнее время, когда олени являлись основным транспортным средством.

Общим показателем экономической значимости оленеводства является сфера использования оленей и продукции оленеводства, а также характеристика качественного состава стада (соотношения важенок, быков-производителей и быков-кастратов). При пище-сырьевой ориентации тундрового оленеводства, по свидетельству североуральских, ямальских и гыданских пастухов, необходимым считалось содержание в стаде 50—60 % важенок, 5—6 % быков-производителей, 30—35 % ездовых быков-кастратов. В тайге, как правило, процент важенок резко снижался и соответственно возрастал удельный вес ездовых оленей. Кроме того, если в тундре важенок запрягали в исключительных случаях, то в тасажных хозяйствах для передвижения использовали все категории взрослого стада. Следует полутно отметить, что среди оленеводов тундры важенка ценилась выше крупного ездового быка (хабта), в то время как в тасажных районах прослеживается обратная картина.

В соответствии с указанными пропорциями, тундровое оленеводство давало пищевые продукты, материал для изготовления одежды, жилища, утвари, орудий труда, транспортные средства, товарно-обменный фонд для приобретения рыбы, пушнины, муки, боеприпасов и т. д. К началу XX в. возросла степень товарности оленеводства, одной из причин чего было влияние европейского оленеводства, где был обычен осенний массовый забой оленей на продажу²¹. Столь же ярко выражена в северной (кроме предуральского и среднепуровского районов) и средней тайге транспортная направленность оленеводства, причем, помимо промысловых рейдов

и посездок на ярмарки-сугланы, многие хозяйства несли повинность земской гоньбы. Правда, и в среднеприобской тайге домашний олень забивался на мясо и шкуры, но в крайне редких, и в основном критических, случаях. В то же время у некоторых групп хантов среднетасжной полосы известна практика доения важенок.

С учетом всех особенностей оленеводства у населения Северо-Западной Сибири, выявленных в результате рассмотрения отдельных характеристик этой отрасли хозяйства, наметились следующие типы и варианты (см. картограмму 9):

1. Тундровое крупностадное оленеводство, распространенное среди ненцев и северных хантов Полярного Урала, Ямала и Гыдана, характеризующееся: размерами личных стад в 200—250 и более голов; значительными (до 100 км) меридиональными сезонными перемещениями; группированием стад до 400 и более голов в летний период, 400 и менее — в зимний; круглогодичным окарауливанием своего стада владельцем с помощью собак-оленегонок; составом стада, предусматривающим расширенное воспроизводство поголовья; безусловной доминантой продуктов оленеводства в сфере потребления, использованием оленей в транспортных целях.

В рамках данного типа выделяется вариант прибрежного тундрового оленеводства, представленный группой хозяйств, передававших своих оленей на летний выпас пастухам и оседавших на берегах водоемов для рыболовства и морского зверобойного промысла. Как правило, эти семьи были менее самостоятельными, чем типично оленеводческие, имея по 100—150 оленей. Обособляется и подтип арктического оленеводства, присущий малоолненным хозяйствам, не совершавшим сезонных перекочевок в лесотундру и проводившим зимовку в северной части тундры.

2. Лесотундровое оленеводство, представленное ненцами и хантами полосы криволесья от Урала до водораздела Таза и Енисея. Данному типу свойственны: размеры личных стад до 100 голов; широтно-ориентированные или направленные вдоль крупных рек (Оби, Таза) сезонные перекочевки с амплитудой до 500 км; группирование стад до 400 голов в летний период и выпас индивидуального поголовья (до 100 оленей) в зимнее время; передача оленей на летний сезон тундровым оленеводам или пастухам и использование стада в транспортных целях при одновременном стремлении нарастить поголовье — в зимний период; состав стада, предусматривающий расширенное воспроизводство поголовья; сочетание в сфере потребления продуктов оленеводства и промыслов.

3. Тажное оленеводство, характерное для хантов, северных селькупов и лесных ненцев, отличающееся: размерами стад в 10—30 голов (редко — до 100); сезонными перемещениями с амплитудой от 100 до 1000 км, обусловленными главным образом промысловыми нуждами: вольным выпасом с сооружением дымокурое, за-

гонов, навесов, сараев, применением деревянных пут в летнее время; составом стад с высоким удельным весом ездовых оленей; эпизодическим употреблением продуктов оленеводства в пищу и использованием оленей преимущественно в транспортных целях.

Вариантом таежного оленеводства следует считать таежно-ненецкий подтип, характерный для части пян-хасово бассейна среднего Пура и Надымско-Пуровского междуречья. Он выделяется большей численностью личных стад (до 100 голов), практикой окарауливания в летнее время, определенным значением оленеводства как источника пищеобеспечения. Подтипом является и избенное таежное оленеводство, распространенное у некоторых групп хантов бассейна Средней Оби. Отличительные черты его состоят в ограниченных размерах стад (от 5 до 15 оленей), сооружении летних крытых загонков (сараев, „изб“), в ряде мест — доении важенков.

4. Горно-таежное отгонное оленеводство, представленное предуральскими манси и хантами. Для данного типа характерны: размеры личных стад до 100 голов; вертикальное кочевание с амплитудой в 300—500 км; образование стад численностью до 300—400 голов в летнее время и содержание индивидуального поголовья в зимний период; передача оленей на летний сезон пастухам и использование стада в транспортных целях зимой; состав стада с весомой долей ездовых оленей; как транспортное, так в определенной мере и пище-сырьевое направление оленеводства.

Таким образом, признаками, согласно которым выделяются типы оленеводства, являются: территориальная обособленность, соотносящаяся с конкретной природно-географической зоной, и специфический комплекс приемов оленеводства. Признаками подтипа выступают: локальная ограниченность, обусловленная ландшафтными особенностями, и своеобразная модификация типового комплекса приемов оленеводства. Наряду с определенной замкнутостью, названным типам и подтипам свойственна пространственная и функциональная взаимозависимость. В районах низовий Оби, Пура, Таза, например, посезонно были представлены следующие типы оленеводства: тундровый (зимой), таежный (летом), лесотундровый (круглый год). Известны и многообразные формы обмена оленями (чаще всего производителями), оленеводческим инвентарем между представителями различных типов и подтипов, переходы хозяйств от одного стиля оленеводства к другому (к примеру, от лесотундрового к тундровому и наоборот).

*
* *
*

Тундровое крупностадное оленеводство большинством исследователей обоснованно считается вторичной формой хозяйства, развивающейся у населения Средней Евразии в течение XVII—XX вв.

на основе существовавшего прежде оленеводства транспортного направления и заместившей собой охотничье-рыболовный уклад автохтонов Субарктики первой половины II тыс. н. э. Л. В. Хомич считает, что до середины XVIII в. оленеводство у ненцев имело в основном транспортное значение и не было ведущей отраслью экономики; во второй половине XVIII столетия наблюдается численный рост поголовья домашних оленей, а уже „с XIX в. основной отраслью хозяйства у подавляющего большинства ненцев становится оленеводство“²⁴. В. И. Васильев относит становление оленеводства тундровосамодийских народов как „определяющего хозяйственного занятия“ ко второй половине XVII в., причем „уже в XVIII в. оленеводство становится ведущим, определяющим направлением самодийской экономики“²⁵. Подобную периодизацию процесса становления крупнотабунного оленеводства у ненцев, чукчей и коряков предложил и коллектив авторов монографии „Общественный строй у народов Северной Сибири“²⁶. И. И. Крупник выделил четыре этапа развития оленеводства у тундровых ненцев: начальный (с появлением домашних оленей до начала XVIII в.), период становления крупнотабунного оленеводства (начало — конец XVIII в.), этап превращения оленеводства в форму производящего хозяйства (конец XVIII — середина XIX в., для ненцев Сибири — конец XVIII — начало XX в.), период крупнотабунного кочевого оленеводства как господствующей формы тундровой экономики (середина XIX — 30-е гг. XX в., для сибирских ненцев — начало — 30-е гг. XX в.)²⁷. В других районах работы И. И. Крупник предложил несколько иную последовательность этапов развития оленеводства: с XVIII в. начинается период быстрого роста поголовья оленей, к началу XIX в. завершается переход к крупнотабунному кочевому оленеводству пище-сырьевого направления²⁸.

Приведенные мнения сводятся к трем вариантам периодизации процесса развития оленеводства в тундровой зоне Сибири (в том числе Западной): 1) вторая половина XVII — начало XVIII в. — этапы начала и завершения становления крупнотабунного оленеводства (Васильев В. И., Гурвич И. С., Долгих Б. О., Смоляк А. В.); 2) те же фазы датируются соответственно второй половиной XVIII — началом XIX в. (Хомич Л. В., Крупник И. И.); 3) периоды становления (XVIII в.), превращения в форму производящего хозяйства (XIX в.), существования как господствующей формы экономики (начало — 30-е гг. XX в.) (Крупник И. И.).

Прежде всего необходимо остановиться на выборе критерия для определения уровня развития оленеводства. В связи с многообразием конкретных форм крупнотабунного оленеводства (чукотского, ненецкого, саамского, коми-зырянского) представляется нецелесообразным учет особенностей в системах окартауливания, сроках забоя и т. д. Кроме того, едва ли правомерно считать окончательно

сформировавшимся лишь то крупностадное оленеводство, которое стало количественно (по числу занятых хозяйств) доминирующим в определенном районе (к примеру, на Ямале и Гыдане даже в начале XX в. большинство оленеводов имело по сути дела не „крупные“, а средние и мелкие стада оленей; на Чукотке также значительную долю населения составляли малооленные и безоленные „сидячие“ хозяйства, хотя и в том, и в другом случае оленеводство именуется крупностадным). Тем более нет оснований оценивать меру „табунности“, исходя из степени товаризации оленеводства (см. четвертый этап периодизации И. И. Крупника)²⁹, так как это являлось следствием инокультурного (коми-русского) воздействия.

Указанием на крупностадность оленеводства следует считать упоминание в источнике (даже единичное) подобного типа хозяйства. В отличие от многих других видов хозяйственной деятельности, крупностадное оленеводство не может быть подсобной отраслью, так как предполагает постоянную занятость владельца выпасом оленей. С другой стороны, появление крупного стада невозможно без специализации на оленеводстве. То есть как бы часто применительно к определенному периоду и району ни упоминалась охота или рыболовство, факт существования крупного стада указывает на выделение среди данной группы населения оленеводов и оленеводческого типа хозяйства, хотя его удельный вес в соотношении с другими хозяйственными комплексами может быть невелик.

К примеру, В. Ф. Зуев, И. Г. Георги, Ф. Белявский дали описание различных способов охоты на дикого оленя и в то же время отметили, что „многие из них (самоедов. — А. Г.) имеют до 10 тысяч, а самый беднейший более ста оленей“, „вся их экономия состоит в содержании оленнего скота“ и т. д.³⁰ Следовательно, для второй половины XVIII — начала XIX в. крупностадное оленеводство как основу определенного хозяйственного комплекса можно считать установившимся. Имеются подобные свидетельства и более раннего времени: сообщения Г. Новицкого (начала XVIII в.) о том, что „мощнейшие“ жители Нижнего Приобья „множество оленей содержат, аки домовый скот“³¹, С. Коллизина (XVII в.) о том, что „богатство в оленях, которых они имеют большие стада“³². В работе Е. И. Колычевой (материалы которой выступают в числе основных для ряда приведенных выше периодизаций) содержатся следующие данные об оленеводстве европейских тундровых ненцев: „Для XVII в. наибольшая известная нам численность оленнего стада — 100 голов. Владелец стада в 40 голов считал себя „сильным““³³. Разумеется, названные показатели ниже тундрозооленеводческого минимума (200—250 голов), однако они превышают транспортный северотаежный оптимум (10—30). Кроме того, содержание в условиях тундры отдельного стада в 40—100 го-

Аргументация сторонников „климатического фактора“ оставляет без внимания то обстоятельство, что как ухудшение (по Л. П. Хлобыстину и Г. Н. Грачевой), так и улучшение (по И. И. Крупнику) климата в одинаковой мере сказались бы на состоянии популяции дикого оленя и поголовья домашнего, то есть производящая отрасль не получила бы преимуществ по сравнению с промыслом. Тем не менее И. И. Крупник заключает, что „быстрый рост поголовья домашних оленей неизбежно повлек за собой нарушение экологического равновесия в тундровых биоценозах, что привело в итоге к вытеснению более слабой, точнее, не охраняемой человеком популяции диких оленей“³⁹. Не совсем понятно, на какой основе происходили „неожиданно быстрый рост поголовья домашних оленей“, „бурное развитие крупнотабунного оленеводства“, как пишет И. И. Крупник, если исходное количество транспортных оленей было весьма незначительным. Кроме того, коэффициент воспроизводства дикого стада был выше соответствующего показателя домашнего поголовья, так как дикая популяция обладает почти абсолютной репродуктивной способностью, а среди домашних оленей велик процент кастратов, яловых важенок и дефектнорожденных телят. Простые примерные подсчеты показывают, что при условном соотношении численности диких и домашних оленей (1000 : 10) и соответствующих годовых коэффициентах воспроизводства (завышенных в связи с „благоприятностью“ климата) — 1 : 5 и 1 : 10 — поголовье дикого оленя вырастает за десятилетие с 1000 до 6500 голов, домашнего — с 10 до 26; то есть первоначальная пропорция 100 : 1 изменяется до 250 : 1 в пользу дикой популяции, а количественная разница — с 900 до 6474 голов.

Разумеется, активный промысел оленя препятствовал бы столь значительному опережающему росту дикого стада и даже перекрывал его, но именно это обстоятельство и явилось бы преградой для перехода от промыслового к производящему хозяйству, так как известно, что не расцвет, а кризис той или иной отрасли выступает стимулом подобной перестройки⁴⁰. Таким образом, если уж говорить о климатических факторах, способствовавших развитию оленеводства, то следует согласиться с их трактовкой Л. П. Хлобыстиным и Г. Н. Грачевой. Правда, названные авторы указывают в этой связи на ухудшение климата в I тысячелетии н. э. — времени, далекое от сроков становления крупнотабунного оленеводства. Этому процессу сопутствовал, скорее, иной „неблагоприятный“ (по И. И. Крупнику) период — 1650—1720 гг.

По-видимому, судьба оленеводства определялась не только и не столько климатическими колебаниями, сколько причинами социально-экономического и хозяйственно-экологического порядка. Как уже говорилось, охота на дикого оленя была в прошлом основой хозяйства притундрового населения, однако интенсивная промыс-

ловая деятельность коренных жителей Приобья и мигрантов из Приуралья и Среднего Зауралья (угров, коми, русских) в середине II тысячелетия привела к заметному сокращению численности копытных северной тайги и тундры. Уменьшение поголовья тундрового дикого оленя снизило эффективность некоторых (массовых) способов охоты и вызвало необходимость дальних промысловых поездок, транспортировки добычи. Возраставшее значение пушного промысла также предполагало повышение хозяйственной подвижности населения. Транспортные олени стали представлять собой значительную ценность, возрастанию которой способствовало превращение оленьих упряжек в „боевой“ транспорт (воинственность и неуязвимость оленеводов в противовес беззащитности „бедняков“, не имевших олсней, воспевается в ненецких сказаниях). В конце XV в. „малгонзейская“ и „каменская самосдь“ уже ездила на оленях⁴¹. В 1701 г. К. де Бруин отмечал, что самоседы извлекают большую пользу „от прирученных олсней, продавая часть их, а другую употребляя для возки своих саней в зимнее время“⁴².

Таким образом, первоначально транспортно-промысловые, военные и торговые интересы стимулировали наращивание домашнего поголовья. При этом относительно состоятельные оленеводы — пастухи сборных стад, — с одной стороны, уже не могли активно заниматься промыслами, с другой, — получили возможность основать свое хозяйство на транспортно-товарном оленеводстве. Ценность оленя определялась использованием его для передвижения, для охоты в качестве маньшика. Олень является средством выгодного обмена, за выпас чужого поголовья пастухи получали продукцию охоты и рыболовства, олени служили резервом на случай промыслово-продовольственного кризиса. Занимаясь оленеводством и уделяя незначительное внимание промыслам, пастушеские хозяйства имели возможность обеспечиваться промысловой продукцией путем обмена и получаемой мзды за выпас присоединяемого к их стадам транспортного поголовья. В этом смысле, очевидно, и следует понимать сообщение В. Ф. Зуева о том, что „экономия их (оленеводов. — А. Г.) можно разделить так, что рыболовство их пропитание, а олени богатство заключают“⁴³.

Со временем в связи с истощением промысловой фауны (дикого оленя) и ростом общего поголовья домашних стад при одновременном снижении меновой стоимости оленя тундровое оленеводство приобрело значение основного источника потребления. Примечательно, что, хотя истоки ненецкого оленеводства коренятся в северотаежной зоне, в крупностадном облике оно сформировалось в тундре. Это объясняется как удобством выпаса больших стад в открытых безлесных пространствах, так и ускоренной регрессией популяции именно тундрового оленя под влиянием оленеводства. Процессы развития оленеводства и деградации промысла дикого оленя взаимо-

обусловлены: чем быстрее сокращается поголовье дикого, тем стремительнее нарастает численность домашнего, и наоборот. И. В. Друри отметил, что „на Ямале олень держится главным образом там, где по различным причинам и особенно по бедности пастбищ ягелем стоит меньше домашних стад“⁴⁴.

С этих позиций вполне разрешим „парадокс Таймыра“, где в отличие от соседних к востоку и западу территорий сохранилась крупная популяция дикого оленя, а оленеводство развилось лишь под влиянием пришлых хозяйственных культур (ненецкой с запада, эвенкийской с юго-востока). Если тундровая зона Западной Сибири благодаря развитию речной системы испытывала постоянный приток населения с юга, особенно усилившийся к середине II тыс. н. э. в связи с прогрессирующими миграциями угров из Приуралья в Зауралье и на Север Приобья, то платформа Таймыра была относительно изолирована от тасжно-эвенкийской зоны малообжитым плато Пutorана. Иначе говоря, перепромысла, присущего южно-тундровой зоне Западной Сибири, на Таймыре не наблюдалось. С другой стороны, пространство тундр Ямала и Гыдана почти полностью осваивалось оленеводами, тогда как на севере Таймыра существовали огромные площади арктических пустынь, недостижимых для автохтонов, но легко осваиваемых дикими оленями. Таким образом, как в летний, так и зимний периоды дикая популяция не испытывала сколько-нибудь значительной конкуренции со стороны домашних стад и не терпела серьезного урона от промысла, вследствие чего до недавнего времени, по данным А. А. Попова и Ю. Б. Симченко, игнорировались нередко пренебрегали оленеводством в пользу сохранившей свое хозяйственное значение охоты на дикого оленя⁴⁵. Подобное, но с обратным акцентом объяснение можно дать и раннему складыванию „крупномасштабного оленеводства“ в Лапландии, где этот процесс завершился в XIII—XVI вв.⁴⁶

Подводя итог анализу развития тундрового оленеводства на Севере Западной Сибири, можно наметить следующие его этапы: XV—XVI вв. — период существования северопредуральского и предтундрового отгонного оленеводства. XVII—XVIII вв. — становление и практика крупностадного оленеводства транспортно-торговой ориентации, XIX—XX вв. — развитие оленеводства тундрового типа с замкнутым производственно-потребительским циклом.

В конце XIX в. в сибирские тундры стало проникать товарное оленеводство коми-ижемцев и европейских ненцев, существенно видоизмененное вследствие введения круглосуточного окартауливания, массового осеннего забоя оленей, упорядочения сроков кочевания, выделки замши на продажу и т. д.⁴⁷ Однако сибирское тундровое оленеводство под этим воздействием коми сколько-нибудь существенно не изменилось или, точнее, не успело измениться. Зоотехник экспедиции 1928 г. П. П. Королев отмечал, что „массового забоя, какой наблюдается у зырян, самоседы не практикуют“⁴⁸.

Прибрежно-тундровый и арктический варианты тундрового оленеводства, выделенные в типологии рубежа XIX—XX вв., сложились, вероятно, в рамках уже сформировавшегося крупнотапного ненецкого оленеводства на протяжении XVII—XVIII вв. Они обособились не столько благодаря специфике оленеводства, сколько вследствие своеобразия включения этой отрасли в целостный хозяйственный комплекс, имеющий в первом случае рыболовную направленность (прибрежно-тундровый), во втором — промыслово-зверобойную (арктический). По-видимому, в течение XVII—XVIII вв. существовал позднее исчезнувший глубинно-тундровый подтип, сочетавшийся с промыслом дикого оленя. Этот подтип был генетически связан с первоначальной (отгонной) формой тундрового оленеводства.

Тип лесотундрового оленеводства (конца XIX — начала XX в.), при внешнем сходстве и территориальной сопряженности с отгонным предтундровым оленеводством XV—XVI вв., не был его непосредственным преемником. Отгонное оленеводство имело прежде всего транспортную направленность, тогда как лесотундровый тип представлял собой деформированное тундровое оленеводство и сочетал как транспортную, так и пищу-сырьевую ориентацию при тенденции роста последней. Отгонное оленеводство функционально являлось придатком промыслового комплекса, в то время как лесотундровое „претендовало“ на основную роль в хозяйстве, но в силу своей слабости вынужденно дополнялось и даже перекрывалось промыслами. Отгонное оленеводство было представлено главным образом промысловиками, лесотундровое — разорившимися или несостоявшимися тундровыми оленеводами. Таким образом, связь между отгонным (XV—XVII вв.) и лесотундровым (XIX—XX вв.) типами опосредована установившимся в XVII в. тундровым оленеводством, своеобразной периферией которого и являлось лесотундровое.

Наибольшая близость с изначальным для рассматриваемого периода отгонным типом оленеводства проявляется в практике содержания оленей северодуральским населением (конца XIX — начала XX в.). Горно-таежное отгонное оленеводство манси имеет сходство со средневековым оленеводством дуральского отгонного типа в ориентации перекочевок, сезонном делении на периоды нагульного выпаса под присмотром пастуха (летом) и транспортного использования оленей (зимой). Происшедшие за три столетия изменения состоят в увеличении поголовья индивидуальных стад, приобретении оленеводством элементов пище-сырьевой ориентации, уменьшении амплитуды сезонных миграций.

Исследователи отмечалось единообразие оленеводства манси и тундровых ненцев⁴⁹. Эта близость может быть объяснена прежде всего сходством условий выпаса в тундровой и горной местностях. Не случайно горные тундры традиционно считаются лучшими лет-

ними пастбищами как в лесной, так и в тундровой зоне: канинские оленеводы стремились в летний период сосредоточить стада на Канинском кряже, тиманские и большеземельские ненцы — на Тимане⁵⁰; в Южной Сибири оленеводство развилось и сохранилось на Саянах.

В известной степени Северный Урал представлял собой не менее удобную зону, чем западно-сибирская тундра, для складывания значительного по объему оленеводства. Даже на тасжных широтах Урал является своего рода „олeneводческим оазисом“ среди окружающего промыслового хозяйства. Упоминание в Ремезовской летописи (конца XVII в.) сзды вогуличей на олнях в районе Тагила и Туры⁵¹ относится, по-видимому, к населению верховий названных рек, находящихся на Среднем Урале. И в начале XX в. недалеко от этого района в бассейне Лозьвы проживали манси-олeneводы⁵². Следовательно, предтундровая полоса и северное Предуралье, будучи экологически благоприятными зонами для разведения домашних животных, могли быть ареалами формирования единообразных вариантов отгонного типа оленеводства, развивавшихся позднее в сходные по многим параметрам типы тундрового и горно-таежного содержания оленей.

Как считает большинство исследователей, обские угры (и в том числе манси) переняли оленеводство у ненцев⁵³. По предположению В. А. Козьмина, для сложившейся в XVII в. сосвинско-ляпинской группы манси источником этого заимствования были ляпинские ненцы⁵⁴. Возможно, вогулы столкнулись с таежно-ненецким оленеводством несколько раньше и несколько южнее. Во всяком случае в период существования отгонного оленеводства (XV—XVI вв.) таежные самодийцы могли проникать по параллели Урала глубоко на юг. Не случайно на Среднем Урале обнаруживаются топонимические свидетельства присутствия ненцев⁵⁵. В одной из легенд ненцев территорией их прежнего расселения в числе прочих мест назван Уральский хребет до р. Пелыма⁵⁶. Жителям Кондинского края самоеды, совершавшие набеги на их земли, были известны под названием „тавдинского народа“⁵⁷ — обитателей района верхней Тавды, — находящегося между Кондой и Уралом. Кстати, и в конце XIX в. в Чердынском Приуралье кочевало несколько самоедских семей Хатанзиевых и Варцаповых⁵⁸. Не исключено, что еще в XV—XVI вв. на Среднем Урале манси заимствовали оленеводство у местных ненцев и продвинулись затем на север уже в качестве горнотаежных оленеводов.

Итак, в Северном Предуралье с середины II тысячелетия существовало самодийское по происхождению оленеводство отгонного типа. С XVII в. ввиду возрастания роли пушного промысла, предполагавшего рост подвижности населения, масштабы предуральского оленеводства расширились, а в XIX в. по мере сокращения про-

дуктивности некоторых видов промысла и под влиянием тундрового оленеводства оно приобрело облик отгонного горно-таежного типа с присущим ему сочетанием транспортной и пищесырьевой ориентации.

Основной причиной отличий характерного для хантов и пняхасово лесного оленеводства от тундрового и предгорного следует считать экологические особенности таежной зоны, которые, с одной стороны, препятствовали складыванию системы круглогодичного содержания крупных стад, с другой стороны, — давали возможность применять деревянные сооружения и приспособления (загоны, „избы“, пути). Этнокультурные традиции в данном случае играли вторичную роль и в свою очередь предопределялись эколого-хозяйственными обстоятельствами. К примеру, у лесных ненцев В. А. Козьмин подметил четыре разновидности оленеводческого комплекса: жители низовьев Надыма и Пура отдавали своих оленей на выпас в тундру, в среднем течении Пура были распространены присмы полувольного содержания оленей, в верховьях Пура — „вольный отпуск“, на Лямине — оленеводческая система, близкая восточным хантам⁵⁹. Названные особенности допустимо свести в три ареальных субварианта таежно-ненецкого оленеводства: на северной границе тайги (низовья Надыма и Пура) практика содержания оленей мало чем отличалась от лесотундрового типа, на границе северной и средней тайги (в верховьях Пура и Лямина) от таежно-хантыйского оленеводства; по сути дела лишь среднепуровская система представляла собой специфически ненецко-таежный подтип, который в свою очередь имеет ряд аналогов в горно-таежном отгонном оленеводстве (летнее окарауливание на водоразделах, укрупненные стада — до 100 голов, пища-сырьевая направленность).

Можно предположить, что ненецко-таежный подтип обособился благодаря экологически благоприятным для выпаса оленей условиям водораздела Пура-Надыма-Казыма и увала Нумто, где имелась возможность развития „микротогонного“ оленеводства (часть хозяйственного коллектива оставалась летом на рыбоугодьях, часть занималась выпасом оленей на водоразделе). По-видимому, значительные масштабы таежного оленеводства в бассейне Пура — позднее явление, связанное со становлением „ходового“ пушного промысла и влиянием тундровой хозяйственной культуры. До выдвигания белки на первый план в таежной пушнодобыче (XVII в.) и сокращения популяции крупных копытных образ жизни лесных ненцев был менее подвижным, что предполагало содержание ограниченного транспортного поголовья домашних оленей. В оленеводстве, вероятно, применялись загоны с навесами (по свидетельству тундровых ненцев, „пяки“ — лесные ненцы — когда-то делали „деревянные корали“), подобные тем, какие сооружались в XX в. ляминскими ненцами, тазовскими селькупами или верхнеказым-

скими хантами. В качестве манщика домашний олень имел важное значение в промысле диких оленей.

Тасжное оленеводство хантов отличалось от тасжно-ненецкого подтипа меньшими размерами стад, исключительно транспортной направленностью и рядом других черт. Как уже говорилось, обские угры, в том числе и ханты, заимствовали практику содержания оленей у ненцев, причем произошло это, по мнению некоторых исследователей, в XV столетии⁶⁰. В. А. Козьмин на основании проанализированных им данных летописей и свидетельств средневековых путешественников пришел к заключению, что лишь „с конца XVII в. обдорские ханты постепенно стали осваивать оленеводство, поскольку только в источниках XVIII в. имеются определенные указания на это“; „время его (хантыйского оленеводства. — А. Г.) появления можно связать со вторым периодом становления крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев (XVIII в.)“⁶¹. Однако периодизация И. И. Крупника, использованная автором, как отмечалось, приблизительно на столетие „омолаживает“ крупнотабунное ненецкое оленеводство. Кроме того, тундровый тип настолько разительно отличается от тасжно-хантыйского, что непосредственная преемственность между ними сомнительна.

По мнению Б. О. Долгих, опиравшегося в своих выводах на архивные источники, „уже в XVII в. остяки в северной части Березовского уезда занимались оленеводством в таких значительных размерах, что самоседы выменивали у них оленей на пушнину“⁶². В „Описании новых земель, сиречь Сибирского царства“ (конец XVII в.) говорится: „По обе стороны великой реки Оби и Иртыша... живут... ясачные люди Татарове, Остяки, Самоседы. А ездят зимним путем от юрт до юрт... нартами на собаках и на оленях доморощенных... Князцы же их и прожиточные люди в улусах и юртах своих имеют у себя по 100, по 200, по 500 и по 1000 оленей“⁶³. Вероятнее всего, в этом источнике речь идет об оленеводстве „Остяков“, поскольку „Татарове“ не знали его вообще, а у „Самоеди“ не существовало юрт. О езде „Югорских князей“ на оленях в конце XV в. упомянуто в описании похода за Камень (Урал) князей Петра Ушатого и Семена Курбского⁶⁴. Сам В. А. Козьмин вопреки сделанным заключениям вынужден был оговориться, „что олень как средство передвижения в XV в. едва ли был широко известен уграм“⁶⁵. Н. В. Лукина, указав на это противоречие в статье В. А. Козьмина, подчеркнула, что езда на оленях в конце XV в. действительно не была широко распространена среди хантов, но сам факт „югорского“ оленеводства сомнений не вызывает⁶⁶.

Примечательно, что, по сообщению того же источника, „от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках“⁶⁷, то есть передвижение на оленях, очевидно, считалось привилегией князей (как русских, так и югорских). Не исключено, что „Князь Петр

со князем Семеном“ застали первые шаги заимствования северными хантами оленеводства у ненцев, когда транспортное использование оленей являлось еще знаком княжеского достоинства. Кроме того, можно предположить, что первоначально ханты перенимали оленеводство не для хозяйственных нужд, а в целях проведения военных набегов или, наоборот, обеспечения обороны своих селений, так как собачья упряжка по „босспособности“ уступала оленьей.

Источником заимствования оленеводства для хантов явилась хозяйственная культура приобских ненцев. При этом в среде самих ненцев формы содержания оленей были различны. Если предуральские („каменные“) и тундровые хозяйства имели возможность практиковать значительное по объему отгонное оленеводство, то северотасжские отличались разведением небольшого поголовья транспортных оленей, используя для этого загоны, сараи, деревянные пути, привязи (как это делали ханты Лямина)⁶⁸, кормление рыбой (известное у хантов и селькупов). Данный (стационарный) тип можно считать основой, на которой развилось отгонное оленеводство. В подобных условиях, когда олень был в полном смысле домашним животным, сложилась практика многопланового его использования — для транспорта, в качестве манщика, для получения молока (до сих пор даже тундровые ненцы специально выращивают ручных оленей — *цавка*, которые обычно держатся около чумов, откликаются на зов оленевода; для их отлова нет необходимости делать кораль, их можно запрячь ночью; на *цавка* „в поводу“ возят дрова, лед, тела умерших). Что касается доения важенок, то, по данным Л. В. Хомич, ненцы его не знали⁶⁹. Вместе с тем в описаниях оленеводства остяков и самоедов конца XVII—XVIII вв. имеются сведения о доении: „...а молоко у них доят на потребу свою“, „...мясо их и молоко употребляют в пищу“⁷⁰. По сведениям 1870 г., „в Сургутском округе оленей держат только богатые и то в небольшом количестве, голов до 5; здесь олени заменяют корову и дают молоко“⁷¹. Возможно, при стационарном оленеводстве (как в эвенкийском, предполагавшем постоянный контакт хозяев и оленей) практика доения важенок развилась самостоятельно, без какого-либо обычно предполагаемого скотоводческого или коневодческого влияния. Ее исчезновение происходило по мере укрупнения стад, обусловившего, с одной стороны, перенесение потребительского акцента на мясные продукты, с другой, — свособразное полуодичание оленей. Не случайно в XIX в. доение зафиксировано лишь у малооленных сургутских хантов.

Сегодня эволюция прослеживается и в приемах содержания оленей. В недавнем прошлом, к примеру, ханты верховьев Демьянки строили для оленей бревенчатые „избы“, ханты Назыма — полуоткрытые сараи из жердей и небольшие загоны, ханты верховьев Казыма — просторные загоны из жердей (без навесов), лесные

ненцы Среднего Пура делали открытые дымокуры, тундровые ненцы вообще ничего не сооружали, кроме временных коралей из нарт и веревок. В том же порядке возрастает численность индивидуального поголовья оленей — от 3—5 до 200 и более, то есть зависимость между размером стада и основательностью построек для оленей обратнопропорциональная. Это объясняется как особенностями растительного покрова местности, так и экологическими свойствами оленя: чем больше численность поголовья, тем выше естественная стадность, и напротив, при небольшом количестве оленей необходимо их буквальное одомашнивание. Таким образом, малооленность северотасжского населения середины II тыс. н. э. предполагала строительство для оленей „изб“ или подобных сооружений. С ростом поголовья в северных областях эти постройки были заменены просторными загонами, открытыми дымокурами или исчезали совсем (на Урале, в тундре и лесотундре). Лишь в ряде районов среднетасжского Приобья в силу невозможности укрупнения стад сохранились характерные для первоначального оленеводства дерсвианские конструкции.

В течение XV—XIX вв. транспортное оленеводство постепенно распространялось в южном направлении, охватывая территорию расселения северных, восточных и юго-восточных хантов. В материалах конца XVIII в. имеется указание на то, что в пределах Северо-Западной Сибири разведением домашних оленей занимались только жители Березовского уезда⁷³. Источники 20-х гг. XIX в. свидетельствуют о развитии оленеводства у жителей Березовского округа и содержании „небольшого числа оленей“ хантами Аганской, Тром-юганской, Малоюганской, Большеюганской и Пимской волостей Сургутского отделения. В то же время сургутские ханты Пирчиной, Салтыковой, Лумпокольской, Ваховской, Подгорной, Салымской, Селияровской волостей, Кодских городков и Кондинского отделения Березовского округа, манси Конды оленеводством не занимались⁷⁴. Данные 40-х гг. XIX в. указывают, что домашние олени были „у остяков Обдорских, Куноватских, Казымских, Ляпинских, Сосьвинских и Подгородных, а также частью Ваховских... остяки Кодских городков и все почти Сургутского отделения оленей не имеют“⁷⁵. В 1870 г. из 131 тысячи домашних оленей, учтенных на севере Тобольской губернии, 800 содержалось коренными жителями Сургутского округа⁷⁶. Применительно к концу XIX в. А. А. Дунин-Горкавич отмечал, что „хотя оленеводство распространено далеко на юг до Сургутской Оби и даже переходит за Обь (исключительно по р. Юган), но в этой южной зоне оно развито в малой степени“⁷⁷.

В данной связи несколько странным выглядит высказывание С. К. Патканова: „Во времена, описываемые былинами, область оленеводства простиралась гораздо далее к югу, чем теперь (в конце XIX в.). Ныне в нижней части Оби оленей держат не южнсс

Березова (?), а прежде они разводились не только по всей Средней Оби, но и в нижнем течении Иртыша почти до р. Демьянки... а может быть и южнее"⁷⁸. Сходные положения содержатся в работах И. Н. Шухова и М. Б. Шатилова⁷⁹.

Южная граница хантыйского оленеводства в конце XIX — начале XX в. действительно проходила по Демьянке. Это подтверждается свидетельствами местных хантов, а также воспоминаниями усть-ишимских татар о визитах к ним в прошлом „остяков на оленях“. Тем не менее наличие оленей у демьянских хантов едва ли правомерно считать „последними следами угасшего оленеводства в Тарском округе“, как об этом писал И. Н. Шухов. По сей день несколько семей Тайлаковых и Усановых содержат оленей в верховьях Демьянки (то есть речь может идти не об „угасших“, а о типовых малооленно-избенных формах оленеводства); кроме того, местные жители единодушны во мнении, что оленеводство распространилось в бассейне Демьянки относительно недавно (в конце XIX в.) в связи с переселением в верховья реки большеюганских хантов. Следовательно, „оленеводство в Тарском округе“ — не остатки древней южно-таежной традиции, а результат влияния и прямого переселения хантов-оленоводов с севера.

Расширение „географии“ оленеводства хантов при одновременном росте его масштабов (в северной тайге) вызвано, вероятно, все теми же процессами развития пушного промысла и упадка охоты на крупных копытных. Показательно, что в районах, где лось и олень стали редкостью (Казым, Назым, Вах), оленеводство приобрело наибольший размах, тогда как в ареалах, где крупные копытные сохранились в большом количестве (Демьян, Юган), практика содержания оленей имела редуцированный облик. Обращает на себя внимание и тот факт, что движение оленеводства шло в стороне от крупных рек и было сопряжено с водоразделами или верховьями притоков Оби и Иртыша. Водоразделы рек являлись для оленеводов не столько барьерами, сколько условием связи. К примеру, в конце XIX — начале XX в. произошло заселение верховий Назыма и Лямина хантами-оленоводцами с левых притоков Казыма, верховий Демьяна — с верховий Б. Югана. Как видно, и в недавнем прошлом сохранялась тенденция продвижения оленеводства и его носителей из северных районов, где практика содержания оленей была более развитой, по водоразделам в южные.

Разногласия среди исследователей вызывает вопрос о путях становления оленеводства у селькупов. По мнению И. Н. Гемусева и Г. И. Пелих, в прошлом нарымским селькупам было известно оленеводство⁸⁰. При этом Г. И. Пелих считает, что оно „почти исчезает у южных селькупов к XVII в.“ И. Н. Гемусев датирует „постепенную утрату“ нарымскими селькупам оленеводческих традиций XIX — началом XX в.“ В. И. Васильев и В. А. Козьмин,

напротив, делают заключение об отсутствии оленеводства у нарымских селькупов и о заимствовании соответствующих навыков северными селькупками у энцев в результате переселения в XVII в. в бассейны Таза и Турухана⁸².

Полевые исследования, проведенные автором среди кетских и тымских селькупов, позволяют оценить известия о южно-селькупском оленеводстве как относящиеся к эвенкам, проживавшим с XIX в. чересполосно с селькупками. Убежденность в этом самих селькупов и эвенков согласуется и идентичностью признаков „нарымского“ (вьючно-верхового) оленеводства и эвенкийского. В распространенном среди тазовских селькупов предании „Няймо порка ира“ повествуется о переселении в бассейн Таза тымского народа — селькупов-промысловиков, позднее в ходе войн заимствовавших оленеводство у местного населения. Появление в североселькупской среде оленеводства вьючно-верхового типа (второго, по классификации И. Н. Гемусва и Г. И. Пелих) вполне определенно связывается в исторических преданиях тазовских селькупов с переселением на их территорию эвенков. Что касается предшественников селькупов — лесных энцев, то для них, по данным В. И. Васильева, было характерно оленеводство тасжного типа.

Итак, приблизительно до XIV—XV вв. в северной тайге Западной Сибири господствовал тип стационарного оленеводства, который в течение второй половины II тысячелетия в модифицированной форме распространился среди населения средней тайги, сохранившись в облике „избленного“ подтипа тасжного оленеводства у хантов Средней Оби. В XV—XVI вв. на базе стационарного оленеводства в северном Предуралье и притундровой полосе сложился тип отгонного оленеводства, который с XVII в. приобрел формы, соответственно, горно-тасжного отгонного и тундрового крупностадного. Сочетание традиций отгонного и мощное влияние крупностадного привело к образованию в XVII—XVIII вв. лесотундрового типа. Расширение масштабов местного стационарного оленеводства в XVII—XVIII вв. имело результатом складывание тасжно-ненецкого варианта оленеводства (см. картограмму 10). Общим для всего западно-сибирского оленеводства фактором роста было развитие пушного промысла и снижение роли охоты на крупных копытных.

* * *

В завершение ретроспективного анализа развития оленеводства остается затронуть вопрос о его происхождении⁸³. Сторонники моноцентрической концепции происхождения оленеводства предполагают существование саянского центра доместикиции оленя, где древние самодийцы под влиянием собственной или тюрко-монголь-

ской коневодческой культуры положили начало транспортно-хозяйственному использованию оленя⁸⁴. В то же время многие исследователи приходят к заключению, что северосамодийское оленеводство сложилось из двух компонентов — саянского (таежного, лесного) и навыков применения для охоты оленя-манщика, выработанных автохтонами тундры⁸⁵. По мнению В. И. Васильева, тундровое оленеводство развилось на основе практики приручения манщика, дополненной скотоводческими навыками пришедших из лесостепи самодейцев⁸⁶. Некоторые авторы считают, что оленеводство в циркумполярной зоне сформировалось на базе использования для охоты, а затем передвижения оленя-манщика⁸⁷.

В одной из последних работ Н. В. Лукина сделала правомерное замечание: если признать, что оленеводство (или навыки скотоводства, давшие толчок к приручению оленя) принесено самодейцами с Саян, а к обским уграм оно распространилось от северных самодейцев, значит, вначале оленеводство распространялось на север, а затем в обратном направлении. „Эта точка зрения представляется неоправданной“. Далее Н. В. Лукина заключает, что „нет оснований совершенно исключать возможность участия угров в формировании оленеводства, так как верховое коневодство было у них“⁸⁸. Трудно не согласиться с автором, по крайней мере, в том, что угры имеют не меньше оснований считаться источником северосамодийского оленеводства, чем саянские самодейцы или тюрки.

Следует отметить, что почти все аргументы в пользу признания саянской прародины оленеводства (сходство в терминологии, названиях месяцев, элементах транспортного реквизита, особенностях кочевания и т. д.) могут равноценно служить доводами для обоснования обратного направления движения культуры содержания оленей (с севера на юг). Лишь одно положение (не случайно именно на нем концентрируют внимание современные исследователи) — влияние практики или навыков коневодства на становление оленеводства — выглядит увязанным с определенной географической зоной — лесостепью.

Однако в этой связи представляется необоснованным мнение о том, что коневоды (давно утратившие навыки приручения дикой лошади) выгодно отличались от охотников умением (или склонностью) приручать дикого оленя. Как показали исследования С. И. Вайнштейна, тюрки-коневоды лишь дополнили оленеводство южных самодейцев некоторыми приемами животноводства, в свою очередь обогатив коневодческий комплекс обратными заимствованиями⁸⁹. Кроме того, наличие коневодческого опыта предполагает прежде всего вьючно-верховое использование оленя, тогда как верховое седло на Саянах — позднетюркского происхождения, а имеющиеся данные о применении оленей под вьюк и седло северными самодейцами нуждаются в верификации.

По ряду свидетельств, использование оленя под вьюк или седло было известно в прошлом снисейским и лесным ненцам, нганасанам и северным селькупам⁹⁰. Однако нганасанскую верховую езду можно считать поздним явлением: по материалам А. А. Попова, олень у нганасан использовался только как упряжное животное; „исключения составляют немногие вадесвские тавгийцы, в самое последнее время заимствовавшие... способы езды верхом у долган“⁹¹. Относительно летней езды енисейских ненцев (юраков) верхом на оленях А. А. Попов указал, что данная информация взята автором (К. М. Рычковым) из работы П. Третьякова, где говорилось о нганасанах, и ошибочно отнесена к характеристике юраков, которые верхового способа передвижения на оленях не знали⁹².

Что касается единственного упоминания о вьючном седле у лесных ненцев, содержавшегося в работе Г. Д. Вербова, то автор получил известие о нем от Т. Лехтисало. При этом в материалах (словаре) самого Л. Лехтисало, по словам Л. В. Хомич, сведений о седле „rohosow“ не имеется⁹³. По дополнительно собранным Г. Д. Вербовым данным, „еще с десяток лет назад были живы старики, помнившие верховую езду (на оленях), практиковавшуюся в районе верховьев р. Пура“⁹⁴. Если учесть близость правых притоков верхнего Пура к бассейну Таза, то можно предположить селькупское происхождение данной информации. На это же указывает созвучие термина „rohosow“ с селькупским „паксат“, означавшим, по сообщению Е. Д. Прокофьевой, вьючное седло и перевозимые на нем вьюки⁹⁵.

Г. Н. Прокофьев, отметив, что байшенские селькупы считают верховую езду и седло заимствованием от эвенков, указал на различие названий седла у селькупов (paksat) и эвенков (lasók)⁹⁶. Едва ли наличие описательного термина „паксат“ („паксан“) может быть основанием для сомнения в эвенкинской природе селькупского седла (примечательно, что эвенки Баякины, проживающие ныне в селькупской среде, называют седла, оставшиеся в качестве реликвий от предков, по-селькупски). Таким образом, вопрос о происхождении элементов вьючно-верхового оленеводства у северосамодийских народов следует считать открытым. Вероятнее всего, истоки его не саянские, а тунгусские.

Возвращаясь к вопросу об одомашнивании оленя, важно отметить, что имеются убедительные данные о древности и традиционности приручения оленя для использования его в качестве манщика в тундровой зоне⁹⁷. Словами одного из авторитетных сторонников „саянского центра“ оленеводства С. И. Вайнштейна, „несомненно, что в тундровой зоне Евразии древнейшей формой domestикации оленя было приручение оленя-манщика“⁹⁸. Мнение Л. В. Хомич о неприручаемости тундрового оленя⁹⁹ ошибочно, о чем свидетельствуют данные Ю. Б. Симченко и Г. Н. Грачевой по нганасанам¹⁰⁰,

а также многочисленные сообщения ямальских и гыданских ненцев о возможности (а порой желательности) приручения и выращивания диких телят. Сведения Л. В. Хомич, вероятно, относятся к южно-тундровым группам ненцев, в районах проживания которых в XIX—XX вв. дикие олени почти не встречались. Кроме того, при переходе к оленеводству навыки приручения дикого оленя были вытеснены практикой содержания домашних оленей. Тем не менее и в начале XIX в. самоеды нередко ловили диких оленей и „приручали к своим домашним“¹⁰¹.

Имеется немало предположений относительно возможных способов первоначального приручения диких оленей. Г. И. Карев, например, рисует картину постоянного следования охотника за дикими оленями, в результате чего роль вожака стада переходила к человеку. „Так, постепенно, овладевая искусством управлять стадом диких оленей, охотник за оленем становился оленеводом“¹⁰². Подобный „сопровождающий“ образ жизни реконструирует у древних охотников на оленя Дж. Кларк¹⁰³. Однако Э. Борч достаточно убедительно опроверг подобный взгляд, показав, что, во-первых, охотничья община физически не успевала следовать за диким оленем, передвигавшимся со скоростью 25—30 км в день и проходившим за год около 2400 км, во-вторых, ориентация только на промысел дикого оленя была чревата катастрофическими случайностями, так как карибу (американский дикий олень) по неизвестным охотникам биолого-этологическим причинам менял маршруты миграций и колебался в численности¹⁰⁴. То же исключение можно отнести и к промысловикам сибирской тундры.

Из вариантов реконструкций акта приручения дикого оленя наиболее обоснованной представляется точка зрения И. В. Друри, согласно которой в ходе массового промысла при миграциях дикого оленя охотники захватывали небольшие группы животных и, удерживая их у жилищ, применяли первоначально как манщиков или пищевой резерв („бегающие консервы“), а затем в качестве средства передвижения¹⁰⁵. К этому можно добавить, что, поскольку для отлова, удержания и дальнейшей содержания оленей необходимы деревянные сооружения (загоны, сараи), domestikация могла состояться только в лесной полосе. Оба важнейших условия — наличие миграционного потока оленей и обилие древесной растительности — в оптимальной форме сочетаются в районе Северного Урала. Кроме того, именно в предгорьях („вершинах“ рек) собака как средство транспорта была мало пригодна (в отличие от побережий крупных водосмов), что, возможно, и вызвало потребность манщика для передвижения. Собаки могли использоваться для захвата и последующего содержания диких оленей — таким образом происходило превращение промысловых собак-загонщиков в пастушеских оленегонков.

Сказанное не означает отрицания саянского очага оленеводства, древность которого не вызывает сомнений¹⁰⁶, однако северосамодийское оленеводство, по-видимому, развилось самостоятельно из североуральского центра. Не случайно между саянской и северосамодийской оленеводческими культурами существует и типовая разность, и территориальный (неоленинградский) барьер. В то же время примечательно выделение в обоих случаях в качестве оленеводческого очага предгорий, которые, кстати, и впоследствии являлись районами высокоразвитого оленеводства. Возможно, подобную роль для самодийского оленеводства сыграли отроги Скандинавских гор, для чукотского — хребты Тихоокеанского водораздела.

Итак, первые шаги от промысла к разведению оленей были сделаны североуральскими охотниками, практиковавшими загон диких стад в засеки, оканчивавшиеся деревянной загородью (коралем). Изначальный тип ненецкого оленеводства можно именовать стационарным, так как он представлял собой содержание небольшого поголовья промыслово-транспортных животных посредством стационарных сооружений — загонных сараев („изб“), а также деревянных пут, привязей. В XV—XVI вв. на базе стационарного оленеводства в Северном Предуралье и притундровой полосе сложился тип отгонного оленеводства. Процесс развития оленеводства от стационарного к отгонному во многом напоминает последовательность становления скотоводства в стадиях его стойлового-загонного и отгонного ведения¹⁰⁷.

2. Собаководство

В данном разделе представляется целесообразным, минуя анализ состояния собаководства в конце XIX — начале XX в., на основе имеющихся материалов обратиться непосредственно к ретроспекции, так как именно в древности собаководство, потесненное позднее оленеводством и коневодством, представляло собой особую транспортно-вспомогательную отрасль хозяйства.

Вопрос о корнях собаководства в Западной Сибири далек от разрешения. В. Г. Богораз, считая собачью упряжку заимствованием из оленеводства, определил „явно позднейшее происхождение“ уральского собаководства¹⁰⁸. По мнению Е. Д. Прокофьевой, езда на собаках была воспринята ненцами Новой Земли и о. Вайгач от русских¹⁰⁹. Б. О. Долгих считает характерным использование ездовых собак энцами и иганасанами, хотя и не исключает этой возможности для „палеоазиатских предков“ самодийского населения Таймыра¹¹⁰. Л. В. Хомич, приводя аргументы об отсутствии в ненецком фольклоре упоминаний об использовании собак для транспорта и указывая на скудность соответствующей терминологии (в отличие от оленеводческой), предполагает заимствование ненцами упряжного со-

баководства от русских поморов в XIV—XV вв., а применение пастушеской собаки (ввиду отсутствия ее у саянских предков ненцев — от саамов¹¹¹). В. И. Васильев утверждает, что собаководство в I тыс. н. э. было распространено в Нижнем Приобье, тогда как „в восточной части расселения ненцев, а также в районе расселения энцев в бассейнах Таза и Енисея упряжное собаководство было в указанное время совершенно неизвестно“. В то же время В. И. Васильев считает собаководство характерной чертой хозяйства самодийского аборигенного населения западно-сибирской тундры¹¹².

Археологические данные свидетельствуют о существовании в прошлом собаководства (с I тыс. н. э.) на Обском Севере¹¹³. Основываясь на сообщениях средневековых путешественников, мнение о большей, по сравнению с оленеводством, древности западно-сибирского собаководства высказал М. Г. Левин (правда, в более поздней работе автор отнес ненецкое собаководство к северо-западному типу, появившемуся в XIX в., а ранние известия о езде на собаках адресовал таежным уграм Приуралья и Приобья)¹¹⁴. Л. П. Лашук отмечает, что „упряжное собаководство и в настоящее время существует у народностей Приуралья — хантов, манси, пещорско-усинских коми, но в тундре оно давно уже сменилось упряжным оленеводством. Думаем, что эта смена происходила между X и XV—XVI вв.“¹¹⁵

Таким образом, если традиционность таежно-угорского упряжного собаководства сомнений у исследователей не вызывает, то вопрос о тундровом собаководстве решается по-разному: одни считают его заимствованным от русских (М. Г. Левин, Е. Д. Прокофьева, Л. В. Хомич), другие определяют его значительную древность (Л. П. Лашук, в ряде предложений — В. И. Васильев, Б. О. Долгих).

По данным археологии, собаководство в таежной зоне Западной Сибири (поселения Тух-Эитор IV, Усть-Куренгский могильник) фиксируется уже в эпоху бронзы, а возможно, и несколько ранее¹¹⁶, его древность подтверждается и архаичностью сакральных традиций хантов и манси, связанных с собакой: вера в ее связь с верховным божеством — демиургом, миром духов, преисподней, в способность собаки превращаться в мамонта, злого духа, приносящего болезнь, неподвластную шаманам. О древности собаководства у обских угров свидетельствуют обычаи жертвоприношения и захоронения собак, наличие ритуалов с участием собаки в погребальном обряде, представление о возможности культового замещения человека собакой или органами собаки человеческих органов, вера в очистительную способность собаки, использование ее изображения как амулета¹¹⁷.

По данным В. М. Кулемзича, для хантов р. Лямина и Казыма собака была „особым существом“, причем, по одним сведениям, ее запрещалось убивать, по другим, наоборот, в случае смерти хозяина собаку умерщвляли, т. е. „брали с собой“. На основе представлений

о том, что собака была когда-то человеком, ханты Ваха иногда хоронили собак, закапывая их в землю. Перед погребением на одну переднюю лапу привязывали красную тряпку, на другую — черную¹¹⁸.

У кондинских манси для захоронения собак существовали особые кладбища, по атрибутике погребение собаки имитировало похороны человека: собаку везли на нартах, укладывали в гроб, оставляли чашку с едой и т. д. У тех же кондинских манси и пимских хантов считалось запретным для девушек при выходе замуж брать с собой собак, поскольку собака считалась „членом“ определенного рода.

Согласно воззрениям дьячынских хантов, одним из общехантыйских духов-покровителей был Мосым-урт („Назымский хозяин собак“), от которого зависел успех промысла. На самом Назыме тот же образ под наименованием „Кужит см“ („бог собак“) выступал в легендах собакой-оборотнем, женившимся на девушке-хантыйке. В отличие от обских угров, у северных самодийцев упоминания собак действительно редко встречаются в фольклоре и установках сакрального комплекса, однако они имеются, и некоторые из них наводят на мысль о глубоких традициях собаководства в тундровой зоне.

Согласно легенде о сотворении мира, содержащейся в материалах Т. Лехтисало, Нум создал человека и нагую собаку, которая мерзла и согласилась отдать охраняемого ею хозяина на съедение Нгаа в обмен на одежду — Нгаа съел человека, а собака стала шерстистой¹¹⁹.

Согласно преданию (*vaail*), рассказанному северогыданским ненцем Л. Лапцум, прежде чем создать людей, Нум спустил на землю собак и дал им оленей. В сюдбабц, записанном М. А. Кастреном, безоленные жители морского побережья имели собаку¹²⁰. По словам ненецкой шаманской песни,

„Семь редкошерстных собак Яптик-хэхэ рычат и скалятся,
Их вой слышится все ближе.

Позади семи своих собак сидит он (Яптик-хэхэ. — А. Г.) на нарте
Величавый и гордый“¹²¹.

По данным В. Н. Чернецова, у ямальско-ненецкого рода Яптик существовало жертвоприношение собак¹²². Подтверждая эти сведения, североямальские ненцы добавляют, что у членов рода Яптик были „иконы“ (сакральные изображения) собак, которые хранились на священном месте рода. Помимо Ямала, жертвоприношение собак отмечено у каинских, мезенских и снисейских ненцев¹²³. С. К. Патканов писал: «У самоедов собака служила и жертвенным животным, что мне подтвердили и некоторые старые остяки. Например, голова самоеда Сос Турума, избегнув меча остяцкого богатыря, говорит последнему: „...пусть многочисленные мужи с моедской земли... приведут в качестве кровавой жертвы хвостатых и шерстистых

собак»¹²⁴. У энцев и нганасан также распространено жертвоприношение собак¹²⁵.

В. И. Васильев относит ряд Яптик к аборигенному досамодийскому субстрату и связывает его происхождение с легендарными сихиртя, причем, показателем этой принадлежности автор считает именно обряд жертвоприношения собак. Этимологию названия рода Вэнго („собачье ухо“), по мнению В. И. Васильева, „можно также рассматривать как косвенное указание на связь его предков с аборигенами Северной Азии“¹²⁶. Вместе с тем предположение о собаководстве у самих сихиртя делается априорно, и это связано с отсутствием в фольклоре прямых указаний на содержание сихиртя собак. В этой связи имеются лишь некоторые косвенные данные.

В одной из легенд, записанных Т. Лехтисало, рассказывается о том, как женщина-ненка однажды ночью готовила нити из оленьих сухожилий. В чум вошла незнакомка и сказала: „У меня есть собачьи сухожилья, я их принесла“, — после чего хозяйка догадалась, что к ней явилась женщина-сихиртя¹²⁷. По рассказу, приведенному А. К. Покровской, в пещерах на островах близ Новой земли живет „белоглазая чудь“ (по-видимому, сихиртя); бывает слышно, когда она кричит, „когда собаки ее лают“¹²⁸. Северогыданские ненцы, отрицая существование у них упряжного собаководства, указывают, что на собаках когда-то ездили обитатели острова Олений (предположительно сихиртя), от которых ныне остались только захоронения.

Места обитания сихиртя, *ш-тэтто* („земляных хозяев“), предков родов *Яптик*, *Ягуанд* („морской охотник“), зачастую связаны в сказаниях с морским побережьем, в числе их хозяйственных занятий выделяется охота на морского зверя. На традиционную связь и взаимообусловленность зверобойного промысла и упряжного собаководства указывают многие авторы¹²⁹.

Из сказанного следует, что собаководство было знакомо автохтонам тундры (особенно определенно — приморской) задолго до становления крупностадного оленеводства, вызвавшего потребность в собаке-оленегонке. В целом представляется возможным абстрагироваться от различий между упряжкой, охотничьей и пастушеской функциями собак, так как сам факт наличия собаки у древних обитателей тундры позволяет допустить вероятность разностороннего ее использования в зависимости от необходимости. По-видимому, первоначально (до XVII в. — времени возникновения крупностадного оленеводства) у приморских тундровых жителей практиковалось применение собак для передвижения (перевозок) и загонной охоты, с XVII в. — для окарауливания стад и охоты (до недавнего времени оленегонки принимали участие в загонах ливной птицы).

Помимо приморско-тундрового (арктического) ареала, центром собаководства в притундровой полосе было Нижнее Приобье. Об

этом свидетельствуют усть-полуйские находки, относящиеся к средствам передвижения, большая часть которых представляла собой различные части собачьей упряжки¹³⁰. В ненецком фольклоре упоминания упряжного собаководства „локализуются“ на побережье „большой реки“ (низовьях Оби), причем, носителями его называются „остяки“ — „салиндеры“ („жители мыса“). О езде нижеобских остяков на собаках говорится в сказании, записанном Т. Лехтисало¹³¹. По сообщению гыданского ненца П. Салиндера, его предки, жившие в устье Оби, запрягали в нарты по одной большой собаке. В сказаниях североямальских ненцев фигурирует проживавший в устье большой реки рыбак *Вэютэтто* („владелец собак“, „богатый собаками“; ср.: *Џокатэтто* — „многооленный“, *Сыротэтто* — „имсющий белых оленей“, *Хоротэтто* — „владелец самцов-оленей“).

На широкое распространение ездового собаководства в низовьях Оби указывают и ранние письменные источники¹³². Кроме того, езда на собаках фиксируется во многих более южных прибрежных районах Оби и Иртыша¹³³. В начале XIX в. собаководство отмечено в Ляпинской, Казышской, Подгорной волостях Кондинского отделения, Пирчиной, Салтыковой, Лумпокольской, Ваховской, Аганской, Тромьюганской, Подгорной, Малоюганской, Большуюганской, Салымской волостях Сургутского отделения Березовского уезда¹³⁴.

Взаимосвязь езды на собаках с течением крупных рек объясняется эколого-хозяйственной сочетаемостью интенсивного рыболовства и собаководства: каждая ездовая собака съедает ежедневно (в среднем) 2 кг рыбы, то есть для прокорма упряжки в 5—7 собак требуется 10—14 кг рыбы в день, а для обеспечения пищей упряжки в 12 собак — 24 кг¹³⁵. Недаром у колымчан бытует шутка: „Зачем собак держим?“ — Чтобы рыбу возить. — Зачем рыбу ловим? — Чтобы собак кормить“.

Понятно, что в отдалении от районов специализированного рыболовства содержание большого количества ездовых собак нецелесообразно. Наличие 2—3 собак в хозяйствах глубинной тайги позволяло использовать их не столько для езды, сколько для транспортировки легких грузов и главным образом для охоты. При передвижении охотник и собака „шли в одной упряжке“, или охотник сам тянул „нарточку“, а собаки выполняли „охотничьи функции“¹³⁶. Кроме того, в источниках отмечаются изготовление одежды из собачьих шкур, употребление мяса собак в пищу¹³⁷.

В целом до середины II тыс. н. э. на территории Северо-Западной Сибири были распространены следующие типы собаководства: ездовой, локализовавшийся на побережье крупных рек, охотничий — в глубинно-таежных и глубинно-тундровых районах (при этом в тайге ведущую роль играла индивидуальная охота с помощью одной-двух собак, в тундре — загонная с участием нескольких собак).

Особо следует выделить арктическое собаководство, в котором сочеталось упряжное и охотничье использование собаки (см. картограмму 11).

Со времени становления отгонного, а затем крупностадного оленеводства промысловые собаки-загонщики приобрели функции пастушеских оленегонок, хотя по-прежнему применялись и для отдельных видов охоты. Арктическое собаководство прекратило самостоятельное существование на этапе кризиса морского зверобойного промысла и становления тундрового оленеводства (XVII в.).

3. Коневодство

В XIX — начале XX в. животноводство на территории Северо-Западной Сибири было представлено, помимо оленеводства и собаководства, коневодством и скотоводством. В архивных источниках середины XIX в. содержатся сведения о разведении лошадей, коров, овец и свиней вогулами Туринского округа, остяками и вогулами Денщиковского отделения Тобольского округа¹³⁸. В начале XX в. эти формы животноводства практиковали салымские остяки¹³⁹. О содержании коров сосвинскими вогулами в 20-е гг. XX в. имеются данные в отчете В. Н. Чернецова¹⁴⁰. Судя по полевым материалам, практика животноводства в конце XIX — начале XX в. была распространена среди кондинских манси и нарымских селькупов.

Как правило, скотоводством в рассматриваемый период занимались хозяйства, проживавшие в средне- и южнотасжной зоне поблизости от русских селений. Скотоводство выходило за рамки традиционного хозяйства и „сочеталось“ с промыслами только благодаря опосредующему влиянию русской культуры в условиях высокого уровня товаризации. Что касается жителей северного сектора рассматриваемого региона (ненцев), то их представления о скотоводстве заимствованы исключительно от русских, свидетельством чему является лексическая природа терминов, обозначающих корову и овцу, — *хорова, нговица*¹⁴¹.

Иное значение для традиционного хозяйства автохтонов Северо-Западной Сибири имело коневодство как транспортно-вспомогательная отрасль, вполне органично сочетавшаяся с промысловыми занятиями южных манси, хантов и селькупов, проживавших вблизи крупных рек и восточном Предуралье. По всей этой зоне были распространены, например, южно-верховая охота на пушного зверя, использование конного транспорта для иных промысловых и торговых разъездов.

Благодаря способности к тебеневке северосибирские лошади — вогулки, нарымчанки — почти круглый год находились на вольном выпасе. В зимнее время практиковалась подкормка — кетские селькупы, например, отправляясь на длительный охотничий про-

мысел, сооружали загороди *кюнди мат* („лошадиный дом“), поверх которых на навесах из жердей укладывалось сено.

Южные селькупы, населявшие приобские районы, содержали обычно по 2—4 лошади на хозяйство. Небольшое поголовье лошадей (обычно не более 2—3-х на одно хозяйство) характерно и для части таежного угорского населения, проживавшего в непосредственной близости от крупных рек. Источниками XIX века отмечаются наличие лошадей в хозяйствах хантов Пирчиной, Салтыковой, Ваховской, Трем-Юганской, Подгорной, Салымской, Селярской волостей Сургутского округа, волости Коцких городков Березовского уезда, манси и хантов Верхне-Кондинской, Усть-Кондинской, Вагильской, Сосьвинской волостей Туринского округа¹⁴². Примечательно в этой связи, что ареал распространения коневодства примыкал, но, как правило, не пересекал границ районов оленеводства, охватывая территорию бассейна Конды, нижнего Прииртышья, Среднего Приобья. К примеру, среди ваховских хантов из 30 оленных семей 26 проживало в верховьях реки, 4 — в низовьях, тогда как из 44 лошадиных хозяйств 40 находилось в низовьях, 4 — в верхнем течении Ваха; 18 семей содержали как оленей, так и лошадей, причем 13 из них располагались в низовьях, 5 — в среднем течении реки. М. Б. Шатилов справедливо отметил, что конный транспорт у ваховских хантов был распространен прежде всего среди хозяйств низовьев реки, уделявших главное внимание рыболовству¹⁴³. В рассматриваемый период содержание лошадей у хантов и манси в специализированную отрасль хозяйства не оформилось; по сообщениям манси Конды и хантов Назыма, лошадей приобретали у русского населения, тогда как разведением занимались лишь редкие полуобрусевшие семьи. Сходная ситуация, по данным В. М. Кулемзина и Н. И. Лукиной, имела место у ваховско-васюганских хантов, особенно александровских (приобских)¹⁴⁴.

Несколько большее значение имело коневодство у нарымских селькупов, что связано как с особенностями ландшафта южной тайги Приобья (обилием пойменных пастбищ и удобных для конного транспорта путей передвижения), так и постоянным воздействием тюркского скотоводческого населения. В южно-селькупской зоне фиксируются глубокие коневодческие традиции — в эпоху существования кулайской культуры, по словам Л. А. Чиндиной, на территории Нарымского Приобья „всеобщим стало коневодство“¹⁴⁵.

Археологические исследования показали, что коневодство и скотоводство было знакомо лесостепному и южно-таежному населению Западной Сибири уже в эпоху неолита, и его удельный вес в

хозяйстве заметно возрос на протяжении бронзового века¹⁴⁶. Материалы средневекового могильника Релка в Среднем Приобье дают основания заключить, что в VI—VIII вв. лошадь имела большое культово-ритуальное значение: совершались жертвоприношения, захоронения с конем, изготовлялись скульптурные изображения лошади; при этом все отмеченные элементы мировоззрения сложились до тюрко-скотоводческого влияния¹⁴⁷. М. Ф. Косарев, оценивая находки костей лошади в поселениях Барсова городка, предположил не хозяйственное, а жертвенное назначение коня у населения района Сургута¹⁴⁸. Этнографические данные демонстрируют множество сакральных традиций, связанных с конем, у обских угров¹⁴⁹. В. И. Мошинская считает, что эти отголоски коневодства, проникшие в культуру тасжных народов, разновременны по происхождению, причем, „лошадь в Среднем Приобье знали еще до появления здесь представителей о верховом коне и конном всаднике“, которые, по-видимому, привнесены из арийско-иранской культуры¹⁵⁰.

Свидетельств о конном транспорте у тасжных жителей Приобья в дорусский период не имеется. Упоминания о верховой охоте у сургутских хантов появляются в начале XVIII в.¹⁵¹ В хозяйстве южных манси в XVIII—XIX вв. лошадь была уже основной тягловой силой¹⁵². Однако, по словам П. С. Палласа, в конце XVIII в. верхотурьинские вогулы лошадей не содержали¹⁵³, как, по-видимому, и остальное глубинно-тасжное угорское население. Как уже говорилось, коневодство проникало на север тасжной зоны (до Березова) исключительно по берегам Иртыша и Оби и развивалось под русским влиянием.

Это не означает, что в дорусский период культура животноводства не проникала в районы Средней Оби и Нижнего Иртыша. В. И. Матющенко, например, считает, что в эпоху развитой бронзы происходил постоянный отлив степного скотоводческого населения на север по долинам рек, где имелись остепненные участки и в целом пригодные для животноводства условия; в приречных районах тайги таким образом появились островки степных культур. „До известного времени прилив степного населения в тайгу поддерживал и закреплял своеобразные колонии скотоводов в окружении охотников и рыбаков“. Однако в период перехода от бронзового века к железному в связи с повсеместным освоением верховой езды, распространением повозки и началом освоения образовавшихся в междуречных пространствах пастбищ „в тасжную зону внедряется все более незначительная часть скотоводов, а позднее этот процесс вообще прекратился. Следствием таких изменений явилась постепенная утрата живой связи колоний степняков со своим прежним миром степей. Это неизбежно должно было привести к ослаблению степного облика их культуры, к постепенному растворению этой культуры в культуре тасжного типа“¹⁵⁴.

К этому можно добавить, что процесс длительного степного скотоводческого воздействия на тайгу не прошел бесследно — как его результат в зоне южной тайги сложился „интегрированный“ (по Н. А. Томилову) или „гибридный“ (по М. Ф. Косареву) тип хозяйства, сочтавший производящие и присваивающие отрасли и существовавший с эпохи бронзы до современности¹⁵⁵. Кроме того, подобного рода значительные миграции степняков на юг лесной зоны неоднократно происходили и после бронзового века — к примеру, в периоды „великих переселений“.

В свою очередь носители „интегрированного“ типа хозяйства при наличии навыков ведения промыслов могли использовать те же пути (долины крупных рек) для дальнейшего движения вглубь таежной зоны, так как в среднетаежной полосе в поймах рек имеются участки, более или менее пригодные для производящего хозяйства. Эти миграции обуславливались главным образом хозяйственно-экологическими причинами и, по-видимому, отличались от переселений степняков в зону южной тайги меньшими масштабами. Одновременно могло идти встречное движение населения из средней тайги. Вероятно, и в среднетаежной зоне по побережьям крупных рек образовывались оазисы комплексного южнотаежного хозяйства, от которых и остались памятники типа поселений Барсова городка. Однако на данной территории условий для самостоятельного воспроизводства „интегрированного“ хозяйства не существовало, и коневодческие островки исчезали под аккультуративным воздействием местных хозяйственных традиций, в транспортном отношении основанных на собаководстве.

Другим источником животноводческого влияния на Северо-Западную Сибирь было Приуралье. В Южном Приуралье уже в эпоху неолита отмечается заметное развитие коневодства и скотоводства¹⁵⁶. В раннем средневековье зачатки животноводства существовали у населения ванвиздинской культуры в Северном Приуралье (Вычегда, Мезень, Печора)¹⁵⁷. Не случайно и культ коня у приуральских автохтонов (предки манси), как показывают, например, находки множества лошадиных черепов в пещорских пещерах¹⁵⁸, имел более развитые формы, чем в таежном Приобье. Возможно, многие сакральные традиции, связанные с конем, были занесены в Северо-Западную Сибирь в результате массовых переселений европейских угров за Урал во II тыс. н. э.

Таким образом, накануне русской колонизации Сибири в среде обско-угорского населения существовали районы периферийного коневодства (по Средней Оби и Нижнему Иртышу) и зона остаточного-животноводческих традиций в форме заклятий коня, насыщенности фольклора „степными“ образами и т. д.

Русско-коми-татарское влияние выразилось прежде всего в упорчении практики животноводства и некотором продвижении его

на север по долине Оби. При этом непременным условием разведения хантами и манси лошадей (а в ряде случаев скота) было соседство русских.

Что касается ненцев, то встречающиеся в их фольклоре упоминания всадников и лошадей — элементы инокультурного происхождения. В одной из легенд, записанных на Гыдане, фигурирует *Юно ню* („Сын лошади“). Однако сам „интерьер“ повествования (город, царь, конюшня, изба, печь, сени, двери) указывает на несамодийские корни его возникновения. В то же время термин *юно* (лошадь) не является производным и отличается от угорских (*лув, тау*). Возможно, знакомство сибирских ненцев с коневодством состоялось через непосредственно европейских соплеменников, напрямую связанных с таежно-животноводческим Приуральем. Не исключены и контакты уральских ненцев-оленьеводов с коневодами на Среднем Урале.

4. Собирательство и земледелие

Совмещение собирательства и земледелия в одном разделе не означает признания их „генстической“ взаимосвязи. Собирательство в Северо-Западной Сибири соотносимо скорее с лесоводством, чем с земледелием-полеводством. Земледелие же было явлением периферийным, характерным для окраин южносибирского и приуральского сельского хозяйства. Данные отрасли едины тем, что обе вносили необходимый растительный компонент в рыбо-мясной рацион автохтонов края, а также сырье (крапивное, конопляное, льняное волокно, кору, корни и т. д.) для изготовления промыслового инвентаря и других предметов материальной культуры (о чем уже шла речь).

По полевым материалам удастся определить лишь перечень съедобных растений и заварочных средств. Между тем, применительно к археологической древности, М. Ф. Косареву „представляется бесспорным, что наряду с охотой и рыболовством значительным подспорьем в хозяйстве таежного обь-иртышского населения является собирательство“¹⁵⁹. Ю. Ф. Кирюшиным и А. М. Малолетко „на поселениях эпохи Васюганья собран материал, свидетельствующий о значительной роли собирательства в жизни древнего населения“¹⁶⁰.

На рубеже XIX—XX вв. собирательство в тундровой зоне представляло собой эпизодическое употребление в пищу морошки, голубики, княженики, корня *вануй*; для заварки — некоторых видов трав: *янсай, морнсай, лаймор-цодя* и т. д. В тайге для собственного потребления и продажи производился сбор ягод (брусники, смородины, малины, черники, голубики, морошки, клюквы) и кедрового ореха. У селькупов одним из главных объектов собирательства была сарана (луковица которой употреблялась в пищу). При этом в

наиболее значительном объеме ягодный и кедровый промысел осуществлялись в районах развитой торговли — вблизи русских селений, на побережьях крупных рек. Среди манси бассейна Конды, по данным ряда источников¹⁶¹, сбор брусники и кедрового ореха превратился в одну из ведущих отраслей, имея в бюджете местных хозяйств почти одинаковый удельный вес с охотой и выступая основной статьей торговли и обмена. Не случайно именно в Кондинском районе среди коренного населения получила распространение практика выжигания лесов и кустарников для улучшения условий роста брусничника¹⁶². Развитый кедровый промысел у нарских селькупов отмечен Г. И. Пелих¹⁶³.

Собирательство в дорусский период, по-видимому, играло заметную роль в хозяйстве коренного населения, поскольку до разветвления русской торговли пищевыми продуктами биологически обусловленная потребность автохтонов в растительной пище могла удовлетворяться только за счет сбора трав, ягод, корней и т. д.

Не случайно, может быть, один из крупнейших родов тундровых ненцев носил название *Вануйто* („озеро, вокруг которого растет вануй“ — съедобный корень, до сих пор считающийся ненцами лакомством). В фольклоре ненцев часто упоминается некий народ *нядыморта* (*нянчеда* — „мох едящие“, „во мху копающиеся“). Возможно, образ *нядыморта* (полулюдей-полуолений) — отголосок дозленеводческой стадии тундрового собирательства и ловли гризунов (нечто общее с приведенными данными содержится в мифе „Как зерно появилось в Шумере“, согласно которому боги Ниназу и Нинмида доставили похищенные ими ячмень, бобы и другие культуры в страну Шумер, люди которой до этого, как овцы, ели траву¹⁶⁴, т. е., вероятно, занимались собирательством). Ханты в прошлом практиковали сбор ягод и кедрового ореха, о чем упоминается в фольклоре; жевательный табак изготовлялся из смеси травы, чаги, золы; как наркотическое средство использовался мухомор (другие грибы коренными жителями Приобья в пищу не употреблялись).

Впоследствии благодаря развитию пищепродуктовой торговли (и в ряде районов земледелия) место натурального собирательства в хозяйстве коренного населения значительно сузилось, и как совершенно новая отрасль в близости от русских селений и торговых центров, учрежденных во второй половине XVIII в., появилось товарное собирательство. По данным Н. А. Миненко, в конце XVIII в. кедровый промысел в волости Кодских городков в районе Сургута носил товарный характер¹⁶⁵. В этот же период сбор ягод и кедрового ореха приобрел рыночную направленность в районе Конды, где этот вид занятий превратился к началу XX в. в один из основных. Во второй половине XIX в. отмечается товаризация кедрового промысла у северных манси¹⁶⁶.

Зачатки земледелия (эпоха бронзы) и его более развитые формы (ранний железный век, раннее средневековье), отмечаемые в Нижнем Прииртышье и Притоболье В. И. Мошинской, В. А. Могильниковым и М. Ф. Косаревым¹⁶⁷, можно считать принадлежностью „интегрированного“ типа хозяйства, свойственного в этнографических реалиях западносибирским татарам.

Возникновение ограниченной земледельческой практики у кондинских манси, иртышских хантов и нарымских селькупов обусловлено влиянием русских, коми и сибирских татар в XVII—XX вв. В этой связи неправомерна однобокость взглядов на происхождение угорского земледелия, выразившаяся, к примеру, в заявлении Ф. Белявского о том, что хлебопашеству вогулы „научились от татар“¹⁶⁸. З. Я. Бояршинова утверждает, что у отдельных групп манси (в частности, у вогулов Епанчинского юрта) пашни стали появляться уже в середине XVI в.¹⁶⁹ Вместе с тем в грамоте царя Бориса Федоровича туринскому голове Федору Фофанову от 12 марта 1601 г. предписывается с епанчинских остяков „собольново ясаку имати не велеть, а велеть тех остяков вводить пахать на нас пашню, а семена велеть им дати из наших житниц“¹⁷⁰. Таким образом, к началу XVII в. „собственное“ или заимствованное у татар земледелие среди епанчинских вогулов (остяков) распространено не было.

Из пригодных для обработки земли зон раньше других подвергалась воздействию русской земледельческой колонизации территория южно-угорского Предуралья. У манси Табаринской, Пельмской, Кошутской и Тахтанской волостей Туринского округа земледелие отмечено в источниках XVII в., однако до 40-х гг. XIX в. оно носило ограниченный характер и не выходило за территориальные рамки низовьев Пелыма и верховьев Конды¹⁷¹. Согласно данным конца XVIII в. „вагульцы и остяки“ Тобольского округа „пищу употребляют частью живущие между русскими от своего засева, а прочие покупкою у русских людей“¹⁷². Лишь во второй трети XIX в. земледелие распространилось в остальных волостях Туринского округа (Верхне-Кондинской, Больше-Кондинской, Верхне-Пельмской, Вагильской, Лиственничной, Воронинской) и Леушинской волости Тобольского округа. Анализ статистических данных по размерам обрабатываемой земельной площади, проведенный А. И. Мурзиной, показал чрезвычайную неустойчивость новой отрасли: если в 30-х гг. XIX в. площадь пахотной земли в Верхне-Кондинской, Больше-Кондинской, Верхне-Пельмской, Вагильской, Тахтанской волостях в сумме составляла 260 десятин, то в 1860-х — лишь 57, а в Лиственничной, Воронинской и Леушинской волостях

земледелие прекратилось совсем. По заключению А. И. Мурзиной, „возникнув под влиянием русской крестьянской колонизации, мансийское земледелие не вышло из стадии примитивно-подсобной отрасли хозяйства“¹⁷³. Среди иртышских хантов в наибольшем объеме земледелие практиковалось в Назымской и Туртасской волостях. Но и здесь пашни часто страдали от холода и наводнения, требовали двукратной пропашки и боронования. Присмы агротехники хантов не отличались от русских¹⁷⁴. Нарымские селькупы, по данным Г. И. Пелих, занимались выращиванием не только злаков (ячменя), но и табака, хотя значительная часть посевов обычно погибала¹⁷⁵. Однако чужеродность земледелия для кетских селькупов отражена в пословице, звучащей по-русски: „Зерно — мышиное дерьмо“.

Следует попутно отметить, что заимствование обскими уграми земледелия (и животноводства) неизменно вело к быстрому обрусению (или частичной тюркизации) коренного населения, как это произошло с манси Табаринской, Пельмской, Кошутской, Тахтанской волостей, хантами низовьев Иртыша. С другой стороны, нестабильность производящих сельскохозяйственных отраслей в экономической системе таяжных угров в определенной мере обуславливала частые смены „этнической“ (точнее, хозяйственно-культурной) принадлежности населения Притоболья в XVII—XX в.

Если первоначально (в XVII в.) земледелие буквально насаждалось среди южных манси, хантов и селькупов в целях создания продовольственной базы для служилого населения городов и острогов, то впоследствии, с формированием земледельческих крестьянских зон в Притоболье, Прииртышье, Томском Приобье, импульсы развития „автохтонного“ сельского хозяйства ослабли. Более того, в ряде районов земледелие исчезло, а мучные продукты, к которым успело „пристраститься“ коренное население в XVIII в., поставлялись уже торговым путем.

В 20-е гг. XIX в. в Тобольской губернии было 19 хлебозапасных магазинов, в 40-е — 18; кроме того, была развита „выездная“ торговля мукой и хлебом на рыболовных угодьях Нижней Оби; кондинские манси приобретали хлеб у русских крестьян и „оседлых инородцев“ (татар и манси-земледельцев) Верхне-Табаринской, Нижне-Табаринской, Кошутской волостей Пельмского края. О споре на хлеб у коренного населения свидетельствуют следующие выдержки из архивных источников: „Главнейшая пища березовских инородцев после рыбы — печеный хлеб и пресные из ржаной муки лепешки“, а в зимнее время — „мука, подбавленная в горячую воду“; „в Березов инородец присзжает только для того, чтобы запастись пищей, а вовсе не для продажи чего-либо“; „к зиме запасы сухой рыбы кончаются, и инородцы обращаются за мукой к местным промышленникам, которые пекут к этому времени хлеб, дабы выменять его на пушнину“; „между этими (сосвинскими. — А. Г.) инородцами была и смертность от недостатка хлеба“ и т. д.

„Иностранцы“ покупали или получали в долг муку обычно дважды в году (в январе и мае). при этом в довольно значительном количестве: в январе 1840 г. кондинские манси получили в Пельымском магазине в среднем по 20—25 пудов муки на человека. Во второй половине XIX в. в силу высокого спроса хлебная торговля в Северном Приобье приобрела такой размах, что были закрыты некоторые казенные хлебозапасные магазины¹⁷⁶.

Таким образом, торговля хлебом вызвала, с одной стороны, „дестабилизацию“ земледелия южных манси, хантов, селькупов, с другой, — привела к общей деградации собирательства и выделению в нем товаризованных сфер — ягодного и кедрового промыслов. Подобное воздействие на „техническое“ собирательство (добывание природного сырья для изготовления предметов материальной культуры) оказала торговля конопляной и льняной мережкой, тканью, металлическими изделиями и т. д.

Глава III
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВА

1. Хозяйственные комплексы на рубеже XIX—XX вв.

Прежде чем систематизировать классификационные характеристики различных хозяйственных занятий народов Северо-Западной Сибири, необходимо еще раз обратиться к охотничьему промыслу, поскольку его анализ, в отличие от рыболовства и оленеводства, проводился по отдельным отраслям. При территориальном (картографическом) и функциональном (сезонно-циклическом) соотнесении выделенных в главе I вариантов охоты определяются следующие типы охотничьих циклов (см. картограмму 12):

— арктический (ненцы Северного Ямала и Гыдана), включавший в себя морской зверобойный промысел, арктический вариант охоты на дикого оленя, арктический вариант песцового пушного промысла, тундровый вариант охоты на мелкого зверя и дичь;

— тундровый (ненцы), состоявший из летней охоты на морского зверя (практиковавшейся некоторыми хозяйствами данного типа), тундрового варианта песцового пушного промысла, тундрового варианта охоты на мелкого зверя и дичь;

— южнотундровый (ненцы), сочетавший соответствующие варианты пушного промысла и охоты на мелкого зверя и дичь;

— лесотундровый (ненцы, ханты), объединявший одноименные варианты охоты на дикого оленя и песцового пушного промысла, южнотундровый вариант охоты на мелкого зверя и дичь;

— таежный предуральский (манси), состоявший из предгорно-таежного варианта охоты на копытных, глубинно-таежного варианта пушного промысла, таежного варианта охоты на мелкого зверя и дичь;

— северотаежный (ханты, селькупы), включавший северотаежный вариант промысла копытных, таежный тип беличьей пушной охоты, таежный вариант охоты на мелкого зверя и дичь;

— таежно-ненецкий (лесные ненцы), представленный таежно-ненецким вариантом промысла копытных, таежно-ненецким вари-

антом пушной охоты, таежным вариантом промысла мелкого зверя и дичи;

— таежный (манси, ханты, селькупы), объединявший средне-таежный вариант охоты на лося и оленя, таежный беличий тип пушного промысла, таежный вариант охоты на мелкого зверя и дичь.

В рамках северотаежного и таежного типов обособляются приречно-таежные подтипы с характерным для них приречно-таежным вариантом пушного промысла.

Основными признаками типа охоты является определенное сочетание способов и средств промысла, а также географическая обособленность, соотношенная с природной зональностью. Признаками подтипа выступают особенности промыслово-охотничьего цикла, локализация, определяющаяся степенью близости к крупным рекам. Весомую роль в складывании специфики охоты играл уровень сезонной мобильности (состояния транспортных средств), в ряде случаев — мера занятости рыболовством. Следует отметить, что территориально и функционально охотничьи циклы различных типов и подтипов не были изолированы. Так, территориальная совмещенность и обменные связи существовали у хозяйств, относившихся к арктическому и тундровому, северотаежному и таежному типам и т. д.

При систематизации характеристик различных отраслей хозяйства, основанной на учете их пространственной и функциональной соотношенности, наместились следующие типы хозяйственных комплексов (см. картограмму 13):

1. Арктический, представленный тундровым сетевым рыболовством, арктическим охотничьим комплексом, арктическим вариантом оленеводства.

2. Тундровый, состоящий из тундрового сетевого рыболовства, тундровой охоты, тундрового крупностадного оленеводства. В рамках этого типа обособляется прибрежно-тундровый вариант, отличительным признаком которого является оленеводство прибрежного подтипа.

3. Южнотундровый, включающий в себя южнотундровый вариант сетевого рыболовства, южнотундровый охотничий комплекс, прибрежный вариант тундрового оленеводства.

4. Лесотундровый, объединяющий в себе низовое неводное рыболовство, лесотундровую охоту, лесотундровое оленеводство.

5. Таежно-ненецкий, сочетающий ненецкий лесной вариант таежного запорно-сетевого рыболовства, таежно-ненецкий тип охоты, таежно-ненецкий вариант оленеводства.

6. Приречно-таежный, состоящий из таежного неводно-запорного рыболовства, приречного варианта северотаежной и таежной охоты, таежного оленеводства, элементов животноводства и товарного со-

бирательства. В этом типе выделяется северотасжский вариант, характеризующийся своеобразием комплекса охоты и отсутствием элементов животноводства.

7. Глубинно-тасжский, включающий в себя тасжное заборно-сетевое рыболовство, северотаежную и тасжскую охоту, тасжное оленеводство. В рамках данного типа обособляются северохантыйский и североселькупский варианты, различившиеся особенностями рыболовства и охоты на копытных.

8. Тасжно-преддуральский, представленный предгорно-тасжским вариантом заборно-сетевого рыболовства, таежной преддуральской охотой, горно-тасжским отгонным оленеводством.

9. Южнотаежный (пограничный с южной тайгой), выделявшийся развитым животноводством, в некоторых районах — наличием земледелия и товарного собирательства при отсутствии оленеводства, а также рядом особенностей промыслового комплекса. В нем различаются кондинский подтип (с акцентом на собирательстве и земледелии) и нарымский (с большим удельным весом коневодства).

Названным типам и подтипам хозяйственных комплексов соответствуют различные годовые хозяйственные циклы и особые пропорции совмещения отдельных видов занятий в системе жизнеобеспечения.

Ненецкое население севера Ямала и Гыдана, отнесенное по облику хозяйства к арктическому типу, весь год проводило в северной тундре. Содержание небольших стад оленей (50—150 голов) предполагало выпас с окарауливанием и периодическими локальными перекочевками; на летний период олени объединялись в крупное стадо, передаваемое под контроль 2—3 хозяйствам, тогда как остальные занимались рыболовством и морской охотой на побережье. Существенную роль в экономике этой группы тундрового населения играл круглогодичный промысел дикого оленя (загоном в летнее и осеннее время, с манщиком в период гона, с маскировочным щитом „лата“ осенью и зимой, загоном в зимне-весенний период), охота на морского зверя (скрадыванием на льду во второй половине зимы — начале весны, посредством отстрела на льдинах поздней весной, летом и осенью, с помощью крючковых самолетов и отстрелом на берегах рек в осенний период), сетевое и неводное рыболовство, проводившееся в конце лета — начале осени. Определенное значение в пищеобеспечении имел летний загонный лов линной водоплавающей дичи. Пушной промысел осуществлялся с помощью капканов с середины осени до середины весны, а также загоном в феврале—марте. Основу пищевого рациона составляло мясо домашнего и дикого оленя, рыба, водоплавающая дичь; кроме того, в случае голодовок в пищу употреблялось мясо морского зверя, пещца. Для изготовления жилища, одежды, средств передвижения, орудий труда, утвари использовались продукты промыслов

и оленеводства; с целью заготовки древесного сырья раз в несколько лет совершались подкочевки к границе леса. В качестве топлива применялся плавник, карликовые кустарники. Обменно-торговым фондом служили кожа и кость морского зверя, пушнина. Путем торговли и обмена приобретались капканы, ружья и боеприпасы, металлические и деревянные изделия, некоторые пищевые продукты. На уплату ясака шли шкурки песца.

Ненецкое и частично хантыйское население, проводившее зиму у северной границы леса, лето — на Полярном Урале, Ямале, Гыдане, Ненянг-сале, представляло тундровый тип хозяйственного комплекса. Доминирующим круглогодичным занятием этой группы являлось оленеводство, состоящее в выпасе крупных стад оленей (200 и более голов) путем окарауливания и периодической смены пастбищ. Крупностадное оленеводство предполагало значительные (до 1000 км) сезонные перемещения, использование для окарауливания оленьих упряжек и собак-оленегонок, группирование стад до 400 и более голов в летний период, до 400 и менее — в зимний, состав стада, предусматривающий расширенное воспроизводство поголовья. Вспомогательную роль в хозяйстве этого населения играла летняя загонная охота на линную птицу, изредка практикуемое рыболовство малыми неводами и сетями на глубинно-тундровых водоемах, случайный промысел дикого оленя. Охота на песца производилась капканами в ходе осенней миграции к югу, а также посредством установки в тундре на зиму слопцов. Пищевой рацион состоял в основном из оленьего мяса с добавлением промысловых (дичь, рыба) и приобретенных торгово-обменным путем (рыба, мука) продуктов. Для изготовления жилища, одежды, средств передвижения, орудий труда, утвари использовалась продукция оленеводства, промыслов, а также древесина, которую заготавливали в период зимних перекочевков. Посредством обмена и торговли приобретали ремни из кожи морского зверя, рыбу, пушнину (в случае необходимости), металлические предметы, ткань, сетевой материал, украшения, муку. Товарный фонд составляли олени и пушнина. Иногда состоятельные оленеводы выполняли функции торговых посредников между русскими предпринимателями и глубинно-тундровым ненецким населением, арктическими и лесотундровыми хозяйствами. Средством уплаты ясака были шкурки песца.

Тундровое население, обладавшее ограниченным поголовьем оленей (до 100—150), часть лета и осени проводило на тундровых водоемах, передавая свои стада пастухам и осуществляя неводно-сетевое рыболовство, в ряде случаев — морской зверобойный промысел. Зимой в небольшом объеме практиковалась охота на тасжного пушного зверя, зайца и курчатку, подледное рыболовство посредством неводьбы. В остальном эта группа хозяйств придерживалась цикла занятий оленеводов тундры, в связи с чем отнесена к при-

брежно-тундровому варианту тундрового хозяйственного комплекса. Южнотундровый тип характерен для ненецких и хантыйских семей, населявших южные районы Ямала и Гыдана. При слабой обеспеченности оленями (до 100 голов) хозяйства этого подтипа осуществляли широкий комплекс промыслов: почти круглогодично (с интервалом на периоды поголовья и лесостава) практиковалось сетевое и неводное рыболовство, в конце весны — начале лета проводилась многообразная по приемам охота на водоплавающую дичь, во второй половине лета — загонный лов линной птицы, в зимне-весенний период — охота на куропатку и зайца с помощью петель, капканов и сетей. Некоторые восточно-гыданские хозяйства имели возможность промысла дикого оленя. Охота на песца производилась в зимнее полугодие посредством слопцов (пастей) и капканов. В течение всего года южнотундровые хозяйства совершали незначительные перекочевки на ограниченной территории. При этом с осени до начала лета осуществлялся выпас оленей, сходный по стилю с тундровым; на летний период стада объединялись и передавались пастуху или присоединялись к тундровым хозяйствам. Пищевой рацион этой группы населения был весьма разнообразен: летом его основу составляли рыба и водоплавающая дичь, осенью — рыба, зимой и весной — мелкий зверь, дичь, рыба, мясо домашних оленей. В периоды голодовок в пищу употреблялось и мясо песца. Вспомогательную роль в обеспечении играли мучные и другие покупные продукты. Элементы жилищ, средств транспорта, одежды, хозяйственного инвентаря, утвари изготовлялись из продукции промыслов, оленеводства, древесного сырья. Путем обмена и торговли приобретались олени, материал для упряжки, товары русского производства. Средством торговли и уплаты ясака служила пушнина.

К хозяйственному комплексу лесотундрового типа относились малооленные и безоленные ненецкие и хантыйские семьи, круглый год проживавшие вблизи побережий Обской и Тазовской губ, на левобережье Енисея. Характерной чертой и одновременно главной отраслью этого типа хозяйства являлось специализированное летнее неводное рыболовство, организация и скупка продукции которого производилась русскими предпринимателями. Наряду с неводьбой проходил лов ценных полупроходных пород рыбы сетями и переметами. Рыболовство малыми неводами и сетями осуществлялось и в осенне-зимний период, но имел в основном натуральное значение и заметно уступал по масштабам летнему. Осенью и зимой некоторыми лесотундровыми хозяйствами проводилась охота на дикого оленя с помощью оленя-манщика, маскировочного щита и загоном по насту. В летний период проходил сходный с южнотундровым промысел водоплавающей дичи, зимой и весной — охота на куропатку и зайца. Пушной промысел включал в себя не только лов песца с помощью слопцов, капканов и самострелов, но и охоту на

северотасжнего пушного зверя (белку, горностаю, лисицу, росомуху). Малооленные семьи отдавали свои стада на летний выпас тундровым оленеводам или наемным пастухам. В зимнее полугодие олени выпасались посредством присмов, присущих тундровому хозяйственному комплексу. Безоленные хозяйства для передвижения использовали собак. Основу пищевого рациона составляла свежая и консервированная рыба, дополняемая продуктами охоты и оленеводства. Весомое место в „меню“ лесотундровых жителей занимали продукты русского производства. Оленеводство давало сырье для изготовления жилищ, средств передвижения, одежды, орудий труда, утвари промыслов; шире, чем в тундре использовались древесные и корьсвыс (брестяные) материалы. Следует отметить значительную степень товаризации хозяйства данного типа: на рыбу и пушнину выменивались олени, шкуры, ремни из кожи морского зверя, на ярмарках и торговых пунктах приобретались пищевые продукты, орудия промыслов и т. д. Средством уплаты ясака являлись шкурки пушного зверя.

Тасжно-ненецкий тип хозяйственного комплекса был присущ лесным ненцам (пьян-хасово), кочевавшим в бассейне Пура и северотасжных районах водораздела Пура и Оби. Рыболовство в этом ареале производилось посредством заповров, малых неводов, сетей, острог в течение лета и первой половины осени. Охота на дикого оленя проходила осенью, зимой и ранней весной с помощью манщика, маскировочного щита и загонным способом. Пушнодобыча, осуществлявшаяся в зимнее полугодие, представляла собой „ходовой нартовый“ промысел белки, лов капканами, слопцами и самострелами лисицы, песца, горностаю, на рожон — росомухи, в летнее время — выдры при помощи самострелов. В начале и конце лета проводилась охота на водоплавающую дичь с луком и ружьем, а также загонем в период линьки. Осенью осуществлялся лов боровой пернатой дичи посредством слопцов и петель, зимой и весной — куропатки и зайца. Выпас оленей в летнее время сочетал в себе приемы тасжного оленеводства (полувольный отпуск, сооружение дымокуров в комарный период) и элементы тундрового типа (окарауливание, передача некоторым хозяйствам оленей на выпас в лесотундру). Кроме того, оленнее поголовье значительных для тасжной зоны размеров (до 100 голов на хозяйство) имело не только транспортное, но и пище-сырьевое значение. Пищевой рацион состоял из мяса домашних и диких оленей, рыбы, дичи. Жилища, транспортные средства, одежда, хозяйственный инвентарь, утварь изготавливались из продуктов оленеводства, промыслов, древесного материала. Хозяйство лесных ненцев было почти целиком натуральным. Торгово-обменным путем приобретались лишь орудия охоты и металлические изделия. Средством торговли и уплаты ясака была пушнина.

Приречно-тасжный тип был представлен хантами, проживавшими в низовьях притоков средней Оби. Ведущей отраслью хозяйства этой группы населения было рыболовство, состоявшее из летнего неводного, сетевого, заборного, переметного, калыднного промысла проходных и туводных видов рыбы в Оби, осеннего заборного, сетевого, крючкового, острогового лова на крупных реках и их притоках, зимнего подледного заборного промысла и „черпанья“ у ключей, в ряде мест — поздневесеннего лова сетями и саипами на притоках. Определенную роль в хозяйстве среднетаежного населения играла охота на крупных копытных, проходившая осенью с помощью собак и посредством засек, в конце зимы — начале весны — пешим загонном по насту, в ряде районов — отстрелом у водосмов в летнее время. Пушной промысел, включавший в себя осеннюю охоту на белку с ружьем или луком, лов белки, лисицы, горностая, росوماхи посредством разнообразных орудий, пассивной охоты на выдру осуществлялся в летнее и зимнее время. При этом преобладали приемы активной охоты, и в целом сезон пушногодобычи не давал высоких результатов в связи со слабой оснащенностью хозяйств промысловым инвентарем, средствами передвижения (малым поголовьем оленей или лошадей), а также занятостью зимним рыболовством. Значительную роль в пищеобеспечении играла охота на мелкого зверя и дичь, состоявшая из весенне-летнего промысла водоплавающей птицы пересвсами, отстрела их луков и ружей, загона линной утки в сети, осеннего лова боровой дичи слопцами и сетями, зимне-весенней охоты теми же средствами на куропатку и зайца. В конце лета — начале осени производился сбор кедрового ореха и ягод как для внутреннего потребления, так и на продажу. Оленеводство данной группы населения состояло в содержании некоторыми хозяйствами небольших стад (от 5 до 15 голов) посредством вольного или полувольного выпаса на летний период и использования оленей в качестве транспорта с осени до весны. Обычно олени нескольких хозяйств, отъезжавших на лето к рыбогодьям, выпасались совместно под контролем семьи, имевшей дымокурный загон. Некоторые хозяйства помимо оленей держали лошадей (в количестве 1—2), некоторые — только лошадей и в ряде случаев домашний скот, некоторые в транспортных целях применяли собак. Основой пищевого рациона являлась рыба, дополняемая мясом дикого оленя и лося, тасжной дичью, мучными продуктами. Для изготовления жилищ, средств передвижения, орудий труда, утвари использовались древесина, береста, металл. Пошив одежды производился из ткани русского производства, продукции промыслов, оленеводства, скотоводства. Предметами, приобретавшимися торгово-обменным путем, являлись металлические изделия, ткань, сетевой материал, оружие и боеприпасы, пищевые продукты, домашний скот. Товарный фонд составляли рыба, пушнина, ягода, кедровый орех. Средством уплаты служили шкурки пушного зверя.

Северотасжный вариант этого типа хозяйства выделялся ограниченностью масштабов охоты на крупных животных, сводившейся к эпизодическому промыслу лося посредством сооружения засек и загона по насту, а также отсутствием практики скотоводства и содержания лошадей при определяющей транспортной роли собак и оленей.

Глубинно-таежный тип хозяйственного комплекса был распространен среди северных селькупов, хантыйского населения среднего и верхнего течения притоков Оби. Для хозяйств хантов, проживавших в среднетаежных районах, основное значение имела охота. Промысел лося и оленя проводился летом у водоемов, осенью во время гона при помощи собак и путем сооружения засек с самострелами, петлями и ямами, ранней весной — загонном по насту. Охота на пушного зверя состояла из осеннего отстрела белки и соболя из лука или ружья, установки черканов, петель на белку; черканов, сетей и самострелов на соболя; капканов, слопцов и самострелов на лисицу; черканов на горностая; рожонов, самострелов и капканов на росомуху в зимне-полугодие; промысла выдры самострелами и самоловами в зимнее и летнее время. Высокая продуктивность пушнодобычи обеспечивалась достаточным количеством транспортных оленей. Промысел водоплавающей дичи проводился в начале лета перевесами и путем отстрела из лука или ружья, во второй половине лета — загонном линной птицы в сети и отстрелом. Осенью осуществлялся лов боровой дичи слопцами и петлями, в зимне-весенний период — охота на куропатку и зайца посредством слопцов и силков. Рыболовственный цикл распределялся на летне-осенний и зимний подледный заборный лов, весенне-осенний промысел сетями, мальми неводами, в ряде мест саилами и важанами, крючковой снастью, лучением, „черпание“ у ключей с помощью сака в зимний заморный период. Оленеводство представляло собой летний полувольный выпас небольшого поголовья (5—15 оленей) с сооружением дымокуров, использованием деревянных пуд, в некоторых районах — строительством сараев („изб“), подкормкой, иногда — доением важенок. Сбор ягод и кедрового ореха, проходивший в конце лета — начале осени, имел в основном натуральное значение. Основу пищевого рациона составляло мясо лося и дикого оленя, птицы, мелкой дичи, рыбы, в определенной мере — продукты собирательства и покупная мука. Жилища, средства передвижения, одежда, хозяйственный инвентарь, утварь изготовлялись из древесного и корьевого сырья, продуктов промыслов, оленеводства, материалов русского производства. Торгово-обменным путем приобретались металлические орудия труда, огнестрельное оружие, сетевая нить, ткань, пищевые продукты. Средством торговли ясака являлась пушнина.

Северохантыйский вариант этого типа хозяйства отличался меньшим значением промысла копытных и более развитым оленевод-

ством (в стадах насчитывалось по 10—30 голов); североселькупский — при общем сходстве с северохантыйским — выделялся спецификой рыболовного (круглогодичного) цикла и охоты (загонной по насту) на копытных.

К таежному предуральскому типу хозяйственного комплекса относились северные манси и частично северные ханты, населявшие левобережье Нижней Оби. Система отгонного оленеводства этой группы представляла собой летнее окарауливание объединенных личных стад пастухами на пастбищах; зимой олени использовались главным образом в транспортных целях; летний выпас предполагал формирование сборного стада численностью до 300—400 голов; размеры личного поголовья, как правило, не превышали 100 оленей; наряду с транспортным, оленеводство имело и пище-сырьевое направление. Хозяевами, передававшими оленей на летний выпас пастухам, осуществлялось неводное и сетевое рыболовство в низовьях летних притоков Оби; семьи пастухов практиковали в этот период эпизодический лов хариуса крючковой снастью и сетями. В зимнее полугодие хозяйства данного типа проводили заборный, неводно-сетевой, остроговый, крючковый рыбный промысел в верховьях незаморных левых притоков Оби. Охота на лося и тасжного оленя включала в себя использование больших „огородов“ с настороженными луками, осенний промысел лося с помощью собак и весенний загон по насту. Охота на пушного зверя проводилась посредством активных приемов (отстрел белки и соболя с помощью или без участия собаки) и пассивных (установка черканов, капканов, слопцов, самострелов, силков). В летний период проходила охота на водоплавающую птицу перевесами, луками, ружьями и петлями. Осенью осуществлялся лов слопцами и силками боровой пернатой дичи, зимой — куропатки и зайца. В начале осени проводился сбор ягоды и кедрового ореха как для внутреннего потребления, так и на продажу (в небольшом количестве). Главными компонентами пищевого рациона являлись рыба, мясо лося, домашнего и дикого оленя. Для изготовления жилищ, средств передвижения, орудий труда, одежды, утвари использовались продукты оленеводства, промыслов, древесное и корьево сырье, покупной материал. Часть продукции летнего и зимнего рыболовства шла на продажу. Кроме того, товарный фонд составляла пушнина, в известной мере — ягоды и орех. На ярмарках и торговых пунктах приобретались продукты хозяйственного назначения, пищевые продукты, украшения и т. д. Средством уплаты ясака являлась пушнина.

Южнотаежный тип хозяйствования комплекса был присущ манси Конды, иртышским хантам и нарымским селькупам. Рыболовство, представлявшее собой ведущую отрасль хозяйства данного типа, состояло из летнего неводного, сетевого и заборного промысла туводных пород рыбы, осеннего и зимнего лова посредством заборов,

саипов, важанов, крючковой снасти, острог, „черпанья“ у ключей в период замора. Продукция рыболовства имела как натуральное, так и товарное значение. Охота на крупных копытных проводилась летом у водосмов путем отстрела и сооружения ловчих ям, осенью — с собакой и посредством засек, ранней весной — пшшим загонем по насту. Пушной промысел осуществлялся в зимнее полугодие (отстрел белки, установка капканов и давящих ловушек на белку, горностаю, самострелов на лисицу и росомаху, загон лисицы на лошадях), а также в летнее время (лов самострелами и капканами выдры и бобра). Охота на водоплавающую дичь луками и петлями проходила поздней весной и эпизодически в конце лета. Осенью и зимой практиковался лов лесной пернатой дичи и зайца с помощью силков и слопцов. В начале осени проводился сбор ягод (прежде всего брусники) и кедрового ореха для продажи и частично для собственного потребления. Многие хозяйства содержали лошадей, коров, овец, в связи с чем в середине лета значительное внимание уделялось сенокосению. При отсутствии оленеводства основным средством передвижения был конный транспорт. Некоторые семьи в летне-осенний период занимались земледелием. Следует отметить, что все перечисленные компоненты хозяйственного комплекса, за исключением промысла крупных копытных и мелкой дичи, были в значительной мере товаризованы. Торгово-обменное назначение имела продукция рыболовства, пушного промысла, собирательства, в определенной степени — животноводства и земледелия. Коренное население Конды, Нижнего Иртыша, Нарымской Оби широко использовало товары русского производства, которые, наряду с продукцией основных отраслей, занимали видное место в пищевом рационе, оснащении хозяйственным инвентарем, утварью, обеспечении одеждой. Жилища и средства передвижения изготовлялись из древесного сырья. На уплату ясака шла пушнина.

Кондинский вариант южнотасжского типа хозяйства выделялся высоким уровнем развития товарного собирательства (ягодного промысла), относительной стабильностью земледелия. Нарымский вариант отличался от кондинского ограниченностью промысла копытных, собирательства и земледелия, более развитой пушно- и рыбодобычей, меньшим уровнем товаризации.

Различия хозяйственных комплексов отдельных групп населения Северо-Западной Сибири отразились и в системах исчисления времени — народных календарях. К примеру, у ненцев Ямала основная часть наименований месяцев (8 из 13) связана с оленеводством: *хор иры* (период гона оленей), *яры иры* (очищаются рога у оленей), *сия нич иры* (месяц „ложного“ отела), *ты саполана иры* (время рождения первого настоящего теленка), *ты нич иры* (период отела), *няуды иры* (время рождения маленьких телят), *неняцг иры* (месяц комара), *пилю иры* (месяц овода). В то же время тундровые

хозяйства, уделявшие значительное внимание летнему рыболовству, обозначили начало осени *яуц-галы иры* (время лова омуля), тогда как основная часть оленеводов называла тот же период *вэбэ иры* (месяцем увядания растений). У надымских и южногыданских ненцев конец осени именовался *нусин-далава иры* (месяцем охоты на песца), что обусловлено особой значимостью для южнотундровых хозяйств пушного промысла. В среднетасажной зоне выделяются календари с преобладанием признаков рыболовства или охоты. Так, у нижнеюганских хантов были распространены названия месяцев, отражавшие рыбопромысловую направленность хозяйства: *мацуи тулис* (период муксуна), *сыг тулис* (время налима), *коим тулис* (месяц нереста), *сарык тулис* (период неводьбы, лова сырка), *вар тулис* (месяц горюдьбы заповров). У кондинских манси значительное число наименований связано с охотой: *яса ёнхи* (время подготовки охотничьих лыж), *поль ёнхи* (месяц затона лося по насту), *холим ёнхи* (период токования тетеревов), *ворхам кесхтам мены ёнхи* (месяц охоты на белку) и т. д.¹

Помимо свособразия сочетания отраслей охарактеризованные типы хозяйственных комплексов отличала и различная степень товаризации. Несмотря на то, что торговля не выделялась в особый вид деятельности (и потому не рассматривалась как отдельный компонент хозяйства), представляется возможным наметить следующие основные направления торгово-обменных связей. Хозяйства арктического типа в обмен на оленей, орудия труда, древесное сырье, некоторые пищевые продукты поставляли тундровым оленеводам и русским купцам пушнину, продукцию морского зверобойного промысла, рыбу. Состоятельные оленеводческие хозяйства, кроме обмена с жителями северной тундры, поддерживали торговый контакт с южнотундровым и лесотундровым населением, приобретая рыбу, в ряде случаев пушнину, а также с русскими, — покупая орудия труда, металлические изделия, пищевые продукты. При этом окружающему коренному населению оленеводы сбывали главным образом оленей, русскому — пушнину. Южнотундровые и лесотундровые хозяйства за пушнину приобретали у русского населения оружие, хозяйственный инвентарь и т. д. Кроме того, для лесотундровых жителей была характерна высокая степень товаризации рыболовства и, соответственно, значительный удельный вес в хозяйстве покупной продукции. Лесные ненцы, представлявшие тасжно-ненецкий тип, напротив, отличались высоким уровнем натурального хозяйства, хотя и они приобретали у русских оружие, промысловое снаряжение, украшения в обмен на пушнину. Общей для всех остальных тасжных типов хозяйственных комплексов была довольно прочная связь с русским рыбопромышленным предпринимательством, пушным рынком, системой казенных хлебозапасных магазинов. За уплату пушнинной, рыбой, а также в кредит коренное

население получало разнообразную продукцию, включавшую огнестрельное оружие, металлический инвентарь, ткань, муку и т. д. При этом население прибрежных районов крупных рек в более значительной мере было втянуто в торговлю, нежели хозяйства верховий притоков: товарной статьёй последних была почти исключительно пушнина, а прибрежно-таежные жители практиковали как пушнодобычу, так и промышленное неводное рыболовство, сбор ягод и кедрового ореха на рынок, куплю-продажу лошадей и домашнего скота. Наиболее весомой степенью товарности выделялся южно-таежный тип, характеризовавшийся значительным развитием товарного собирательства, рыбороторговли, торгово-обменных контактов с пограничными земледельческо-животноводческими районами.

Некоторые типы хозяйственных комплексов — лесотундровый, прибрежно-таежный, южнотаежный — обособились и приобрели определенный облик во многом благодаря внедрению в западно-сибирскую экономику русского торгового предпринимательства. На основе установления крупностадного оленеводства в тундровой зоне к концу XIX в. сложилась целостная система хозяйства: хозяйственные комплексы различных типов, обладая определенной локально-функциональной независимостью, составляли единый хозяйственный организм, структура которого соотносилась с особенностями природной среды, отдельных отраслей и условиями товарооборота. Центральное место в этой хозяйственной системе занимал тундровый (олeneводческий) хозяйственный комплекс, вне связи с которым периферийные (арктический, южнотундровый и лесотундровый) в высочерченном облике не могли бы существовать. В то же время сам тундрово-олeneводческий комплекс нуждался в периферии, дополнявшей его на уровне обмена и потребления продукцией промыслов, на технологическом уровне — необходимыми трудовыми ресурсами, а в кризисных ситуациях представлявшей собой альтернативу для разорившихся оленеводов. Хозяйственная периферия выступала своего рода буфером между доминирующим комплексом производящего хозяйства и природной средой.

Ни один хозяйственный комплекс в производственно-потребительском цикле и обеспеченности людскими резервами не характеризовался самодостаточностью. В тундровом хозяйственном комплексе „перепроизводство“ в оленеводстве сочеталось с „недопроизводством“ в промыслах, в периферийных, наоборот, при недостатке оленеводческой продукции имелся некоторый „излишек“ промысловой. Посредством обмена и сезонного перестроения хозяйственных комплексов происходило перераспределение „излишков“ или, точнее, восполнение лакун (так как „излишки“ являлись скорее обмениваемым фондом, чем прибавочным продуктом) в рамках целостной системы хозяйства. При этом сама тундрово-ненецкая хозяйственная система не была замкнутой и контактировала с

хозяйственными образованиями западно-сибирской тайги, европейской и таймырской тундры. Значительное воздействие оказывала на нее экономическая политика и коммерческая деятельность русских.

Особенно заметным было влияние российской экономики и политики на облик южных и „низовых“ хозяйственных комплексов, подвергшихся значительной товаризации и во многом утративших экономическую самостоятельность. Благодаря этому воздействию на Севере Западной Сибири начал формироваться хозяйственный макрокомплекс, централизующей основой которого выступали торговля и промышленное предпринимательство.

2. Факторы внешнего воздействия на хозяйство народов Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв.

Определяющее значение в этноисторических судьбах народов Западно-Сибирского Севера имело освоение Урала и Сибири русскими. Как установлено советскими исследователями, начало контактов русского торгово-промышленного населения с автохтонами северного Зауралья относится к XI в., хотя процесс формирования в Западной Сибири постоянного русского населения начался лишь с конца XVI в. после разгрома Сибирского ханства, причем, решающее значение в заселении Сибири имел стихийный поток переселенцев².

С начала присоединения Сибири прослеживаются два этапа (и одновременного типа) ее колонизации: первый (до середины XIX в.), характеризующийся как торгово-промысловая колонизация, охватывал таежную и тундровую зоны, второй (с середины XVII в.) был связан преимущественно с земледельческим освоением края и проходил в основном в южнотаежной, лесостепной, а затем в степной зонах. Не случайно на первом этапе подавляющую часть переселенческого потока в Сибирь составляли выходцы из Поморья, владевшие навыками промысловой деятельности в условиях тайги и тундры, тогда как тип земледельческой колонизации (особенно в XIX в.) был представлен в значительной мере переселенцами из южных районов России — носителями иных хозяйственно-культурных традиций³.

Русское население Северо-Западной Сибири в конце XVI — первой половине XVII в. состояло в основном из „гулящих“ и „промышленных“ людей, сезонно занимавшихся промыслом и (или) скупкой у коренного населения пушнины. Словами С. В. Бахрушина, „по существу они составляли очень подвижную массу, которая то и дело перебиралась взад и вперед через Урал... и в самой Сибири беспрестанно кочевала по разным уездам в поисках новых охотничьих угодий, то крутясь к богатому предпринимателю, то промышляя за собственный счет“⁴. Подвижность русского населения

на ранней стадии освоения Сибири связана, по-видимому, со спецификой самой охоты на соболя (экстенсивностью) и отсутствием в Сибири „рынка сбыта“ пушнины. Позднее, к концу XVII в., вследствие истребления популяции соболя русские промысловики вынуждены были изыскивать новые формы хозяйственных занятий: часть из них прекратила рейды в Сибирь, часть сдвинулась в менее освоенные районы Восточной Сибири, часть осела на крупных реках для рыболовства, часть переселилась в зону южных лесов и лесостепей, восстановив практику земледелия и животноводства.

Разумеется, пушная охота далеко не полностью потеряла свое значение — в притундровых районах роль главного объекта промысла стал играть песец, в таежных — белка, лисица. Тем не менее утрата ею безусловного первенства в хозяйственно-предпринимательской деятельности русского населения привела к складыванию комплексного хозяйства переселенцев и вследствие этого значительному сокращению их подвижности. Кроме того, земледельческое освоение Западной Сибири, развитие местной торговли обусловили формирование сибирской аграрно-продовольственной базы и на ее основе относительно замкнутого в рамках Западной Сибири торгово-экономического цикла: к концу XVII в. на территории Тобольского, Верхотурского, Тюменского и Туринского уездов, где проживало 75 % всех сибирских крестьян-домохозяев, образовалась сельскохозяйственная полоса, являвшаяся „житницей Сибири“, и одновременно (в 1685 г.) были отмечены хлебные поставки в Сибирь из Поморья⁵. Таким образом, не только оскудение пушноресурсов привело к переходу русских переселенцев от подвижного промыслового к оседло-комплексному способу хозяйствования, но и само развитие сельского хозяйства, торговли, рост населения явились причинами изменения практики пушнодобычи.

Во второй половине XVII в. приток и отток „гулящего“ и „промышленного“ населения заметно сократился, о чем свидетельствует статистика движения через Урал: если в 1640—1641 гг. было зарегистрировано 760 случаев проезда „Чрескаменным“ путем (Печора—Сось—Мангазья), то в 1665 — 233; по Верхотурской дороге (Кама—Тура—Тобольск) в 1639—1640 гг. прошло 1360 человек, из которых 1339 — в Сибирь (в том числе 1022 „гулящих“), в 1655—1656 гг. „гулящих“ было отмечено уже 159, в 1661—1662 — 5, в 1670—1671 — 1. О. Н. Вилков связывает это с юридическим оформлением крепостного права в стране (Уложение 1649 г.) и некоторым „испромышленением“ пушного зверя в Сибири⁶. По-видимому, несомловажной причиной сокращения „промышленных гуляний“ через Урал явилось и формирование местного западно-сибирского контингента русских промысловиков, занимавшихся пушнодобычей как вблизи сибирских городов, так и, сезонно, в глубинно-таежных районах. Если в северных городах (Березово, Сур-

гут) постоянно население в конце XVI—XVII вв. складывалось из казаков, приказных и священнослужителей, а торговые, промышленные и гулящие люди на жительство здесь не оседали⁷, то в сельскохозяйственных („пашенных“) районах постоянно неслужилое население было достаточно многочисленным и формировалось более высокими темпами⁸. По мнению В. Н. Курилова, «устойчивость „пашенным“ сибирским городам и острогам придавало именно сельское хозяйство. Оно было первичным, необходимым элементом социально-экономической структуры города, над которым и в связи с которым могли развиваться и другие, формировавшие город как собственно торгово-промышленный центр»⁹.

В рамках комплексного хозяйства населения „пашенных“ городов (Тобольска, Тюмени, Туринска) и образовалась группа сибирских предпринимателей и промысловиков, постепенно заменивших к концу XVII — началу XVIII в. прибывших „с Руси“ торговых и гулящих людей. При этом, как отметил О. Н. Вилков, число торговых людей, проходивших по Верхотурской дороге, в течение второй половины XVII в. не сокращалось: в 1639—1640 гг. их было зарегистрировано 132, 1670—1671 — 169¹⁰. Однако к началу XVIII в. торговые люди, совершавшие поездки в Сибирь, производили закупку пушной продукции уже не столько у промыслового населения, сколько на городских и слободских торгах. В свою очередь в Березово и Сургуте в начале XVIII в. наряду с приуральскими торговали купцы из Тобольска, Туринска и других сибирских городов¹¹.

Итак, начало этапа „земледельческой“ колонизации было одновременно периодом становления торгово-предпринимательской и промысловой деятельности постоянного сибирского русского населения. Собственно земледельческое освоение распространялось прежде всего на юг, из тайги — в лесостепь и степь. Условием для „сползания земледелия к югу“ был острый рост крестьянского населения за счет притока переселенцев и высокого естественного прироста, а также недостаток сельскохозяйственных угодий при переложной системе земледелия¹². С другой стороны, в северных западносибирских уездах — Березовском и Сургутском — русское население на протяжении всего XVIII в. постепенно сокращалось¹³. Вместе с тем на протяжении XVIII столетия произошли заметные сдвиги в хозяйственно-предпринимательской деятельности русского населения Северо-Западной Сибири, предопределившие последующие существенные изменения в экономике края. В начале XVIII в. по масштабам торговых операций на Березовском и Сургутском рынках первенствовали купцы из европейской России. К 60-м гг. XVIII в. монопольное положение на северных рынках заняли тобольские торговцы. Одновременно расширяют сферы коммерческой деятельности купцы из Туринска, Тюмени, Томска, Верхне-Низинской слободы, складывается местное купечество в Березове и

Сургуте. К концу XVIII — началу XIX в. торговля на Западно-Сибирском Севере становится прерогативой местного населения. Именно к этому периоду относится учреждение северных ярмарок (Сургутской в 1786 г., Березовской в 1788 г.) и торжков (в селах Мужы, Ларьятское, Юганское). С середины XVIII в. русские купцы начинают посещать Обдорск, который со временем выдвигается на ведущие позиции по сумме товарооборота в местной торговле¹⁴.

По мере становления сибирской торговли растет ее ассортимент: если в первоначальный период освоения Сибири русскими единственным местным товаром была пушнина, то к концу XVIII в. в низовьях Оби развиваются рыботорговля и рыбопромысловое предпринимательство, пионерами в котором были туринские купцы. К середине XIX в. удельный вес продуктов рыбодобычи в товарообороте возрос настолько, что на северном рынке муксун начал выступать в роли торгового эквивалента наряду с песцовыми и беличьими шкурками¹⁵.

Наиболее показательным для определения уровня развития рыбопромыслового предпринимательства является индекс арендованных угодий. По данным Н. А. Минска, в 1808—1810 гг. из зарегистрированных на территории Северо-Западной Сибири 150 рыбопромышленных мест 43 отдавались в кортом; в 1848 г. одни только коренные жители Березовского уезда сдали в аренду около 150 рыболовных участков. При этом ведущая роль в организации рыбопромыслов принадлежала тобольским купцам¹⁶. Еще более высокими темпами росли масштабы рыбопромышленности во второй половине XIX в. По словам В. И. Васильева, „с развитием пароходного сообщения (в середине XIX в.) русские рыбопромышленники и предприниматели хлынули в низовья Оби и Енисея“¹⁷.

Одновременно происходило расширение других сфер торговли и предпринимательства: в товарные реестры северных рынков зачисляются продукты оленеводства, морского зверобойного и ягодно-кедрового промыслов; среди русского населения распространяется практика товарного оленеводства, звероводства. Об уровне развития торговли на Обь-Иртышском Севере свидетельствует тот факт, что к концу XIX в. в Тобольской губернии насчитывалось 567 ярмарок с оборотом 10300 тыс. рублей¹⁸.

Активизация экономической деятельности русского населения Северо-Западной Сибири сопровождалась его численным ростом. Если к началу XVIII в. в Березовском и Сургутском уездах насчитывалось лишь 8 ревизских податных душ (купцов), то к середине века — уже 228 (из них 9 купцов), в начале XIX в. — 661 (27 купцов), в середине — 1062 (38 купцов)¹⁹. Увеличилось количество промысловиков-сезонников, причем, если в XVI в. это были главным образом охотники на пушного зверя, то в XIX в. — рыбаки. В начале XX в. в низовьях Оби из более южных районов

ежесгодно привозились для сезонного лова рыбы около 1000 насланных рыбаков²⁰.

Таким образом, движение русского населения в Северо-Западную Сибирь предопределялось прежде всего экономическими факторами, хотя заметную роль играли и социально-политические, религиозно-политические, естественно-демографические и некоторые другие причины. С XVIII—XIV вв. внимание новгородцев, образовавших торговую корпорацию „Югорщина“, привлекли пушные богатства Сибири; с конца XVI до середины XVII в. русское население Севера Западной Сибири наряду со служилыми людьми было представлено купщиками-промысловиками пушнины; с середины XVII до конца XVIII в. шел процесс формирования сибирско-русской торговли и предпринимательства в „пашенных“ районах при сокращении численности „гулящих“ людей и увеличении количества постоянного русского населения; с начала и до конца XIX в. наблюдается вторая крупная волна русского торгово-промышленного проникновения в Северное Приобье, распространившаяся на этот раз не из-за Урала (как в XVI—XVII вв.), а с юга Западной Сибири (Притоболья) и вызванная не пушnodобычей, а промышленным рыболовством.

Указанные историко-экономические процессы оказали существенное влияние на автохтонное хозяйство. Фактор русского воздействия выразился не только в привнесении новой хозяйственной культуры, действию торговой и ясачной политики, но и в опосредованной форме миграционно-демографических и затем эколого-экономических сдвигов. Первоначальной формой русского влияния на хозяйство коренного населения Северо-Западной Сибири были торговые контакты новгородцев с юргой в первой половине II тыс. н. э. Одновременно (не позже XI в.) начинается проникновение русских в Приуралье. Новый („Московский“) этап характеризовался не только экономической, но и военно-политической экспансией русских, дополненной в XIV в. церковной колонизацией (начавшейся при епископе Стефане). Данные обстоятельства привели к значительным миграциям коренного населения и некоторой товаризации пушного промысла.

На первом этапе колонизации Сибири пушной бум и непосредственное участие „гулящих“ и „промышленных“ людей обусловили, с одной стороны, значительную товаризацию пушnodобычи, с другой, — „испромысление“ ценного пушного зверя (соболя и бобра) к середине XVII в. В то же время русские привнесли в хозяйственный обиход автохтонов новые приемы и средства охотничьего промысла. Создание административных и сугланных центров (в 1586 г. — Тюмени, 1587 — Тобольска, 1593 — Березова, 1594 — Сургута, 1596 — Обдорска, 1598 — Верхотурья, 1600 — Туринска и т. д.) повлияло на изменение хозяйственно-миграционных циклов коренного населения.

На этапе „сельскохозяйственной“ колонизации началась товаризация ряда „непушных“ отраслей хозяйства (рыболовства, собирательства), получило импульс земледелие и животноводство у южных групп обских угров, находившихся в прямых контактах с русским населением „пашенных“ районов Приобья. Образование ярмарок и торжков в конце XVIII в. вызвало перестройку хозяйственно-потребительских циклов, некоторую товаризацию рыболовства, морского зверобойного промысла, лесного собирательства у коренных жителей Северного Приобья. В этот же период продолжалось освоение русскими Урала, связанное с развитием горнодобывающей промышленности, образованием крупных помещичьих владений²¹, что стимулировало продолжающийся отток местного населения в Сибирь.

На рубеже XVIII—XIX вв. начался этап рыбопромышленного освоения Северо-Западной Сибири русскими, в течение которого значительная часть аборигенного населения была вовлечена в сферу товарного рыболовства. Благодаря созданию разветвленной торговой сети (в том числе хлебозапасных магазинов) усилилась связь коренных жителей с русским предпринимательством и торговлей, повысилась доля промышленных товаров в обеспечении ненцев, селькупов, хантов и манси хозяйственным инвентарем, одеждой, пищей. На протяжении всего рассматриваемого периода постоянно действующим фактором трансформации северосибирского хозяйства выступала ясачная политика. В качестве примеров заимствованных автохтонами элементов хозяйственной культуры русских переселенцев можно назвать разнообразное использование конопли и льна (для пошива одежды, изготовления рыболовного инвентаря), металлургические орудия труда, применение огнестрельного оружия, практику отдельных промыслов — лов пушного зверя железными капканами, на рожон, обметом, загоном на лошадях, рыболовство посредством стряжесвых и „зимних“ неводов, плавных сетей.

Таким образом, появляются следующие формы русского воздействия на традиционную экономику народов Северо-Западной Сибири: торговый контакт, участие в промыслах (особенно активно — пушнодобыче), организация промышленного рыболовства, передача хозяйственных навыков, учреждение и действие системы ясачного обложения, демографическая, политическая и конфессиональная экспансия, обусловившая миграции коренного населения и ряд следствий социально-экономического и хозяйственно-экологического порядка.

Помимо русских переселенцев инокультурное влияние на автохтонные народы Северо-Западной Сибири оказали коми. Контакты коми и угров уходят в глубокую древность, о чем свидетельствуют их „исконное“ соседство в Приуралье, наличие древнекомизырянских терминов в обско-угорских языках и обратных заимствований²².

Значительная близость манси (в отличие от хантов) к народам финской ветви по ряду антропологических признаков²³. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в самом начале II тыс. н. э. определенной и долговременной миграционной тенденции в районе контакта коми и угров не прослеживается: в X—XII вв. на Верхней Вычегде проживали древние пермяне, в последующие века их сменили на этой территории угры, в конце XIV — начале XV в. на Верхней Вычегде вновь появились коми, после чего восточное и северо-восточное направление перемещений коми становится доминирующим. Причинами складывания данной миграционной тенденции являлись: поиск новых промысловых угодий, стремление коми избавиться от налогового гнета со стороны Москвы, установления мирных отношений с восточными соседями, политика христианизации (с момента учреждения Пермской епархии), продвижение русского крестьянства на восток²⁴. В числе названных причин явно преобладают различные аспекты русского влияния, которое, очевидно, и следует считать основным мотивом движения коми на восток.

Акцентируя внимание на последствиях миссионерской деятельности Стефания Пермского, И. Г. Георги утверждал, что нежелание крещения побудило в конце XIV в. „большую половину Пермских и Зырян, в великой Пермии живших, покинуть привольные свои, на западной стороне Уральских гор, места и перейти в суровые северные, около реки Обь, страны, где они теперь от Кондырей не отличаются, но вместе с оными называются остяками“²⁵. Продвижение коми на восток было синхронно русскому и являлось его своеобразным авангардом, то есть мигрируя под воздействием русской экспансии, часть коми населения оказалась в Сибири раньше русского. Об этом свидетельствуют топонимические данные — некоторые географические названия переняты русскими в коми огласовке. По словам И. Э. Фишера, „пермяки, зыряне реке Умар дали название Обь“²⁶. Многие современные авторы этимологизируют топонимы Обь, Обдорск с коми языка²⁷. М. А. Кастрен в свое время подкрепил это предположение сведениями о том, что Обдорск как административный центр возник на месте небольшой зырянской колонии²⁸. Русские воеводы, впервые проникшие на берега Таза в начале XVII в., нашли здесь уже существовавшие зимовья вымичей и зырян²⁹. В рейде русских военных отрядов (походе Ермака, экспедиции Дьякова на Березов в 1598 г.) в качестве проводников принимали участие коми-зыряне³⁰.

Следовательно, значительное переселенческое движение коми в Сибирь началось не ранее XV—XVI вв. и усиливалось по мере русского освоения Сибири. В XVII в. из Коми края за Урал уже шел постоянный отток населения. К примеру, по данным переписи 1646 г., в Сибирь убыло 10 % мужского населения Коми края

(762 человека), причем, доля переселенцев из Вымского района была еще более значительной и достигала 36,5 % местных жителей³¹. По материалам сибирских таможенных книг, в первой четверти XVII в. в Сибирь постоянно ходило около 30 торговцев коми. Промысловиков в 1636 г. отмечено 83 человека, а в действительности их, вероятно, было значительно больше³². К концу XVII в. наиболее заметный приток коми фиксируется в зауральском ареале южной тайги. В Верхотурский уезд только в 1668—1669 гг. прибыло 50 коми переселенцев³³.

В XVI—XVII вв. коми, подобно русским, проникали в Сибирь большей частью в целях пушного промысла и торговли. В XVIII в. основной поток коми, соответственно второму (земледельческому) этапу русской колонизации, направляется на юг Западной Сибири, где наряду с промыслами коми переселенцы занимаются земледелием. В этот период миграционная волна коми достигла уже земледельческих угодий Алтайского края³⁴.

Одновременно в XVII—XVIII вв. северо-восточная ветвь коми мигрантов вступает во взаимодействие с европейскими ненцами. В 1649 г., по словам В. Иславина, у коми появляются первые стада оленей³⁵. Постепенно под воздействием ненцев складывается оленеводческая культура коми-ижемцев, которые с середины XIX в. начинают переселяться в Северо-Западную Сибирь³⁶. Пермская ижемская семья обосновалась на берегу р. Ляпин в 1842 г., а вскоре на этом месте уже образовалась деревня Саранпауль. В Обдорске коми появились в 1853 г., Березове — 1864, с. Мужы — 1875. В начале XX в. в Мужах проживало 88 семей ижемцев, в Обдорске — 101. К 1925 г. в с. мужы насчитывалось уже 1305 коми, в Обдорском районе — 3810, в Березовском — 1140³⁷. В настоящее время коми составляют преобладающую часть населения, занимающегося оленеводством на Полярном Урале.

Стимулом для массовых миграций коми-ижемцев на восток за Урал (как и на запад в Тиманскую тундру и на Кольский полуостров) явился поиск новых зимних пастбищ для разросшихся стад оленей³⁸. В Сибири коми переселенцы занимались не только оленеводством, но и торговлей, рыбопромысловым предпринимательством (кстати, и оленеводство коми придали товарную направленность). Не случайно для расселения они выбрали места наибольшей концентрации коренного населения в зимний сезон и в то же время удобные для промышленного рыболовства в летний период. Такова, к примеру, предыстория поселка Нори³⁹, и, по сообщениям надымских ненцев и коми, ряда других зырянских селений.

И в более южных районах коми оседали в непосредственно приобских и прииртышских поселениях. Об этом свидетельствуют исторические сказания прииртышских хантов, повествующие о скоплении *сырань-ях* („зырянского народа“) на Иртыше. Подтвержде-

нием этому можно считать и обильное сосредоточение у берегов Нижней Оби селений с названиями, содержащими формант *кар*, означающий по-зырянски „городок“: Келчикар, Уркар, Сускар, Войкар, Шешкар, Шурышкар, Карымкар и т. д.⁴⁰

Воздействие коми на традиционное хозяйство народов Западно-Сибирского Севера, как видно из описания переселенческого движения, проходило в основном в рамках единого процесса колонизации Сибири. Примечательно к ранней фазе контактов с обскими уграми (XVI—XVII вв.) следует отметить активное участие коми в пушноторговых и промысловых рейдах в Приобье. Об интенсивных промыслах коми свидетельствуют, например, челобитные хантов 1600, 1622, 1623 гг., содержащие просьбы ограничить охоту зырян на „остяцких“ угодьях. Л. Н. Жеребцов считает, что ханты и манси заимствовали у коми некоторые приемы пушной охоты, в частности, способ ловли соболя с помощью сети, использование огнестрельного оружия⁴², хотя в обоих случаях коми выступали, вероятно, лишь в качестве посредников-проводников русской хозяйственной культуры в аборигенную среду.

Если на этапе промысловой колонизации коми опередили русских в передвижении на восток, то в период сельскохозяйственного освоения (XVII—XVIII вв.) они составляли лишь компонент общего (преимущественно русского) потока заселения южно-таежной зоны Западной Сибири, в связи с чем представляются преувеличением выводы Л. Н. Жеребцова о приоритете коми в распространении полеводства и животноводства у обских угров⁴³. Оценивая участие коми в процессе становления промышленного рыболовства, также следует отметить, что их торгово-промысловая деятельность в XVIII—XIX вв. была составной частью развития русского по происхождению предпринимательства.

Наличие коми терминов в „хозяйственной“ лексике обских угров (на чем акцентирует внимание Л. Н. Жеребцов) является не столько показателем культуртрегерской роли коми, сколько следствием их более плотного, по сравнению с русскими, „вживания“ в автохтонную среду. Будучи исконно в большей мере промысловиками, чем земледельцами и животноводцами, коми отличались несвойственной русским мобильностью и приспособленностью к условиям западно-сибирской тайги, проникали и частично оседали в глубинные районы, недоступных для русских охотников-сезонников. По свидетельствам кондинских манси, юганских и демьянских хантов, коми-зыряне издавна проникали к верховьям таежных рек, тогда как русские в прошлом стремились не отделяться от основных речных магистралей — Оби, и Иртыша. Другими словами, коми выступали для коренного населения тайги в роли переносчиков и проводчиков (в языковом смысле) новых хозяйственных явлений, что не исключает отдельных заимствований обскими уграми элементов коми хозяйственной культуры.

Несколько иная ситуация сложилась в северной части рассматриваемого региона. Ненцы Ямала и Гыдана именуют коми *Санэр* или *Нысыма*, причем, этноним *нысыма* употребляется по отношению к современным коми-оленеводам, тогда как термином *санэр* обозначаются коми, фигурирующие в фольклорных сюжетах. Известно, что *Санэро* (*Санар-яу*) — ненецкое название Печоры, *Санархард* — Пустозерска; жителей Печоры европейские ненцы называют *санэротер*⁴⁴. В ненецких сказаниях местами жительства *санэров* являются, как правило, районы Приуралья или Обского побережья, при этом очень часто упоминания *санэров* в фольклоре сочетаются с образами „русского царя“, „русского народа“ и т. д. По преданиям энцев, „*санэры* привозили печорскую посуду“⁴⁵.

Возможно, этноним *санэр* закрепился в фольклоре и сознании северных самодийцев как обозначение коми торговцев и промысловиков раннего периода коми-сибирских связей (до середины XIX в.), когда коми-зыряне и русские, как пишет М. А. Кастрен, регулярно выезжали в начале зимы за Урал для скупки пушнины у остяков и самосдов⁴⁶. Показательно в этой связи, что некоторые современные тундровые ненцы (Я. Хоротэтто, Н. Тусида) считают возможным обозначить термином *санэр* не только коми, но и русских Северного Приуралья. С другой стороны, этноним *нысыма*, по-видимому, утвердился как название коми-ижемцев оленеводов, иммигрировавших в Западную Сибирь во второй половине XIX в. Прямые контакты (заключение браков, ассимилятивные процессы) коми с коренным населением были неразрывны. По мнению В. И. Васильева, „несмотря на то, что за Урал переселилась довольно значительная группа коми-ижемцев, они почти не входили в контакт с местными ненцами“⁴⁷. Приведенное заключение относится прежде всего к коми-„нысыма“ (кстати, сам термин *нысыма* является ненецкой огласовкой названия „ижемцы“). В то же время *санэр* встречается в названиях северосамодийских родовых подразделений: у энцев существовал род *Сонуко* (*Санэр*)⁴⁸, у энцев часть рода *Салиндер* именовалась *Санэр-хаби*. Однако едва ли возможно усматривать в этих родах коми компоненты, поскольку в прошлом всех печорян (в том числе европейских самодийцев) могли называть в Сибири санэрами. Так, среди рода *Нокатэтто* относительно недавно образовалась ветвь *Санэр-Нокатэтто*, родоначальник которой получил кличку *Санэр* после долговременной отлучки с Ямала на Урал.

Имеющиеся о коми-„санэрах“ данные позволяют предполагать лишь чисто коммерческие их контакты с автохтонами тундры. Тем не менее эта деятельность коми способствовала товаризации пушного промысла, а позднее рыболовства, проникновению к ненцам металлических изделий (в том числе хозяйственного назначения), складыванию торговых пунктов, вокруг которых формировались

довольно крупные поселения (Обдорск, Шурышкары и др.), жители которых специализировались на рыболовстве. Коми-ижемцы („нысыма“), подвергнув заимствованное у ненцев оленеводство интенсификации и товаризации⁴⁹, оказали заметное обратное воздействие на европейско-ненецкое оленеводство; однако азиатские ненцы в силу недолговременности контактов с коми-ижемцами остались вне этого хозяйственного влияния. Вместе с тем за короткий срок коми заняли значительные территории, являвшиеся прежде всего пастбищами ненецких, хантыйских и мансийских оленеводов. Наибольшее скопление ижемцев приходилось на районы Полярного Урала, где и в наши дни подавляющее большинство оленеводов составляют коми. В результате этого изменились маршруты сезонных миграций сибирских хозяйств, и произошло определенное уплотнение населения зоны тундры и северной тайги Приобья.

Последним значительным источником инокультурного влияния на коренное население Северо-Западной Сибири в рассматриваемый период была сибирско-татарская общность. В. А. Могильников связывает процесс усиленной тюркизации Прииртышья с татаро-монгольской экспансией и относит его к XIII в.⁵⁰ По мнению Б. А. Коникова, „нельзя исключить и того, что в VI—VIII вв. н. э. в южную часть таежного Прииртышья могли проникать отдельные группы тюркоязычного населения“⁵¹. Тот же автор предлагает выделить в таежном Прииртышье усть-ишимскую культуру (IX—XIII вв. н. э.), носители которой представляли собой этнический симбиоз из южных угров, тюрок и самодийцев⁵². По заключению В. И. Соболева, „бесспорным в настоящее время является тот факт, что в основе формирования этнической группы барабинских татар лежали два пласта — угорский и тюркский“⁵³. Древнеугорское население явилось этническим субстратом для всех групп тюрок Прииртышья и Притоболья, и следовательно, прежде (в начале I тыс. н. э.) на территории современного расселения сибирских татар проживали угры. На рубеже I и II тысячелетий тюрко-угорские контакты выглядели как инфильтрация тюркского населения в угорскую среду. Б. А. Коников предполагает возможность вооруженной экспансии тюркоязычных кочевников в таежные районы по широкой и удобной для продвижения конницы пойме Иртыша⁵⁴. С XIII в. усиливается проникновение тюрок в зону южных лесов, ассимиляция и вытеснение угорского населения. Фактором, ускорившим процесс консолидации сибирских татар, можно считать распространение ислама в XVI в. Складывание специфического хозяйственно-культурного облика, оформление социально-политического единства (Сибирского ханства), возникновение конфессионального барьера между сибирскими тюрками и таежными автохтонами Приобья означали завершение процесса этногенеза сибирских татар.

Индикатором нового „качества“ взаимоотношений сибирских татар с обскими уграми было появление в этот период этнопр-

делителя „остяк“, прилагавшегося к хантам и некоторым другим народам сибирской тайги. Как известно, до освоения русскими Сибири обские угры назывались в летописях югрой и вогулами. Последний термин коми происхождения⁵⁵ закреплялся как наименование манси, этноним *югра* вышел из употребления, а в качестве названия хантов утвердился термин *остяк*.

Высказывались мнения, что *остяк* происходит либо от хантыйского *ас-ях*, либо от татарского *уштяк* — *юштяк* — *иштек* — *эштек*⁵⁷. Следует заметить, что хантыйское *ас-ях* обозначает не хантов вообще, а население, проживавшее по берегам Оби, тогда как другие группы именовались *Мозым-ёх*, *Касым-ёх*, *Лар-ях*, *Хорың-ях*, *Ват-ях* и т. д. Кроме того у хантов был и остался общий этноним *канда-ях* — *ханда-ях* — *контэж* — *ханты*, указывающий на географические пути их этногенеза⁵⁸. В связи с этим приобретение отдельным групповым именем (*ас-ях*) статуса этнонима „в обход“ уже существовавшего (*канда-ях*) представляется маловероятным.

Убедительно выглядит точка зрения о тюркских корнях термина *остяк*, переводимого как „чужеземец“, „дикий человек“ и т. д. При этом показательно, что не только хантов, селькупов, кетов называли остяками, но и самих сибирских татар казахи нередко именовали *уштяками* — *иштяками* — *эштяками*; *истяками* „киргизы“ (казахи) называли и башкир⁵⁹. Возможно, понятие *остяк* первоначально имело религиозную семантику („нечистый“, „неверный“, „поганный“) и приобрело настоящее смысловое значение по мере распространения среди сибирских татар ислама. В XVI в. оно выступало определителем конфессиональной отчужденности татар-мусульман от тасжных народов-язычников, позднее при посредстве русских преобразовалось в этноним, причем, если в ранних источниках термин *остяк* чередуется с названием *кандаях*, то в более поздних (XIX в.) он уже доминирует.

Древние жители Прииртышья не именовались в сибирско-татарском фольклоре остяками. Характерными чертами этих легендарных предков сибирских татар было изготовление керамики, в ряде случаев использование для передвижения берестяных лодок, жизнь в землянках, исключительный рост (слишком высокий или, напротив, низкий). Сибирские татары вагайско-уватской группы называют их *еш-тогом* (людьми, живущими в слове лесу). В Заболотье их именуют *сипыр-халых* (народ сипыров), с ними ассоциируются и керамические находки (*сипыр-таш*).

По данным Н. А. Томилова, в одной из легенд барабинцев их прямыми предками названы сипыры⁶¹. Возможно, к этому этнониму имеют отношение фамилия *Сабиров*, имена *Сабир*, *Сабыр*, встречающиеся у иртышских и некоторых других групп тюрков. Присоединяясь к распространенному в литературе мнению об угорской⁶² при угорско-тюркской природе сипыров, можно заключить, что

фольклорная традиция, связанная с этим этнонимом, отражает ранний (этногенетический) этап тюркско-угорских контактов в Прииртышье, тогда как „иштякские“ сюжеты связаны с более поздней (этноисторической) фазой.

Название *иштяк* встречается среди племенных и тогомных наименований туралинских, тобольских, курдакско-саргатских, барабинских татар. Согласно легенде о возникновении иштяк-тогоса селения Саургачи, остяки приходили в устье Ишима с правобережья Иртыша. После одного из подобных рейдов в плену у сибирских татар оказалась девочка-остячка, которая, став женой татарина, и положила начало „остяцкому роду“. Предания об *иштяках* распространены и среди северных групп прииртышских татар — заболотной и тобольской. В них упоминается о войнах с остяками, о борьбе за промысловые угодья, однако наряду с этим, по словам информаторов, случаи включения манси в состав сибирских татар, как и прецеденты татарско-угорских браков, были чрезвычайно редки. К примеру, по материалам ревизий, в татарском Заболотье отмечена лишь одна остячка, проживавшая в Иземетьевых юртах⁶³. Исключительность этого факта подчеркивается существованием особой легенды об этой остячке и ее иновещеском коварстве, погубившем основателя юрт Яйхвая, седьмой женой которого она была. Татары аремзянско-надцынской подгруппы также свидетельствуют о существовавшем прежде брачном обособлении татар от местных хантов.

Таким образом, с XVI в. тюрко-угорские контакты приобретают новые формы. Движение на север сибирских татар, если не прекращается вообще, то заметно спадает; между татарами и уграми устанавливается колеблющаяся, но зонально стойкая граница. З. П. Соколова подсчитала, что за пять столетий (XVI—XX вв.) население Тавды сменило этническую принадлежность четыре раза: до XVI в. здесь жили вогулы, в XVI—XVII вв. они были поглощены пришлыми татарами, в XVIII в. здесь вновь возобладало мансийское население, а с начала XIX в. начался процесс обрусения жителей Тавды, закончившийся к середине XX в. В некоторых волостях на Иртыше (Уват, Ясколба, Вачиер, возможно, Тархан) этническая принадлежность населения также менялась несколько раз: сначала здесь жили остяки, потом пришли татары, затем снова прибыло угорское население, и наконец в XX в. оно было ассимилировано русскими⁶⁴.

Постепенно прекратились миграции заболотных татар в Припелымье, и к XVIII в. татар в Пелымском округе, по-видимому, уже не было. Напротив, началось активное переселение ясколбинских татар в южные области. В прошлом имели место миграции сибирских татар в различные районы Кондинской низменности, но в итоге татары-переселенцы на Конде и Демьянке подверглись ассимиляции

со стороны местных манси и хантов. В течение XVII—XVIII вв. сдвигается к югу северная граница расселения барабинских татар, что связано, по мнению Н. А. Томилова, с движением русских⁶⁵.

Исторические предания кондинских манси, демьянских хантов повествуют о военных набегах, торговых рейдах татар. Контакты юго-восточных хантов с татарами были настолько стабильными, что, по воспоминаниям местных старожилов, еще в XIX в. верхне-юганские и демьянские ханты, наряду с родным и русским, владели татарским языком. Вместе с тем, если в районах течения Туры и Тобола татары вступали в непосредственные взаимоотношения с коренным населением в процессе хозяйственного освоения, долговременного заселения, иногда заключения браков, то территория бассейнов Конды, Демьяна, Васюгана явилась рубежом, за который влияние татар распространялось лишь в форме торговых связей и политических акций (зависимость от Сибирского ханства, военные рейды).

Основной причиной оформления указанной границы, очевидно, следует считать различия в хозяйственно-культурном облике сибирских татар и таежных угров. Применительно к южнотаежной и лесостепной зонам Западной Сибири Н. А. Томилов выделил „интегрированный“ ХКТ, синтезировавший присваивающие и производящие отрасли хозяйства и сохранявшийся с бронзового века до недавнего прошлого⁶⁶. Видимо, носители этого типа, коими являлись сибирские татары, не проникали далее арсала, в котором было возможно ведение комплексного хозяйства, прежде всего скотоводства и земледелия. Отдельные немногочисленные переселения имели результатом аккультурацию мигрантов местным тасжымским населением. Данное положение хорошо иллюстрируется исследованиями Э. Л. Львовой, показавшей, что сбалансированность комплексной экономики чулымских тюрок в сочетании с ограниченной развитостью промысловых отраслей предопределила долговременность их пребывания в районе Чулыма, а в случае отдельных перемещений — стремление заселить территории, максимально соответствующие их ХКТ. Грань между зонами различной биологической продуктивности в низовьях Чулыма не случайно являлась рубежом между селькупами и чулымцами⁶⁷. При этом данная грань традиционна и фиксирует географический предел нескольких миграционных потоков тюрок⁶⁸.

В отличие от передвижений, вызванных хозяйственными факторами, военно-политические события имели иные причины. И все же после разгрома воинства Кучума дружиной Ермака в 1582 г. тобольские татары мигрировали на юг по Иртышу, на восток вплоть до Чулыма, но данных об отступлении татар на север в глубинную тайгу нет. В этой связи, очевидно, прав Н. А. Томилов, считающий, в противовес мнению В. В. Храмовой, что Заболотье заселялось

татарами задолго до прихода Ермака, а не в результате бегства туда кучумовских татар⁶⁹. Характерно и описание в хантыйском предании военного рейда татар на Васюган, в ходе которого пришельцы потеряли в болотах всех лошадей и потерпели поражение⁷⁰. По заключению Ю. Ф. Кирюшина и А. М. Малолетко, интенсивные передвижения скотоводов лишь в малой степени коснулись тасжного Васюгана, особенности природы которого „исключили возможность частого проникновения новых больших коллективов людей, что обусловило формирование здесь в течение длительного времени (с неолита) автохтонно развивающейся культуры местного населения“⁷¹.

По-видимому, и для военно-политической экспансии тюрков природные условия средней тайги Западной Сибири явились сдерживающим фактором. Таким образом, в целом переток степного и лесостепного населения в глубинную тайгу был затруднен причинами хозяйственно-экологического порядка. Различия в хозяйственных комплексах, в свою очередь обусловленные естественно-географическими обстоятельствами, предопределили в известной мере и этническое размежевание населения лесотасжной зоны Западной Сибири.

В итоге можно выделить несколько основных направлений влияния сибирских татар на тасжных угров. На этногенетическом этапе сибирские тюрки ассимилировали и частично отеснили на север угорское население Прииртышья и Притоболья. Сформировавшаяся на территории южной тайги и лесостепи сибирско-татарская общность во второй половине II тысячелетия находилась в постоянном и разнообразном взаимодействии с северными соседями. К числу форм влияния на этом (этноисторическом) этапе можно отнести торговую деятельность татар, установление даннических отношений, предполагавших со стороны угров внесение ясака (пушшиной), миграционные движения, вызывавшие уплотнение южно-угорского населения, распространение элементов производящего хозяйства (прежде всего скотоводства и коневодства). Однако не следует преувеличивать тюркское хозяйственно-культурное воздействие на южных угров, как это делается некоторыми авторами⁷², поскольку навыками животноводства и земледелия южные угры обязаны как сибирским татарам, коми, русским, так в определенной мере и собственным традициям. Иллюстрацией сказанному может служить анализ терминологии средств передвижения, сделанный В. Н. Чернецовым: часть мансийских терминов, обозначающих элементы конного транспорта, объясняется из татарского, зырянского и русского языков, часть, являясь общеугорскими, относится к более ранней эпохе⁷³. Виды производящего хозяйства — коневодство и земледелие — были известны южнотасжному угорскому населению, ассимилированному в I тысячелетии тюрками. Возможно, некоторые

формы хозяйства (земледелие) турки-скотоводы переняли именно от южных угров. Однако ханты и манси XVI—XX в., населявшие глубинно-таежные районы, в силу экологических особенностей местности скотоводством и земледелием специализированно не занимались; и существование этих отраслей во многом определялось инуюльтурным (русским, татарским, коми) воздействием.

3. Ретроспекция хозяйственных комплексов

На основе проведенной типологии отдельных отраслей хозяйства, картографирования и сопоставления особенностей тех или иных видов занятий выделяются следующие типы хозяйственных комплексов коренного населения Западно-Сибирского Севера, характерные для середины II тыс. н. э., то есть периода, предшествовавшего заселению Сибири русскими и активным миграциям в Зауралье коми (см. Приложение, картограмму 13).

На территории приморской тундры Ямала, побережья Байдарской губы и западного Гыдана существовал арктический промысловый тип хозяйственного комплекса, представленный населением, называемым в ненском фольклоре *сихиртя* или *ян-тэтто* и частично вошедшим в состав ненцев в виде родов *Яптик* („костяной“), *Яуугад* („морской охотник“) и, возможно, некоторых других. Основой данного типа хозяйства был промысел морского зверя, проходивший круглогодично и осуществлявшийся посредством гарпунов и копий. В летне-осенний период могла практиковаться охота с помощью скрада типа *„лата“* на лежбищных моржей; одновременно проходил промысел морского зайца на отмелях и льдинах, при этом, по-видимому, использовались кожаные каяки „из оленьих шкур“, „из рыбьих костей и кожи“ или „из китовых кишок“⁷⁴. Зимой и весной наибольший эффект давала охота на нерпу и тюленя у лунок и на припас, промысел моржа в полыньях и на краях льда посредством скрадывания, чему способствовали частые весенние туманы. Важнейшим средством охоты на морского зверя в зимнее полугодие была собачья упряжка, позволявшая совершать рейды в поисках зверя и использовавшаяся для перевозки добычи. В конце зимы — начале весны проходил промысел белого медведя с помощью собак. Значительным подспорьем в хозяйстве была утилизация китовых туш, выброшенных на отмели. Охота на дикого оленя („на плавях“) проводилась весной и осенью у переправ через водосмы, при этом использовались копыя и гарпуны, кожаные каяки. Летом производились искусственные поковки — загоны оленей в озеро с помощью собак. В зимнее полугодие промысел дикого оленя почти не производился, так как основная масса животных мигрировала к югу, а охота на одиночных „стоялых“ оленей была затруднена ввиду дефицита у приморских жителей деревянных

луков и стрел (вместо лука могли применяться метательные снаряды из тяжелой кости; ср.: *Яптик* — „тяжелая кость“, но в целом зимняя охота не была эффективной. Ограниченное значение имело лишь летнее остроговое рыболовство. Во второй половине лета проходила загонная охота на линную водоплавающую дичь (гуся, лебедя, гагу) с помощью костяных орудий типа ненецкой колотушки *янгач*. Круглый год производился лов песка — летом в норах, в остальное время — у нор давящими приспособлениями. Значительную роль в охоте на песка играли собаки, с помощью которых обнаруживались норы и производилась травля зверя. Необходимое место в пищеобеспечении занимало собирательство (корня *вануй*, трав для заварки кипятка: *ясай*, *лаймор-цодя* и др.). В качестве топлива использовали плавной лес, карликовый кустарник *памерка*, черный мох, сухие кости, жир морских животных. Жилища строились из костей морского зверя (ребер кита), плавного леса, покрывались шкурами оленя, морских животных, дерном. Одежда изготовлялась из шкур оленя, песка, белого медведя, тюленя, нерпы, водоплавающей дичи. Средством передвижения и перевозок являлись скорее всего приспособления типа лодки-нарты, керезжки, или волокуши; в качестве тягловой силы использовались собаки. Судя по тому, что все необходимые в тундре металлические изделия приписываются современными ненцами сихиртя, у зверобоев существовали обменные (очевидно, многоступенчатые) отношения с уральскими металлургами. Средством обмена служили прежде всего кость и кожа морского зверя. Морские охотники вели в основном оседлый образ жизни, совершая недолговременные промысловые рейды по побережью и вглубь тундры.

В середине II тыс. н. э. приморское хозяйство (особенно в южных районах — на побережье Байдарацкой губы) подвергалось аккумулятивному воздействию со стороны углубившихся в тундру промысловиков-оленоводов; прежде оно существовало относительно изолированно. Истоки формирования арктической хозяйственной культуры следует искать в ареале узкой тундры (например, в Нижнем Припечорье), где северотаежные промысловики-собаководы могли достигать морского побережья в начале сезона, затем обосноваться на нем уже постоянно в качестве морских зверобоев, после чего уже по прибрежной полосе расселиться на восток вплоть до Гыдана (дальнейшему продвижению воспрепятствовала непригодная для освоения арктическая пустыня Таймыра). В XVII в. приморский арктический тип хозяйства претерпел кардинальные изменения: благодаря переориентации на олениводство, пушной промысел и сетевое рыболовство, при утрате транспортно-охотничьего собаководства, ярко выраженной доминанты зверобойного промысла, он приобрел облик арктического типа хозяйства конца XIX — начала XX в.

Тундровый промыслово-оленоводческий тип хозяйственного комплекса был характерен для самодийского населения тундрово-лесотундровой полосы Западной Сибири. Главной его отраслью была охота на дикого оленя, проходившая почти круглый год. Весной производился промысел мигрирующего оленя на водных переправах, летом — применялись загоны (с помощью промысловых собак в водоемы, в коридор „махавок“ на засаду лучников, в ременные сети и т. д.); осенью вновь практиковалась поколка „на плавях“, а также охота с манщиком; в зимнее время наиболее эффективным был промысел с помощью скрадка-щита „лата“ и лука. В летнее полугодие проходила охота в тундровой местности, в зимнее — на северной границе леса. Важную роль в хозяйстве играл промысел мелкой и пернатой дичи: в конце лета осуществлялся загонный лов линной птицы (гуся, лебедя, утки) с помощью собак, в остальное время года проходила охота на песца, лисицу, зайца, куропатку посредством делящихся деревянных ловушек (типа слопцов) и петель. В летний период производился лов рыбы короткими тальниковыми сетями и острогами на тундровых реках и озерах, проходил сбор ягод, корней, трав.

В рамках данного типа уже к XV в. выделялась группа хозяйств, осуществлявшая выпас объединенного поголовья транспортных и промысловых (манщиков) оленей. В течение летнего полугодия данные хозяйства держались обособленно (выпас домашних и промысловых диких плохо сочетаются на одной территории) и были заняты почти исключительно оленеводством. Олени как транспорт использовались основной частью тундровых промысловых хозяйств в зимнее время, пастухами — круглый год. Охотничья собака-загонщик применялась пастухами не столько для промысла, сколько для окарауливания домашних стад.

Основой пищевого рациона являлось мясо оленя и мелкой дичи, дополняемое продукцией рыболовства и собирательства. Одежда изготовлялась из шкур дикого оленя, шкурок пушного зверя и птицы.

В связи с подвижностью и частичной занятостью тундровых охотников оленеводством допустимо предположить отсутствие у них постоянных жилищ: вероятно, в их среде и формировалась переносная коническая постройка, известная позднее как оленеводческий чум.

Данный тип хозяйства в середине II тыс. н. э. представлял собой промежуточную стадию процесса превращения охотников на дикого оленя в оленеводов. Прежде (до становления отгонного оленеводства) амплитуда сезонных миграций охотников в тундру была меньше; промысловые передвижения представляли собой относительно кратковременные рейды (весной, осенью) на южнотундровые угодья (переправы); летний и зимний периоды это население

проводило в лесной полосе. В хозяйственном цикле более значительную роль, чем впоследствии (в середине II тыс. н. э.), играло летнее рыболовство. Основным транспортным средством, служившим прежде всего для перевозки предметов обихода и продукции промыслов, являлись ручная нарта или лодка-нарта, в которую впрягались охотничьи собаки, олени-маньчики и сами охотники. Зимними жилищами были стационарные сооружения типа полуземлянок, летними — передвижные сооружения.

С XVII в. в рамках тундрового промыслово-оленьеводческого типа возник и развивался новый хозяйственный комплекс, основанный на крупностадном оленеводстве, которым в течение XVII—XIX вв. было поглощено и вытеснено хозяйство охотников на дикого оленя. Этому способствовал двусторонний процесс сокращения популяции дикого оленя и роста поголовья домашнего.

Третьим типом хозяйственного комплекса был прибрежно-тундровый промысловый, присущий самодийскому населению южной тундры и лесотундры Западной Сибири. Главными его отраслями были охота на дикого оленя и рыболовство. Весной и осенью производились скромные по масштабу поковки, летом — эпизодические загоны диких оленей с помощью собак; зимой проходила индивидуальная охота с маскировочным щитом, имевшая определяющее значение в этот период хозяйственного цикла. В течение лета и осени посредством тальниковых сетей и острог на озерах и реках практиковалось рыболовство, игравшее первостепенную роль в летнем обеспечении. В это же время прибрежно-тундровыми жителями нередко осуществлялся промысел белухи путем загона на отмель и закалывания копьями. В начале лета проходил лов водоплавающей дичи петлями на проталинах и гнездах, отстрел гусей, лебедей и уток из лука, во второй половине лета — загон линной птицы с помощью собак. Круглый год производился лов песка, лисицы, зайца, горностая, куропатки петлями и слопцами. Заметное место в хозяйственном комплексе занимало собирательство. Оленеводство (даже в форме содержания маньчика) в хозяйстве данного типа отсутствовало.

Прибрежно-тундровое население основывало хозяйство не на доминирующей отрасли, а на сочетании многих распространенных в тундровой зоне видов занятий; именно побережье полуморских губ являлось ареалом, пригодным для подобного совмещения. „Сборный“ хозяйственный цикл предполагал частые, хотя и короткие, перемещения по различным уголкам, в связи с чем носители прибрежно-тундрового типа хозяйства, по-видимому, не имели постоянных жилищ и использовали временные постройки типа шалашей, покрытых дерном⁷⁵. Передвижения осуществлялись лешком, транспортировка грузов — на ручных нартах (сюнка) с помощью одной-двух собак, имевших кроме того (и прежде всего) охотничьи

функции. Для летних промыслов применялись кожаные лодки, в течение остального времени хранившиеся на местах традиционных летовок.

Данный тип хозяйства представляет собой одну из первоначальных форм освоения тундры. Видимо, он сосуществовал с культурой охоты на оленя уже в первой половине II тыс. н. э., отличаясь от нее прежде всего акцентом на рыболовстве и промысле мелкой дичи, а также отсутствием практики использования манщика. С XVII—XVIII вв. он приобрел форму южнотундрового типа хозяйства (рубежа XIX—XX вв.), что связано с развитием крупнотундрового оленеводства и пушного промысла, а в XIX в. под влиянием русского рыбопромышленного предпринимательства прибрежное „полуолениводческое“ население составило костяк лесотундрового хозяйственного комплекса.

В северотаежной зоне Приобья существовал таежно-самодийский промыслово-олениводческий тип хозяйственного комплекса, к которому относилось население притоков Нижней Оби (ляпинская, сыневская, войкарская, куноватская, казымская самоедь), ненцы бассейнов пура и Верхнего Надыма, тазовские ненцы. Одной из основных отраслей этого хозяйства была охота на дикого таежного оленя, проводившаяся почти круглый год посредством загонов (для чего использовались „огороды“, завершавшиеся королями-загонами или выводявшие на засаду стрелков), индивидуального промысла с манщиком в осенний период, охоты с маскировочным щитом зимой и скрадом у водоемов летом. Для массовых способов промысла дикого оленя применялись собаки-загонщики (прототип пастушеских оленегонков). Охота на лося, осуществлявшаяся индивидуально летом у водоемов и осенью отстрелом во время гона, по удельному весу в хозяйстве заметно уступала промыслу дикого оленя. Лов рыбы проходил в летне-осенний период посредством запоров, облавливаемых короткими тальниковыми или крапивными неводами, а также путем лучения, применения крючковой снасти. Промысел дичи включал в себя летнюю охоту на водоплавающую птицу отстрелом из лука „на чучелах“ и загонем в период линьки, осенний лов боровой дичи со слопцами и петлями, охоту на белку, соболя, зайца, горностая, куропатку петлями и слопцами в зимнее полугодие, местами — круглогодичный лов бобра и выдры. Для пищеобеспечения немаловажное значение имел сбор кедрового ореха, ягод, корней, трав, вносивший необходимый растительный компонент в „меню“ таежных самодийцев. Основу пищевого рациона составляли продукты промыслов оленя, рыбы, мелкой дичи. Для изготовления одежды применялись шкуры оленя, птицы, пушного зверя (упоминания о бобровой одежде в фольклоре ненцев, вероятно, относятся к лесным самоседам).

Относительно жилищ северотаежных ненцев сказать что-либо определенное трудно. У пян-хасово в историко-этнографических

источниках фиксируется только чум, крытый в летнее время берестяными, в зимнее — меховыми нюками. Вместе с тем имеются данные второй половины XVII в. о подземном „образе жительствова“ самоседов⁷⁶. З. П. Соколова обнаружила на Казыме остатки шатровых полуземлянок и временных жилищ⁷⁷. Остается предположить существование у лесных самодийцев как стационарных (зимних полуземляночного типа), так и временных (летних берестяных) жилищ.

Средством передвижения в летнее время служила берестяная или выдолбленная из кедрового ствола лодка. Л. В. Хомич, правда, отметила, что „шитых лодок лесные ненцы в прошлом не знали“⁷⁸. Однако использование „веток из березовой коры“ зафиксировано у снисейских ненцев⁷⁹. В „остяцком“ фольклоре непременным атрибутом нападающих на хантыйские селения самоседов являются берестяные лодки⁸⁰. Подобные характеристики имеют аналогии в сказаниях кондинских манси о походах самоседов. В. Н. Чернецов считает берестянку древнейшим типом лодки в Северо-Западной Сибири⁸¹. По-видимому, нет оснований отрицать возможность существования в прошлом у лесных самодийцев шитых корьевых лодок, тем более, что при дефиците металлических орудий труда изготовить берестянку значительно проще, чем однодеревку.

В зимнее полугодие для перевозок использовались ручные нарты, в которые впрягались охотничьи собаки, немногочисленные промыслово-ездовые олени (совмещающие функции манщика и транспортного средства), а также сами охотники. В середине II тысячелетия северотаежные самодийские хозяйства практиковали оленеводство стационарного типа, хотя в отдельных районах (на крупных водоразделах) оно уже приобрело более значительные масштабы, приняв облик полувольного или отгонного выпаса и специализированно-транспортной ориентации.

В рамках самодийского промыслово-оленьеводческого типа хозяйства обособляется предгорный тип, характерный для ляпинских, сыневских и войкарских ненцев. Его отличия состоят в применении зимнего заборно-острогового рыболовства в левых незаморных притоках Оби и сложившейся системе отгонного горно-таежного оленеводства, которое располагало выделением группы хозяйств, занимавшихся летом окарауливанием сборных стад оленей в горных тундрах.

Впоследствии охарактеризованный тип хозяйства подвергся значительным изменениям. В результате сокращения численности дикого оленя в северной тайге многие, прежде всего загонные, способы охоты изжили себя. На смену активному промыслу крупных копытных пришли пассивные приемы (сооружения засек с ловчими ямами и самострелами), причем смена охотничьих культур сопровождалась этническими сдвигами: ненецкая загонно-скрадно-маншиковая охота уступила место угорской засечной. В дальнейшем,

как показал А. И. Пика на примере сосвинских манси, рыболовство персориентировалось с лова в верховьях и среднем течении рек на низовой промысел, масштабы оленеводства возросли благодаря развитию ходового беличьего промысла „со скоростью истощения запасов соболя“. В XVII—XVIII вв. в верховьях Северной Сосьвы, бассейне Тапсуя и на Кондо-Сосьвинском водоразделе начинает преобладать охотничий промысел, в низовьях Северной Сосьвы и на Оби — рыболовство, в тайге и горных тундрах Северного и Приполярного Урала — оленеводство. Вместе с тем данная региональная специализация, обусловленная „природно-хозяйственными“ особенностями отдельных районов, предусматривала сохранение целостности хозяйственной структуры населения Сосьвинского Приобья, поскольку названные субареалы не обособлялись, а представляли собой сезонно осваиваемые посредством круговых миграций эко-компоненты общего для северных манси хозяйственного комплекса⁸². Сходную эволюцию претерпел экономический уклад казымских и куноватских хантов. Своеобразие районов бассейна Пура и верхнего Надыма, предопределенное их относительной изолированностью от „очагов“ развития новых форм хозяйств — Оби и Урала, — состояло в сохранении „самодийского“ начала в охотничьем промысле, хотя и таежно-ненецкий тип хозяйства рубежа XIX—XX вв. по многим признакам (высокой значимости пушного промысла, сетевого рыболовства, оленеводства и сравнительно низкой — охоты на копытных) существенно отличается от хозяйственного комплекса таежно-самодийского типа середины II тыс. н. э.

Глубинно-таежный промысловый тип хозяйственного комплекса был распространен у селькупов, хантов, манси средней и частично южной тайги Западной Сибири, проживавших в среднем и верхнем течении притоков Оби, Иртыша и Тобола. Ведущей отраслью хозяйства этого типа был промысел крупных копытных, состоявший из применения засек в осенне-зимний период, раннесосенного отстрела лося из лука или посредством метательных снарядов при участии охотничьей собаки, ранневесенней индивидуальной гоньбы по насту, летнего „тормования“ у водоемов. Заметную роль в хозяйстве играла круглогодичная охота на мелкого зверя и таежную дичь: в конце весны — начале лета практиковался лов перелетной утки перевесами и кысканами, изготовленными из крапивного волокна; одновременно проходил отстрел из лука и ловля водоплавающей птицы „на чучслах“; во второй половине лета осуществлялся загонный промысел линной утки с применением крапивных сетей; осенью наиболее продуктивным был лов боровой дичи петлями и слопцами, в зимнее полугодие — зайца, соболя, белки, куницы, горноста, куропатки давящими приспособлениями типа слопцов, плашек, черканов; на лисицу, росомуху, выдру устанавливались небольшие самострелы. Особое значение имел промысел бобра,

состоявший в лимитированном отлове части выводка на „бобровых гонах“, рыболовство было основано на запорном способе с применением острог, крючковой снасти, коротких крапивных сетей и проходило летом на озерах и в верховьях рек, поздней осенью — лучением и посредством запоров у ключей. Немаловажную роль в пищеобеспечении играло собирательство.

В пищеобеспечении первостепенное значение имела продукция охотничьего промысла; наряду с лосем значительный удельный вес в цикле потребления в ряде районов имел бобр. Материалом для зимней одежды служили шкуры оленя, пушного зверя, птицы. Для ношения в летний период использовались изделия из налимьей, осетровой, стерляжьей и сомовой кожи, причем кожа шла на изготовление обуви, налимя — на пошив рубах, „кожанов“⁸³. „Старинной“ одеждой кондинскими манси и восточными хантами считаются рубахи из крапивного полотна. Возможно, данная традиция восходит к южному Приуралью, имеет источником культуру финноязычных народов Поволжья⁸⁴ и распространилась среди угров в Сибирь в середине II тыс. н. э. В фольклоре встречаются упоминания берестяной одежды хантов.

В качестве жилищ использовались каркасные шатровые землянки и полуземлянки, а также летние корьевые сооружения. Транспортным средством в летний период были долбленки-однодеревки или берестяные лодки, о существовании которых у манси сообщал И. Г. Георги⁸⁵. В остальное время года транспортировка грузов осуществлялась при помощи ручных нарт, в которые наряду с охотниками впрягались промысловые собаки. Для летних переходов по болотам использовались лыжи-голицы, для передвижения в зимнее время — лыжи с подволоками.

В рамках данного типа некоторым свособразием выделяется хозяйственный комплекс манси, основную роль в котором играл промысел лося посредством „огородов“: И. Г. Георги и П. С. Паллас отмечали, что для вогулов безусловно доминирующей в хозяйстве была „звериная ловля“, лоси составляли „главнейшее их довольство“, при этом проводилось описание засечной охоты, видимо, ведущего приема промысла⁸⁶. З. П. Соколова считает, что для южных и западных манси определяющее значение в хозяйстве имела охота в целом, а в числе ее приемов — загонный промысел лося, тогда как ханты были в большей степени рыболовы-„рыбоядцы“. Кроме того, если жилищами хантов были главным образом шатровые полуземлянки, то у манси — срубные постройки⁸⁷. В рассматриваемый период у предуральских манси начало распространяться оленеводство отгонного типа, заимствованное у „каменных“ самосдов. На основании сказанного представляется возможным обозначить хозяйственный комплекс манси как предуральский подтип глубинно-тасжного промыслового хозяйства.

Практика содержания олсней появилась в это время и у северных хантов, но не заняла еще прочного места в хозяйстве. В течение XV—XVIII вв. олсневодство транспортной ориентации распространилось среди многих групп хантов, причем, его „пути“ на юг пролагали по верховьям рек и водоразделам. За этот же срок произошли заметные сдвиги в промысловом хозяйстве глубинно-таежных угров вследствие возрастания роли пушного промысла, расширения новых средств охоты и рыболовства (огнестрельного оружия, сетевых снастей и т. д.) и одновременного снижения удельного веса промысла копытных, что в итоге привело к оформлению у хантов глубинно-таежного типа хозяйства (конца XIX — начала XX в.). Предуральский подтип благодаря сдвигу на север частично трансформировался в таежно-предуральский тип; мансийское население Тавды, Туры, Тагила под мощным хозяйственно-культурным влиянием сибирских татар, коми и русских подвергалось тюркизации и, позднее, русификации; манси бассейна Конды, испытав подобное воздействие в меньшей степени, сохранили этническую самобытность, однако в их хозяйстве также произошли кардинальные сдвиги, обусловившие складывание уже в XVIII в. выделяющегося высоким уровнем товаризации хозяйственного комплекса южнотаежного типа.

С хозяйством южных манси по некоторым признакам сходно южно-селькупское, тем не менее выделяющееся развитой практикой коневодства, рядом особенностей охоты на копытных (доминантой загонов по насту, применением ловчих ям и петель) и рыболовства (использованием весенних запоров типа атарм), что позволяет обозначить его как южно-самодийский вариант глубинно-таежного хозяйства.

Приречно-таежный промысловый тип хозяйственного комплекса наблюдался у хантов, проживающих по берегам и нижнему течению притоков Оби и Иртыша, а также у приобских селькупов. Главной его отраслью было рыболовство, проводившееся в летне-осенний период (запорами, сетями, короткими неводами, сетевыми ловушками, лучением, крючковой снастью) и осенне-весенний (запорами и острогами у ключей). Меньшее значение имел промысел крупных копытных, осуществляющийся осенью посредством сооружения засек и с помощью собак, ранней весной — гоньбой по насту, летом — путем „тормования“. Видное место в хозяйстве занимала охота на водоплавающую дичь, проходившая в конце весны — начале лета с помощью перевесов и кысканов (возникших как охотничий инвентарь в среде хозяйств данного типа), посредством петель, отстрела из лука „на чучелах“, во второй половине лета — путем загона линной птицы с помощью собак (в этом виде промысла могли употребляться крапивные снасти). Осенью производился лов „красной“ боровой пернатой дичи слопцами и петлями. В зимнее

полугодие проходил промысел пушного зверя, зайца, куропатки слопцами, самострелами, черканами, силками, причём, наибольшее значение, как и в глубинной тайге, имела охота на бобра. Вспомогательным видом деятельности было собирательство.

Основную роль в пищеобеспечении играло рыболовство, вторичную — охотничьи промыслы, собирательство. Летняя одежда изготовлялась из рыбьей кожи (упоминания о подобном „платье“ относятся прежде всего к приречным осяткам), зимняя — из шкур птиц, пушного зверя, собак, оленей. Жилищами служили землянки и полужемлянки, подобные описанным П. С. Палласом и М. А. Кастреном⁸⁸, в летний период — каркасные корьевые сооружения. В хозяйстве данного типа было развито упряжное собаководство. Кроме того, в низовьях Иртыша и Среднем Приобье часть населения использовала для передвижения лошадей. Летним транспортным средством являлась выдолбленная из кедра или осины лодка-однодеревка, получившая название „калданка“ (от своего назначения — для рыбной ловли калыданами). О ее традиционности в рыболовческой хозяйственной культуре свидетельствует погребальный обряд обских хантов, предполагавший захоронение в „калданной лодке“⁸⁹.

В названном хозяйственном комплексе обособляется северотаежный подтип, характерный для нижеобских хантов. Его отличают: применение для рыболовства как крапивных, так и тальниковых сетей (неводов), широкое распространение промысла калыданами. Нижнеобским населением, в отличие от среднеобского, практиковалась эпизодическая охота на морского зверя (белуху). В промысле крупных копытных ведущую роль играла охота на дикого оленя, сочетавшая угорские и самодийские традиции. Благодаря высокой продуктивности рыболовства собаководство в низовьях Оби было более развитым (до уровня ездового), чем в Среднем Приобье.

Под влиянием русских и коми в рыболовстве „речных“ хантов появились новые средства лова (конопляные сети, невода, дощатые лодки-неводники, переметы), значительно преобразовавшие облик промысла и превратившие его в неводно-запорный. С XVIII—XIX вв. рыболовство обских хантов оказалось в сфере деятельности русского рыбопромышленного предпринимательства и подверглось товаризации.

Таким образом, в середине II тыс. н. э. на территории Северо-Западной Сибири существовало шесть типов хозяйственных комплексов, к началу XX в. их число увеличилось до девяти за счет выделения в XVII—XIX вв. лесотундрового, приуральского и южнотаежного. Лесотундровый (XIX в.), основанный на промышленном неводном рыболовстве, и южнотаежный (XVIII в.), представляющий собой многоотраслевое товаризованное хозяйство, обязаны своим становлением русскому предпринимательству и торговле, культур-

ному влиянию русских, коми и сибирских татар. Предуральский тип (XVII в.) обособился от тасжно-ненецкого благодаря привнесению в Сосьвинское Приобье угорских хозяйственных традиций, а также развитию отгонного оленеводства транспортно-пище-сырьевой ориентации.

Тундровые типы хозяйственных комплексов (арктический промысловый, тундровый промыслово-оленеводческий, прибрежно-тундровый промысловый) подверглись коренной перестройке вследствие развития крупностадного оленеводства, пушного промысла, рыбной промышленности при снижении до минимума значения охоты на дикого оленя. Тасжно-самодийский промыслово-оленеводческий тип в модифицированной форме (в результате роста пушнодобычи, оленеводства и кризиса промысла крупных копытных) и территориально суженных рамок (благодаря заселению Нижнего Приобья уграми) сохранился у пян-хасово. Угорские промысловые типы хозяйства (глубинно-тасжный и приречно-тасжный) претерпели существенные изменения, обусловленные становлением специализированного пушного промысла, товарного рыболовства, распространением, с одной стороны, оленеводства (в глубинной тайге), с другой — коневодством (в приречных районах).

Значительное воздействие на материальную культуру коренного населения, помимо внутриэкономических факторов, оказали торговля и бытовая культура пришлого населения. Это выразилось в обновлении хозяйственного инвентаря огнестрельным оружием, металлическими изделиями, сетевой конопляной снастью, усовершенствованными средствами пушнодобычи и рыболовства. В тасжной зоне наиболее распространенным типом жилища стали срубные сооружения; традиционная кожаная, меховая, берестяная одежда уступила место покупной (русского производства); во многих районах тайги вошли в употребление дощатые лодки, сани. Благодаря расширению торговли пищевыми продуктами рацион коренного населения пополнился изделиями из муки, вследствие чего регрессировало натуральное собирательство, и отошли на второй план некоторые виды промыслов (мелкой дичи). Большую роль в этом отношении сыграло учреждение в XVIII в. на севере Западной Сибири хлебозапасных магазинов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История хозяйства коренного населения Северо-Западной Сибири не является „суммой историй“ отдельных отраслей или конкретных форм занятий. Ее действительное содержание заключается в развитии системы материально-практической деятельности, точнее — нескольких относительно самостоятельных систем (хозяйственных комплексов), которые благодаря воздействию централизованной политики и торговли постепенно интегрировались в хозяйственный макрокомплекс Северо-Западной Сибири.

Экономические сдвиги, связанные с факторами внешнего (русского, коми, татарского) воздействия, по-разному отразились на состоянии и структуре хозяйственных комплексов различных типов. Например, становление крупностадного оленеводства привело к полной перестройке хозяйства тундровых охотников на дикого оленя, существенным переменам занятий арктического и тундрового прибрежного промыслового населения, в меньшей степени сказалось на северотаежных комплексах и лишь косвенно — на среднетаежных. Развитие промышленного рыболовства обусловило формирование совершенно нового комплекса хозяйства в лесотундре, существенную модификацию прибрежно-таежного типа хозяйства и почти не затронуло тундрово-оленьеводческий, арктический, предгорно-таежный, таежно-ненецкий и глубинно-таежный хозяйственные комплексы. Распространение коневодства оказало воздействие на культуру таежных рыболовов-собаководов крупных рек, оленеводства — на хозяйственные комплексы глубинно-таежного населения. Расширение торговли, незначительно отразившееся на хозяйстве оленеводов тундры, лесных ненцев, предопределило формирование особого хозяйственного комплекса у кондинских манси, иртышских хантов, нарымских селькупов.

Однако, несмотря на самобытность локальных комплексов хозяйства и различия в их реакции на внешнеэкономическое воздействие, в совокупности они образовывали хозяйственный макрокомплекс с присущими ему внутренними связями. Основой этих связей была не только территориальная близость (в некоторых случаях

совместенность) конкретных хозяйственных комплексов, но и обменные отношения, „переток“ населения от одного типа хозяйства к другому. Ряд изменений, происшедших первоначально в локальных хозяйственных комплексах, впоследствии вызвал переформирование всего макрокомплекса (развитие оленеводства из Северного Предуралья, распространение через „речных“ хантов практики привнесенного русскими неводно-сетевого рыболовства). Целостность макрокомплекса была обусловлена не только связями локальных комплексов хозяйства, но и их взаимными противоречиями, своего рода борьбой различных хозяйственных традиций, к примеру, арктической зверобойной и тундровоолениводческой, тундровоолениводческой и лесотундровой рыболовной, таежно-самодийской охотничье-олениводческой и угорской промысловой, ненецкого оленеводства и угорского собаководства, среднетаежного собаководства и южнотаежного коневодства. Эта своего рода хозяйственно-культурная конкуренция приводила к распространению, сокращению, смене локальных хозяйственных комплексов (аккультурация оленеводами арктических охотников, продвижение угорского хозяйства в северо-таежную самодийскую зону и др.), то есть меняла автохтонную хозяйственную структуру в целом.

В период, предшествовавший присоединению Сибири к России, хозяйственный макрокомплекс обладал относительной слабостью, стабильностью внутренних связей, обусловленной эколого-экономической сбалансированностью жизнедеятельности коренного населения, натуральностью циклов производства и потребления. Так как подобная хозяйственная система настолько же внутренне уравновешена, насколько чувствительна к внешним влияниям, инокультурное воздействие во второй половине II тыс. н. э. привело к ее „денатурализации“ и подключению к глобальному комплексу экономики (экономической политики) России. В результате произошла существенная структурная модификация, пространственное перемещение локальных хозяйственных комплексов, их количество возросло с шести до девяти (к рубежу XIX—XX вв.); в то же время хозяйственные комплексы стали более однообразны — их самобытность несколько стерлась под нивелирующим воздействием торговли и товаризованных отраслей.

Некоторые факторы внешнего воздействия вызвали наиболее ощутимые изменения макрокомплекса хозяйства автохтонов Северо-Западной Сибири. К примеру, пушной бум предопределил не только интенсификацию пушного промысла, но и одновременную деградацию прочих зимних промыслов (совпадавших с ним сезонно), развитие транспортного оленеводства. Пушной промысел явился своего рода мостом между натуральной экономикой народов Сибири и российским предпринимательством (не случайно пушного промысла в первую очередь привлекла европейское население на Север Западной

Сибири, что, помимо всего прочего, обусловило промысел копытных и, как его следствие, переориентацию хозяйственных комплексов на новые отрасли); благодаря ему и другие хозяйственные формы развивались в дальнейшем при участии русской торговли, что выразилось в появлении новых орудий труда, дополнительного спроса на продукцию ряда отраслей (рыболовства, собирательства), „импортного“ компонента потребления (металл, ткань, пищевые продукты).

На протяжении XVI—XIX вв. произошло несколько крупных сдвигов в отдельных отраслях и комплексах хозяйства. В XVII в. сформировалось крупнотадное оленеводство; пушной промысел в XVI—XVII вв. сформировался как специализированная отрасль, а уже во второй половине XVII в. вследствие истребления соболя и бобра он был переориентирован на добычу песка и белки; рыболовство претерпело две качественные трансформации — с начала русской колонизации в связи с распространением сетевых снастей и на рубеже XVIII—XIX вв. в результате развития рыбопромышленности; промыслы дикого оленя и морского зверя с XVII в. пришли в упадок; с XVIII в. значительно сократилось натуральное собирательство, и в ряде районов появилось товарное.

Соответствующие изменения охватили и локальные хозяйственные комплексы. Если в XV в. в тундровом приморье доминировал зверобойный промысел, то в течение XVII—XIX вв. на первый план выдвинулось оленеводство; за этот же срок оленеводство полностью вытеснило господствовавшую в прошлом в хозяйственном комплексе тундрового населения охоту на дикого оленя; в XIX в. у части жителей лесотундры определяющим в хозяйстве стало неводное рыболовство; у манси Конды место преобладавшего прежде промысла копытных заняло рыболовство, большое значение приобрело товарное собирательство и т. д.

Вместе с тем экологические условия продолжали определять направленность того или иного хозяйственного комплекса. В низовьях рек главное значение сохранило рыболовство, в верховьях — охотничий промысел, в тундре — оленеводство (в XV—XVIII вв. — промысел дикого оленя, позднее — домашнего). По-прежнему выделялись самобытностью хозяйства районы предгорий Урала и крупного водораздела Пур-Надым-Казым.

Этноисторические процессы, происходившие на территории Северо-Западной Сибири во второй половине II тыс. н. э., тесно связаны с историей хозяйства. Развитие хозяйственного макрокомплекса было основой этнического взаимодействия коренного и пришлого населения. Эволюция локальных комплексов влекла за собой перестройку этнической ситуации автохтонов.

Развитие оленеводства имело следствием освоение ненцами Северного Ямала и ассимиляцию местных зверобоев (сихиртя), про-

движение на восток до Енисея и вытеснение („поглощение“) энцев. В XIX в. нужды оленеводства привлекли в Северо-Западную Сибирь коми-ижемцев. Сложившийся в XIX в. хозяйственный комплекс низовых рыболовов лесотундры явился „базой“ этномиксационных процессов для ненцев, хантов, манси, коми, русских, татар (и в настоящее время коренные жители побережья Обской губы, как правило, владеют двумя-четырьмя языками — русским, ненским, коми, хантыйским).

Эколого-хозяйственные границы выступали в ряде случаев этно-культурными рубежами: в XIX в. ханты, проникавшие в тундру, оленечивались, и в свою очередь тундровые ненцы, утратившие оленей и оказавшиеся в окружении северотаежного промыслового хозяйства, „обостячивались“; аналогичные процессы происходили при перетопе через таежно-лесной „барьер“ (южнотаежного и „интегрированного“ типов хозяйства) обских угров и сибирских татар¹. Вместе с тем данные хозяйственно-этнические границы исторически изменчивы, и конфигурации их зависят от развития и движения хозяйственных комплексов (заметную роль в этом отношении могут играть и миграционно-демографические процессы, которые в свою очередь предопределяются экономическими или политическими факторами). В прошлом, возможно, территория западно-сибирской тайги делилась на северотаежную (ненецко-энецкую, оленепромыслово-олениводческую), южнотаежную селькупскую, хантыйскую (прибрежно-рыболовческую) и мансийскую предуральскую (охотничью) этнохозяйственные зоны.

До развития товарных и производящих отраслей, способствовавших смещению и нивелировке хозяйственно-культурных традиций населения Северо-Западной Сибири, этничность хозяйственных комплексов проявлялась ярче. В Енисейской летописи, например, проведена довольно четкая этно-хозяйственная грань между ненцами и хантами: „Остяки же одежду имеют из рыб, самая же от оленей. Ездят остяки на псах, самая же на оленях“². Кроме одежды из рыбьей кожи и упряжного собаководства элементами угорской хозяйственной культуры были: применение для охоты на копытных засек с настороженными луками и ловчими ямами, пересосов для промысла водоплавающей дичи, крапивных сетей и сетных ловушек для рыболовства; атрибутами северосамодийского хозяйства — оленеводство, загонная охота на дикого оленя, использование оленя-манщика, маскировочного щита „лата“, применение для рыболовства неводов из тальникового лыка. В хозяйстве манси преобладала охота на копытных при подобном значении рыболовства, тогда как ханты, напротив, отличались развитым рыбопромыслом и ограниченными масштабами охоты на копытных. Заселение хантами Нижнего Приобья проходило как освоение рыболовами-собаководами оптимальной для их хозяйственного комп-

лекса экологической зоны (угорский клин направляется по побережью Оби). С другой стороны, в верховьях рек и на водоразделах доминировала самодийская (охотничье-оленоводческая) хозяйственная культура, сохранившаяся у пян-хасово на водоразделе Пур-Надым-Казым и существовавшая на Урале до начала интенсивных миграций в Сибирь приуральских угров.

Хозяйственный аспект межэтнических контактов отразился и в некоторых этнонимах. К примеру, термин *хаби*, которым ненцы именovali обских угров, селькупов, кетов, имел второе (а точнее первое) значение — „работник“, „раб“. Анализ фольклора показывает, что первоначально под *хаби* подразумевались люди, нанимавшиеся пастухами к оленеводам-ненцам. Впоследствии, в связи с массовым вовлечением северотаежных жителей в оленеводство, это название приобрело этнонимический характер. По утверждениям ненцев, в некие далекие времена хантов называли не *хаби*, а *салиндер* („житель мыса“ — ныне наименование онсечившихся хантов). Возможно, до развития крупностадного оленеводства ханты представлялись ненцам исключительно рыбаками — *салиндерами*, позднее — главным образом работниками-пастухами — *хаби*.

Не исключено, что хозяйственно-культурные основания имеют и дуально-фратриальные системы ненцев и обских угров. Б. О. Долгих и В. И. Васильев пришли к заключению, что ряд родовых подразделений тундрово-ненецкой фратрии Вануйто характеризуется такими признаками, как жизнь в „ямах“ (землянках), содержание собак или пеще передвижение при отсутствии оленей, морской зверобойный промысел. С другой стороны, ненцы фратрии Харючи традиционно считаются носителями оленеводства³.

Можно предположить, что Харючи являлись охотниками-оленеводами Северного Урала и тундры, в среде которых первоначально возникло, а затем развилось оленеводство в отгонной и крупностадной формах. Не случайно Карачейский род составлял так называемых „каменных“ (то есть уральских) самосдов. Примечательно и то, что в отличие от большинства таежного населения (пян-хасово, энцев, угров), причислявшегося к фратрии Вануйто, таежно-уральские ненцы (Пучи, Ныйвай, Пэбран-хасово) относились к Харючи. Оленеводы Харючи именовались *ненэй-неннэчэ* („настоящими ненцами“), противопоставляя себе „ненастоящих“ (ноленеводов) Вануйто, которые существенно отличались от них по культурно-хозяйственным признакам: *Яптик* („костяной“), *Яуцгад* („морской охотник“) относились к арктическому промысловому типу хозяйства, *Салиндер* („житель мыса“), *Неркыгы* („ивняковый“), *Тэймя* („берестяной чум“) — к приречно-таежному угорскому промысловому, *Вануйто* („озеро корня“), *Яр* („песчаный“, „песчаная коса“), возможно, к прибрежно-тундровому типу.

Становление и развитие крупностадного оленеводства, с одной стороны, дало толчок численному росту „настоящих ненцев“, с

другой стороны, «... еще более развило их контакты с соседними этно-культурными группами, пополнившими фратрию Вацуйго. Не случайно, как отметил В. И. Васильев, в XIX в. „черты дуальной организации у сибирских тундровых ненцев стали проступать значительно более выпукло, чем прежде“⁴.

Сходными причинами, возможно, объясняется формирование обско-угорской дуально-фратриальной системы, фиксируемой у северных групп хантов и манси. Продвижение на север среднеуральских манси — носителей тасжно-угорского промыслового хозяйства предуральского подтипа — привело их к столкновению с местной приречно-тасжной угорской (хантыйской) хозяйственной культурой. По материалам А. М. Золотарева, « фратрия Мось считалась старше фратрии Пор, а члены ее более искусны в лесном промысле... Мось поэтому постоянно смеялись над людьми Пор, упрекая их в неумении ловить зверя и охотиться. Особым образом сложив ладони рук, они показывали неуклюжий „каскан“ — сеть для ловли птиц, которым пользовались люди Пор»⁵ и который являлся атрибутом хозяйства приречно-тасжного типа. По данным В. Г. Бабакова, для Мось были характерны оленеводство, кочевой образ жизни, срубные постройки, для Пор — охота и рыболовство, оседлый образ жизни, землянки⁶. Как видно, Пор по хозяйственно-культурным признакам целиком соответствовали приречно-тасжному хантыйскому типу хозяйственного комплекса, Мось — предуральскому мансийскому. Благодаря практике отгонного оленеводства, заимствованной у ненцев, северные манси имели определенное хозяйственно-культурное сходство с уральскими лесными самоедами. Не случайно оленных манси соплеменники именовали „яранами“ (ненцами)⁷, а И. И. Авдеев предположил ненецкое (точнее оленеводческое. — А. Г.) происхождение фратрии Мось⁸.

Контакт двух культур привел к смене локально-билинейных экзогамных установок, свойственных полуседлому промысловому населению, дуально-экзогамными, основанными на многочисленных брачных контактах мобильного оленеводческого населения. Таким образом, представляется правомерной точка зрения В. Штейница, получившая поддержку в работах многих современных североведов, о складывании дихотомии Пор-Мось в результате смешения двух групп обских угров⁹, хотя сами эти группы изначально сформировались на основе различных хозяйственных комплексов.

Следует согласиться с М. Ф. Косаревым о том, что „ключ к пониманию истоков этнокультурной дифференциации древнего населения Западной Сибири следует искать в экологической специфике районов, определившей особенности хозяйственного уклада локальных коллективов со всеми вытекающими отсюда последствиями социального (культурного, этического) порядка“¹⁰. Если хозяйственно-культурный тип (ХКТ) представляет собой крупное типоло-

гическое понятие, не имеющее конкретного этнического воплощения и охватывающее несколько (несколько десятков) этносов, то хозяйственный комплекс определенного типа, ограниченный конкретными географическими и историческими рамками, может быть основой для формирования этнической общности различного уровня — от этнографической группы до этноса. Хозяйственный комплекс представлен локальной группой населения, производственно-потребительский цикл которого проходит однотипно. Общность естественно-географических и исторических условий, сходство хозяйственно-культурных традиций обеспечивали складывание единых социальных нормативов и мировоззренческих установок, чем, собственно говоря, и определялась этническая целостность коренных народов.

В XVII—XX вв. при централизующе-нивелирующем воздействии государства хозяйственные и социальные традиции все более „обобществлялись“: на первый план в качестве экономического ядра выступали „централизованные“ отрасли (прежде всего пушногодобица), вокруг которых в качестве периферии существовали „натуральные“. Этим усиливалась зависимость автохтонного хозяйства от государственной экономической политики и ослаблялась зависимость от природных условий и местных традиций. Таким образом, в хозяйственной деятельности оказался утраченным механизм саморазвития — в дальнейшем любой кризис был неразрешим средствами самого автохтонного хозяйства, а непременно требовалось вмешательство извне.

В XX в. централизованное воздействие охватило не только хозяйственную, но и специальную сферу, в связи с чем самостоятельные системы жизнедеятельности отдельных народов были разрушены. Хозяйственные комплексы перестали существовать, будучи перераспределенными „по отраслям и ведомствам“: среди коренного населения появились охотники, рыбаки и т. д. Тем самым хозяйственные занятия автохтонов стали придатками индустриально-сырьевой политико-экономической структуры, лишившись важнейшего традиционного свойства — взаимодополняемости.

В последние десятилетия весь западно-сибирский край превратился в энергосырьевой придаток государственного комплекса. В этой обстановке традиционные отрасли за незначительностью своих масштабов вообще „выпали“ из глобальной системы экономики и, будучи лишены поддержки, оказались в состоянии глубокого кадрового, технологического и экологического кризиса. В последние годы развивались по сути дела не хозяйство и культура коренного населения, а аппарат управления и система заготовок.

Не все, однако, народы в равной мере подверглись нивелирующему воздействию. В первую очередь это влияние охватило хозяйственные комплексы, основу которых составляли товаризованные

отрасли (пушнодобыча, промышленное рыболовство). Более стойкой оказалась экономически автономная система ненецкого тундрового хозяйства, ядром которой является оленеводство.

Единственным средством преодоления национально-культурного кризиса на Севере Западной Сибири представляется восстановление хозяйственно-культурной автономии коренных народов на основе соответствующих положений о землепользовании, организации производства и сбыта продукции, подготовке кадров, административном самоуправлении. Важнейшим принципом экономического развития является преодоление ведомственности и формирование многоотраслевых хозяйственных комплексов, прототипами которых могут послужить рассмотренные выше исторические типы хозяйственных систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
- ² Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972. С. 66, 87.
- ³ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 5.
- ⁴ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Спб., 1776, 1779. Ч. 1, 2, 3, 4; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1786, 1788. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1—2; Ч. 3. Кн. 1.
- ⁵ Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остатков и самосеов. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. // Тр. ин-та этнографии. Т. 5. М.; Л., 1947.
- ⁶ Белявский Ф. Поездка к Ледонитому морю. М., 1833.
- ⁷ Castren M. A. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844 Spb., 1853; Ahlquist A. Inter Wogulen und Ostjaken. Reisebriefe und ethnographische Mitteilungen. Spb., 1883. Кушелевский Ю. И. Путевые записки, веденные во время экспедиции 1862, 1863, 1864 г. Тобольск, 1864; Он же. Северный полюс и земля Ямал. Спб., 1868.
- ⁸ Душин-Горкавич А. А. Север Тобольской губернии. Тобольск, 1897; Он же. Тобольский Север. Тобольск, 1904, 1910, 1911. Т. 1, 2, 3; Городков Б. Н. Поездка в Салымский край // Ежегодник Тобольского губ. музея. 1913. Вып. 21. С. 1—100; Он же. Краткий очерк населения крайнего Северо-востока Западной Сибири // Изв. РГО. 1926. № 58. Вып. 2. С. 50—78; Шульц Л. Р. Очерк Кондинского района // Урал. Техничко-экономический сборник. Свердловск, 1926. Вып. 2. Ч. 1. С. 19—57; Шухов И. Н. Поездка в низовья р. Оби и Обскую губу // Изв. ЗСО РГО. Омск, 1913. Т. 1. Вып. 2; Он же. Р. Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губ. музея. 1915. Вып. 26. С. 1—57; Он же. Последние силы угасшего оленеводства в Тарском округе. Омск, 1927; Юданов И. Г. Тазовский район // Научно-промысловые исследования Сибири. Красноярск, 1928. Сер. А. Вып. 4; Скалон В. Н. Оленеводство в бассейне р. Таза // Сов. Север. 1931. № 9. С. 42—65; Он же. Рыбные промыслы в бассейне р. Таза // Сов. Север. 1931. № 3—4. С. 70—87; Шатилов М. Б. Вахонские остяки // Тр. Том. краевед. музея. Томск, 1931. Т. 4; Курдюмов А. Гыданский полуостров и его обитатели // Сов. Север. 1934. № 1. С. 129—140.
- ⁹ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 1. // Зап. РГО по отделению статистики. Спб., 1912. т. 11, Вып. 1.
- ¹⁰ Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Сов. этнография. 1935. № 4—5. С. 109—133.
- ¹¹ Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских уюров // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 18—28; Он же. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. // КСИИМК. 1946. № 13. С. 153—156; Он же. Древняя история Нижнего

Приобья // МИА. М., 1953. № 35. С. 7—71; *Он же*. Усть-полудийское время в Приобье // МИА. М., 1953. С. 221—241; *Мошинская В. И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуд // МИА. М., 1953. № 35. С. 72—106; *Она же*. Археологические памятники Севера Западной Сибири // Археология СССР. САИ. М., 1965. Вып. Д/3—8.

¹² См., например: *Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М.* Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979; *Смирнов Н. Г., Косищев П. А., Бородин А. В.* Влияние хозяйственной деятельности древнего населения на экосистемы Западной Сибири и Зауралья // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1980. С. 166—178; *Старков В. Ф.* Хозяйство населения лесного Зауралья в эпоху неолита и энеолита. // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1980. С. 141—148; *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 26—42.

¹³ *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь... С. 71—72.

¹⁴ *Бахрушин С. В.* Самоды в XVII веке // Сев. Азия. 1925. Кн. 5—6. С. 85—94; *Он же*. Русское продвижение за Урал // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 137—162; *Мурзина А. И.* К вопросу о социальном строе народов Северо-Западной Сибири // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1948. Сер. востоковед. наук. Вып. 2. С. 288—300; *Она же*. Манси (вогулы) в XVIII веке и первой половине XIX века // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1953. № 157. С. 215—236; *Миленко П. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.

¹⁵ *Хомич Л. В.* Пенцы. М.; Л., 1966; *Она же*. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных пенцев // Охотники, рыболовы, собиратели. Л., 1972. С. 199—214; *Соколова З. П.* Ханты // Вопр. истории. 1971. № 8. С. 213—218; *Бабаков В. Г.* Манси // Вопр. истории. 1973. № 4. С. 214—218; *Кулемзин В. М., Лукина П. В.* Васюганско-паховские ханты в конце XIX — начале XX в. Томск, 1977; *Нелих Г. И.* Селькуры XVII века (черки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981.

¹⁶ *Смерки* по этнической истории пенцев и энцев. М., 1970; *Васильев В. И.* Пенцы и энцы Таймырского национального округа // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 106—163; *Ишкя А. И.* Сосвинские манси как этносоциальная общность (XVII—XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

¹⁷ *Васильев В. И.* Проблема происхождения орудий заповного раболовства обских угров // Тр. ин-та этнографии. М., 1962. Т. 78. С. 137—152

¹⁸ *Павлов П. П.* Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.

¹⁹ *Васильев В. И.* Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера // Становление классов и государства. М., 1976. С. 314—341; *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории пенцев. Л., 1976; *Крупник И. И.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых пенцев // Сов. этнография. 1976. № 2. С. 57—69; *Лукина П. В.* Материалы по оленеводству восточных хантов // Сов. этнография. 1979. № 6. С. 110—121; *Она же*. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 10—17; *Козьмин В. А.* К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 163—171; *Он же*. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981; *Гельмуев И. П., Нелих Г. И.* Селькуновое оленеводство // Сов. этнография. 1974. № 3. С. 83—95.

²⁰ *Симченко Ю. П.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.

²¹ *Крупник И. И.* К истории аборигенной приморской культуры в западном секторе Арктики // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 70—73.

²² *Левин М. Г., Чебоксаров П. П.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Сов. этнография. 1955. № 4. С. 3—17.

- ²³ Там же. С. 4
- ²⁴ Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // Сов. этнография. 1968. № 2. С. 22—34; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Сов. этнография. 1972. № 2. С. 3—16.
- ²⁵ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972; *Он же*. К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южно-самодийских народов Саян в XVII—XVIII вв. // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 162—164; Жданко Т. А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуседелых скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей в Средней Азии // Археология и этнография Средней Азии. М., 1979. С. 148—153; Курьяев А. П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 168—169; Томиллов Н. А. Особенности синтеза хозяйства и культуры у народов южной и средней полосы Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 122—127.
- ²⁶ Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных предпосылках возникновения хозяйственно-культурных типов // Сов. этнография. 1970. № 6. С. 15—26.
- ²⁷ См.: Крупиц И. И. Становление крупнотабунного оленеводства...
- ²⁸ Марков Г. Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 150—151; *Он же*. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. — М., 1979. С. 23; Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 143.
- ²⁹ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы... С. 67; Чеснов Я. В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 109—124.
- ³⁰ Анисимов А. Ф. Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири. Л., 1969. С. 7—11.
- ³¹ Вереш П. Т. Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 185.
- ³² См.: Александренков Э. Г. Диффузионизм в зарубежной и западной этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976. С. 26—67; Чеснов Я. В. О теории „культурных областей“ в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976. С. 68—95; Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979; Марков Г. Е. Развитие современной германской буржуазной этнологии // Этнография за рубежом. М., 1979. С. 149—168.
- ³³ Burch E. S. The caribou wild reindeer as a human resource // American Antiquity. 1972. Vol. 37/3, part. I P. 348; Андерсон Д. Д. Об изменении доисторических моделей жизнеобеспечения эскимосов // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 71—73.
- ³⁴ Чеснов Я. В. Об этнической специфике... С. 114—117.
- ³⁵ Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. № 1. С. 8.
- ³⁶ Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982.
- ³⁷ Линкола М. Образование различных этноэкологических групп саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 55—57.
- ³⁸ Каган М. С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа. М., 1974. С. 22—29.
- ³⁹ Каган М. С. Классификация и систематизация // Типы в культуре. Л., 1979. С. 9.
- ⁴⁰ Хмелев А. М. Система, систематика, системный подход // Типы в культуре. Л., 1979. С. 17.

- ⁴¹ *Каган М. С.* Классификация... С. 8.
- ⁴² *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982. С. 95.
- ⁴³ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 43.
- ⁴⁴ *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь... С. 11.
- ⁴⁵ ТФ ГАГО, ф. 152, 329, 703; ГАОО, ф. 3, 1074; ГАЯНАО, ф. 12, 46; ЦА ТГИАМЗ, инв. № 75, 134, 296, 297.
- ⁴⁶ *Оксенов А.* Сибирь до эпохи Ермака // Том. губ. вед. 1889. № 2—4, 6, 10; *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932, 1936. Т. 1, 2; *Он же.* Сказания иностранцев о России и ненецкий эпос // Сов. этнография. 1935. № 4—5. С. 153—159; *Титов А.* Сибирь в XVII веке. М., 1890; *Андреев А. И.* Описание о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцев // Сов. этнография. 1947. № 1. С. 84—99; *Сибирские летописи.* Спб., 1907; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1; *Описание Тобольского наместничества.* Новосибирск, 1982.
- ⁴⁷ См., например: *Симченко Ю. Б.* Культура охотников... С. 137.
- ⁴⁸ *Анушин В. И.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Тр. Моск. археологии: о-ва. 1890. Т. 14. С. 227—313; *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура...; *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 243.
- ⁴⁹ *Castren M. A.* Samojedische volksdichtung // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1940. S. 83. *Lehtisalo T.* Entwurf einer mythologie der Jural-samojeden // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1924. S. 53; *Он же.* Jurako-samojedische Volksdichtung // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1947. S. 90; *Чернецов В. И.* Вогульские сказки. Л., 1935; *Вербов Г. Д.* Ненецкие сказки и былины. Салехард, 1937; *Долгих Б. О.* Мифологические сказки и исторические предания энцев // Тр. Ин-та этнографии. 1961. Т. 66; *Куприянова Э. Н.* Эпические песни ненцев. М., 1965; *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Легенды и сказки хантов. Томск, 1973; *Он же.* Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978.
- ⁵⁰ *Васильев В. И., Головнев А. В.* Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 33—41.
- ⁵¹ См.: *Baker P. T.* The application of ecological theory to anthropology // American Anthropologist. 1962. № 64. P. 15—22; *Vayda A. P.* Anthropologists and ecological problems // Man, culture and animals. The role of animals in human ecological adjustments. Washington, 1965. P. 1—6; *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 214; *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 7.
- ⁵² *Вашкевич Ф. В.* Изучение пастбищ оленей на Тобольском Севере // Сборник по оленеводству, тундровой ветеринарии и зоотехнике. М., 1932. С. 63—97; *Сдобников В. М.* К вопросу об экологии северного оленя // Вopr. экологии и биопе-нологии. 1939. № 5—6; *Друри И. В.* Оленеводство. М.; Л., 1955; *Он же.* Дикий северный олень Советской Арктики и Субарктики // Тр. Арктического ин-та. М.; Л., Т. 200. 1949; *Востряков П. Н., Броднев М. М.* Оленеводство на Ямале. Свердловск, 1964; *Панин Г.* Влияние климатических изменений на северного оленя // Сов. Север. 1930. № 7—8. С. 60—64; *Наумов Н. П.* Дикий северный олень. М.; Л., 1933; *Флеров К. К.* Копытные (Ungulata) арктических стран. Л., 1935; *Баскин Л. М.* Северный олень: экология и поведение. М., 1970; *Он же.* Поведение северных оленей как основа технологии промыслового хозяйства // Дикий северный олень в СССР. М., 1975. С. 267—274; *Наумов С. П.* Млекопитающие и птицы Гыданского полуострова // Тр. Полярной комиссии Академии наук. Л., 1931. Вып. 4; *Формозов А. Н.* Снежный покров в жизни млекопитающих и птиц СССР. М., 1946; *Гептнер В. Г., Банников А. Г., Насимович А. А.* Млекопитающие Советского Союза. М., 1961; *Чапский К.* Миграции и промысел белухи в северной части Обской губы // Тр. Арктического ин-та. Л., 1973. Т. 71; *Сыроечковский Е. Е.* Биологические ресурсы Сибирского Севера. М., 1974; *Природные условия цен-*

тральной части Западно—Сибирской равнины. М., 1977; Кириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XVIII—XIX вв.). Лесная зона и лесотундра. М., 1960.

Глава I

¹ *Тарасенков Г. Н.* Основные направления развития рыбной промышленности в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах Тюменской области. Тюмень, 1959.

² *Ноганлин Б. Г.* Рыбохозяйственные районы Западной Сибири и их биолого-промысловая характеристика // Тр. ТГУ. Томск, 1956. Т. 125. С. 7—144.

³ *Сырочковский Е. Е.* Биологические ресурсы... С. 46.

⁴ ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 30, л. 123; ГФ ГАГО, ф. 152, оп. 39, д. 5, л. 177; НА ТТИАМЗ, № 296. С. 69—72, 104.

⁵ Подсчитано по: *Скалон В. И.* Рыбные промыслы... С. 57; *Шатилов М. В.* Ваховские остьяки. С. 139; ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 6.

⁶ *Шатилов М. В.* Ваховские остьяки. С. 139.

⁷ Описание см.: *Sirelius U. T.* Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.

⁸ См.: *Лукина П. В.* Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 124.

⁹ *Шатилов М. В.* Ваховские остьяки. С. 139.

¹⁰ *Восводин Н. И.* „Древний неть“ через Ямал // Сов. Арктика. 1937. № 5. С. 110.

¹¹ Подсчитано по: ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3.

¹² *Душин-Горкавич А. А.* Север Тобольской губернии. С. 67—68.

¹³ *Исаенко В. Л.* Инородцы Туруханского края, выходящие на берега реки Енисей в районе с. Дудинка — ст. Осиновый, и их рыбный и др. промыслы // Материалы по исследованию р. Енисей в рыбопромысловом отношении. Красноярск, 1915. Вып. 9.

¹⁴ *Журавский А. В.* Результаты исследований Полярного Запечорья в 1907 и 1908 годах // Изв. РГО. 1909. Т. 45. Вып. 1—3. С. 220.

¹⁵ *Прудков И.* Северный Урал и его будущее // Изв. РГО. Пг., 1919. Т. 54. Вып. 1. С. 141—143.

¹⁶ ГФ ГАГО, ф. 152, оп. 39, д. 5, л. 124.

¹⁷ *Вербов Г. Д.* Лесные песни // Сов. этнография. 1936. № 2. С. 64.

¹⁸ Подсчитано по: ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 6.

¹⁹ ГАЯНАО, ф. 46, оп. 1, д. 4, л. 18; НА ТТИАМЗ, № 75, л. 11—12; № 134. С. 2—4; *Варнаховский Н. А.* Рыболовство в бассейне реки Оби. Сиб., 1898. Т. 1. С. 8—92.

²⁰ *Шуников В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.) М., 1956. С. 282.

²¹ *Матюшин Г. И.* Мезолит Южного Урала. М., 1976. С. 272.

²² *Киришин Ю. Ф., Малозетко А. М.* Бронзовый век... С. 128; *Косарев М. Ф.* Бронзовый век... С. 21.

²³ *Мошинская В. И.* Материальная культура... С. 74.

²⁴ *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии... С. 74; *Кушелевский Ю. И.* Северный полюс... С. 27; *Скалон В. И.* Рыбные промыслы... С. 52.

²⁵ *Симченко Ю. В.* Культура охотников... С. 103.

²⁶ *Кулежлин В. М., Лукина П. В.* Васюганско-ваховские ханты... С. 20.

²⁷ *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. С. 100—102.

²⁸ *Скалон В. И.* Рыбные промыслы... С. 52.

²⁹ *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы... С. 87.

³⁰ Описание Тобольского наместничества. С. 167.

³¹ *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии... С. 71.

- ³² *Белявский Ф.* Поездка к Ледовитому морю. С. 167.
- ³³ *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Спб., 1878. Ч. 2. Отд. 6. Кн. 2. С. 664.
- ³⁴ *Мищенко П. А.* Северо-Западная Сибирь... С. 156.
- ³⁵ *Свенищikov Н. А.* Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX — начале XX в. // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1961. Т. 222. С. 89.
- ³⁶ *Душин-Горкавич А. А.* Север Тобольской губернии. С. 134.
- ³⁷ *Васильев В. И.* Возникновение элементов... С. 340.
- ³⁸ *Варнаховский Н. А.* Рыболовство в бассейне реки Оби. С. 84.
- ³⁹ *Душин-Горкавич А. А.* Север Тобольской губернии. С. 134—135.
- ⁴⁰ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 39, д. 5, л. 14—22 об.: ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1678, л. 1—1 об.
- ⁴¹ *Васильев В. И.* Проблема происхождения... С. 142—143.
- ⁴³ *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии... С. 72.
- ⁴⁴ *Варнаховский Н. А.* Рыболовство в бассейне реки Оби. С. 10.
- ⁴⁵ *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы... С. 87.
- ⁴⁶ *Душин-Горкавич А. А.* Север Тобольской губернии. Приложение 1. С. 16—17.
- ⁴⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1677, л. 1—1 об.
- ⁴⁸ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 41, д. 342, л. 5—8.
- ⁴⁹ *Васильев В. И.* Возникновение элементов... С. 340—341.
- ⁵⁰ *Тереженко Н. М.* О русских влияниях на непещкий язык // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1953. № 157. Вып. 2. С. 63.
- ⁵¹ *Максимов С.* Год на Севере. Спб., 1859. Т. 1. С. 12; *Маслов П.* Кочевые объединения одиночных хозяйств в тундре северного края // Сов. Север. 1934. № 5. С. 33.
- ⁵² *Городков Б. Н.* Указ. соч. С. 54—55.
- ⁵³ *Бурмакин Е.* Гыданские рыбные промыслы // Сов. Арктика. 1938. № 6. С. 51.
- ⁵⁴ *Гурвич И. С., Долгих Б. О., Смоляк А. В.* Хозяйство народов Севера в XVII—XX веках // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 39.
- ⁵⁵ *Варнаховский Н. А.* Рыболовство в бассейне реки Оби. С. 33—34.
- ⁵⁶ *Свенищikov Н. А.* Указ. соч. С. 89.
- ⁵⁷ *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии... С. 21.
- ⁵⁸ *Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980. Ч. 1. С. 44.
- ⁵⁹ *Андреев А. И.* Указ. соч. С. 95.
- ⁶⁰ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 39, д. 76, л. 4—11.
- ⁶¹ *Мошинская В. И.* Железный век... С. 170—171.
- ⁶² *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии... С. 73.
- ⁶³ *Наллас П. С.* Путешествие... Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. С. 113.
- ⁶⁴ *Дмитриев П. А.* Охота и рыболовство в восточно-уральском родном обществе // Изв. ГЛИМК. М., 1934. Вып. 106. С. 200; *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности... С. 86.
- ⁶⁵ *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазья. М., 1981. С. 89; *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. С. 127.
- ⁶⁶ *Косарев М. Ф.* Бронзовый век... С. 219.
- ⁶⁷ См.: *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура...
- ⁶⁸ *Хомич Л. В.* Непцы. С. 75—76.
- ⁶⁹ *Клумов С. К.* Остров Вайгач, его промысловая фауна и промысловые возможности // Сов. Арктика. 1935. № 2. С. 56.
- ⁷⁰ *Наумов С. П.* Указ. соч. С. 49.
- ⁷¹ *Шренк А.* Путешествие к северу-востоку европейской России через тундры самодов к северным Уральским горам. Спб., 1855. С. 324.
- ⁷² *Чапский К. К.* Указ. соч. С. 8.

- ⁷³ См. об этом: *Успенский С. М., Холодова М. В.* Краниологические материалы по белому медведю из пенецких ритуальных жертвенников // Белый медведь и его охрана в Советской Арктике. М., 1977. С. 86—92.
- ⁷⁴ См., например: *Нансен Ф.* В страну будущего. Пг., 1915. С. 38.
- ⁷⁵ *Миддендорф А. Ф.* Указ. соч. Ч. 2. Отд. 5. Кн. 2. Спб., 1869. С. 159.
- ⁷⁶ *Castren M. A.* Reiscerinnerungen... S. 301.
- ⁷⁷ ИА ТГИАМЗ. № 296. С. 62.
- ⁷⁸ ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 5, л. 3—6.
- ⁷⁹ ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 5, л. 3—6; *Сыроечковский Е. Е.* Биологические ресурсы... С. 49.
- ⁸⁰ *Курилович А.* Указ. соч. С. 133.
- ⁸¹ ИА ТГИАМЗ. № 296. С. 38.
- ⁸² См. об этом: *Хомич Л. В.* Ненцы. С. 76—77.
- ⁸³ *Тобольская губерния.* Списки населенных мест по сведениям 1868—1869 годов // Списки населенных мест Российской империи. Спб., 1871. Т. 60. С. 226.
- ⁸⁴ *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура... С. 109—124.
- ⁸⁵ *Оксенов А.* Указ. соч. № 6.
- ⁸⁶ *Алексеев М. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 280.
- ⁸⁷ *Ламартийер П. М.* Путешествие в Северные страны // Зап. Моск. археолог. ин-та. 1912. Т. 15. С. 46; *Беляковский Ф.* Указ. соч. С. 528.
- ⁸⁸ См.: *Диков И. И.* Чинийский могильник. Новосибирск, 1974; *Арутюнов С. А., Крушник И. И., Членов М. А.* „Китовая аллея“. Древности островов пролива Сивилья. М., 1982.
- ⁸⁹ *Lehtisalo T.* Entwurf einer mythologie... S. 9—10.
- ⁹⁰ *Андреев А. И.* Указ. соч. С. 95.
- ⁹¹ *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии... С. 80; *Паллас П. С.* Указ. соч. Т. 4, Ч. 3. Кн. 1. С. 117.
- ⁹² *Ламартийер П. М.* Указ. соч. С. 46, 93.
- ⁹³ *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура... С. 124.
- ⁹⁴ *Крушник И. И.* К истории аборигенной приморской культуры... С. 71—72.
- ⁹⁵ См. также: *Бурдова В. С.* О носителях древней приморской культуры на полуострове Ямал // Сов. археология. 1965. № 2. С. 262.
- ⁹⁶ *Антропова В. В.* Культура и быт коряков. Л., 1971. С. 36; *Орехов А. А.* Древняя приморская культура Северо-Западного Берингоморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. С. 11.
- ⁹⁷ *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура... С. 125; *Васильев В. И.* Возникновение элементов... С. 326.
- ⁹⁸ *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье... С. 241.
- ⁹⁹ *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура... С. 111.
- ¹⁰⁰ *Крушник И. И.* К истории аборигенной приморской культуры... С. 71.
- ¹⁰¹ *Мошинская В. И.* Материальная культура... С. 82, 101.
- ¹⁰² *Паллас П. С.* Указ. соч. Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. С. 114.
- ¹⁰³ *Наумов С. П.* Млекопитающие и птицы... С. 38; *Друри И. В.* Дикий северный олень... С. 18, 19, 56.
- ¹⁰⁴ *Гейнер В. Г. и др.* Млекопитающие... С. 343.
- ¹⁰⁵ *Попов А. А.* Енисейские ненцы (юраки) // Изв. ВГО. 1944. Т. 26. Вып. 2—3. С. 78—79; *Хомич Л. В.* Ненцы. С. 64.
- ¹⁰⁶ *Друри И. В.* Дикий северный олень... С. 68.
- ¹⁰⁷ *Попов А. А.* Нганасаны. М., 1948. С. 31—36.
- ¹⁰⁸ *Миддендорф А. Ф.* Указ. соч. Ч. 2. Отд. 6. С. 664.
- ¹⁰⁹ ИА ТГИАМЗ, № 134, л. 4 об. — 11; № 296, С. 107—110.
- ¹¹⁰ *Скалон В. Н.* Оленеводство... С. 73.
- ¹¹¹ *Шульц Л. Р.* Очерк Кондинского района. С. 35; ИА ТГИАМЗ, № 75, л. 11 об.
- ¹¹² *Хомич Л. В.* Ненцы. С. 63.
- ¹¹³ *Долгих Б. О.* Очерки... С. 131, табл. 6.

- 114 *Симченко Ю. Б.* Культура... С. 66—67.
- 115 *Чернецов В. Н.* Очерк этногенеза... С. 19.
- 116 *Косарев М. Ф.* Бронзовый век... С. 216.
- 117 *Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М.* Указ. соч. С. 129.
- 118 *Мошинская В. И.* Материальная культура... С. 80—101; *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье... С. 232—237.
- 119 *Георги И. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 61; *Паллас П. С.* Указ. соч. Ч. 2. Кн. 1. С. 278, 326.
- 120 *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии... С. 24—33, 76—77.
- 121 *Белявский Ф.* Указ. соч. С. 205.
- 122 *Андреев А. И.* Указ. соч. С. 89.
- 123 *Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. Спб., 1847. С. 96—97.
- 124 *Мошинская В. И.* Материальная культура... С. 78, 80.
- 125 *Кушелевский Ю. И.* Северный полюс... С. 87.
- 126 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 39, д. 7, л. 4.
- 127 *Соколова З. П.* Страна Югория. М., 1976. С. 72.
- 128 *Косарев М. Ф.* Бронзовый век... С. 211.
- 129 *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии... С. 26.
- 130 *Гепнер В. Г. и др.* Млекопитающие... С. 325—326; *Скрябов В. Д.* Влияние антропогенного фактора на диких северных оленей // Дикий северный олень в СССР. М., 1975. с. 101.
- 131 ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 8, л. 35.
- 132 *Симченко Ю. Б.* Культура... С. 80.
- 133 *Симченко Ю. Б.* Основные черты культуры охотников на дикого оленя Северной Евразии // Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 3; *Он же.* Культура... С. 87—102.
- 134 *Долгих Б. О.* Морфологические сказки... С. 124.
- 135 *Чиндина Л. А.* Древняя история... С. 132.
- 136 НА ТГИАМЗ, № 296, С. 22—24.
- 137 ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3—5.
- 138 *Городков Б. Н.* Указ. соч. С. 52—53.
- 139 *Кушелевский Ю. И.* Северный полюс... С. 79—81; *Лукина Н. В.* Культурные традиции... С. 125; НА ТГИАМЗ, № 296, С. 42—45.
- 140 *Шатилов М. Б.* Указ. соч. С. 133—136.
- 141 ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 6.
- 142 *Шатилов М. Б.* Указ. соч. С. 133—137.
- 143 ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 6.
- 144 Подсчитано по: ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 6.
- 145 *Хомич Л. В.* Ненцы. С. 68.
- 146 *Павлов П. Н.* Пушной промысел... С. 39—50; *Он же.* Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70 годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 24, 39.
- 147 *Павлов П. Н.* Пушной промысел... С. 43—50.
- 148 *Третьяков П. И.* Первобытная охота в Северной Азии // Изв. ГАИМК. 1934. Вып. 106. С. 223.
- 149 *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях... Т. 1. С. 35.
- 150 *Титов А.* Указ. соч. С. 3.
- 151 *Гурвич И. С., Долгих Б. О., Смоляк А. В.* Указ. соч. С. 48.
- 152 *Косарев М. Ф.* Бронзовый век... С. 223.
- 153 *Смирнов Н. Г., Косищев П. А., Бородин А. В.* Указ. соч. С. 176.
- 154 *Титов А.* Указ. соч. С. 6.
- 155 *Описание Тобольского наместничества...* С. 172.
- 156 *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы... С. 87; *Он же.* Остяцкие и вогульские княжества в XV—XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 96.

- ¹⁵⁷ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967
С. 230, табл. 36.
- ¹⁵⁸ Knight R. A Re-examination of hunting, trapping and territoriality among the Northern Algonkian Indias // Man, culture and animals. Washington, 1965. P. 32—35.
- ¹⁵⁹ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества ... С. 98.
- ¹⁶⁰ Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии... С. 75.
- ¹⁶¹ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 39, д. 32, л. 22—25, 30—33.
- ¹⁶² Алексеев М. П. Сибирь в известиях... Т. 1, С. 161, 192, 218; Андреев А. И. Указ. соч. С. 34, 75.
- ¹⁶³ Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии... С. 75.
- ¹⁶⁴ Lehtisalo T. Jurako-samojedische Volksdichtung. S. 79—80; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору... С. 43.
- ¹⁶⁵ ГАЯНАО, ф. 46, оп. 1, д. 4, л. 6.
- ¹⁶⁶ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X — начало XX в.). М., 1982. С. 185.
- ¹⁶⁷ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1. С. 112—113; Гурвич И. С. Русские на Северо-востоке Сибири в XVII веке // Тр. ин-та этнографии. М., 1963. Т. 84. С. 82.
- ¹⁶⁸ Павлов П. Н. Пушной промысел... С. 160—162.
- ¹⁶⁹ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-вахонские ханты. С. 24—25.
- ¹⁷⁰ Ермолов Л. Б. Средства пассивной охоты как индикатор оседлости этноса // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 197.
- ¹⁷¹ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору ... С. 90—91.
- ¹⁷² Алексеев М. П. Сибирь в известиях... Т. 1. С. 35, 44.
- ¹⁷³ Васильев В. И. Проблема происхождения... С. 142.
- ¹⁷⁴ Павлов П. Н. Об участии и роли... С. 19.
- ¹⁷⁵ Хомич Л. В. Некоторые особенности хозяйства... С. 205.
- ¹⁷⁶ Глушков И. Чердынские вогулы // Этнографическое обозрение. 1900. Т. 15. Вып. 2. С. 41.
- ¹⁷⁷ Чернецов В. Н. Древняя приморская культура... С. 118.
- ¹⁷⁸ Описание Тобольского наместничества. С. 172.
- ¹⁷⁹ Чернецов В. Н. Вогульские сказки. С. 17; Чиндина Л. А. Древняя история... С. 132—133.
- ¹⁸⁰ Вилков О. Н. Ремесло и торговля... С. 239, 241.
- ¹⁸¹ Клоков К. Б. Географические закономерности размещения и использования охотничье-промысловых ресурсов Енисейской тайги: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1978. С. 11.
- ¹⁸² Ауэрбах Н. К. Заселение и развитие промыслов в низовьях Енисея // Научно-промысловые исследования Сибири. Красноярск, 1929. Сер. „А“. Вып. 6. С. 14.
- ¹⁸³ Наумов С. П. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁸⁴ ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3.
- ¹⁸⁵ Описание промысла см.: Шренк А. Путешествие... С. 244.
- ¹⁸⁶ НА ТГИЛМЗ, № 296. С. 46.
- ¹⁸⁷ Васильев В. И. Ненцы и энцы... С. 143.
- ¹⁸⁸ НА ТГИЛМЗ, № 296. С. 108.
- ¹⁸⁹ Шатилов М. Б. Указ. соч. С. 143; ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3—6.
- ¹⁹⁰ Шатилов М. Б. Указ. соч. С. 143.
- ¹⁹¹ ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 6.
- ¹⁹² Lehtisalo T. Jurako-samojedische Volksdichtung. S. 312—327.
- ¹⁹³ Городков Б. Н. Указ. соч. С. 56.
- ¹⁹⁴ Дунин—Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 1. С. 90; Рычков К. М. Березовой род юраков // Зап. ЗСО РГО. Омск, 1916. Т. 38. С. 174.
- ¹⁹⁵ Симченко Ю. Б. Культура... С. 102—103.
- ¹⁹⁶ Васильев В. И., Головнев А. В. Указ. соч. С. 35—36.
- ¹⁹⁷ Чернецов В. Н. Древняя приморская культура... С. 119.

- ¹⁹⁸ Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии... С. 35.
¹⁹⁹ Симченко Ю. Б. Культура... С. 102.
²⁰⁰ Хомич Л. В. Материалы по народным знаниям ненцев // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 233.
²⁰¹ Описание Тобольского наместничества. С. 29, 167, 172, 173, 179.

Глава II

- ¹ Тобольский округ // Населенные пункты Уральской области. Свердловск, 1928. Т. 12. С. 38.
² НА ТГИАМЗ, № 297, л. 29 об. — 30.
³ Курилович А. Указ. соч. С. 133—135.
⁴ Васильев В. И. Ненцы и энцы... С. 114, табл. 1.
⁵ Материалы приполярной переписи 1926—1927 гг. в Сибирском крае. Красноярск, 1928. Т. 1. С. 8—11.
⁶ Окулич И. К., Исаченко В. Л. Иногородцы низовья реки Енисей и рыбный промысел // Материалы по исследованию р. Енисей в рыбном промысловом отношении. Красноярск, 1909. Вып. 2. С. 7—12.
⁷ Рычков К. М. Указ. соч. С. 166.
⁸ Скалон В. Н. Оленеводство... С. 77.
⁹ Городков Б. Н. Указ. соч. С. 55.
¹⁰ ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 6.
¹¹ Тобояков В. Путешествие на Полярный Урал. М., 1930. С. 63.
¹² Тобольская губерния. С. 219.
¹³ Шатилов М. Б. Указ. соч. С. 135.
¹⁴ Суслев И. М., Расчет минимального количества оленей потребного для туземного середняцкого хозяйства // Сов. Север. 1930. № 3. С. 29—35.
¹⁵ Каргер Н. К. Оленеводство у енисейцев (кетов) // Сов. Север. 1930. № 6. С. 37; Скалон В. Н. Оленеводство... С. 77; Шатилов М. Б. Указ. соч. С. 136.
¹⁶ Востряков П. Н., Броднев М. М. Оленеводство Ямала. С. 6.
¹⁷ Попов А. А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган // Тр. Ин-та этнографии. 1952. Т. 18. С. 146.
¹⁸ В обзоре использованы данные: ГАОО, ф. 1074, оп. 86, д. 10; ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3—5; ф. 46, оп. 1, д. 18, 48; Материалы приполярной переписи. С. 8—11.
¹⁹ Баскин Л. М. Поведение северных оленей. С. 269.
²⁰ Гептнер В. Г. и др. Указ. соч. С. 337.
²¹ См., например: Хомич Л. В. Ненцы. С. 51—60; Прокофьева Е. Д. Оленеводство Тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 139—155; Козьмин В. А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 42—56.
²² Городков Б. Н. Указ. соч. С. 55; Юданов И. Г. Указ. соч. С. 16.
²³ Едемский М. Б. Самоеды и оленеводство в Куломском крае Архангельского округа // Изв. РГО. 1930. Т. 62. Вып. 1. С. 35.
²⁴ Хомич Л. В. Проблемы этногенеза... С. 75.
²⁵ Васильев В. И. Возникновение элементов... С. 325—326.
²⁶ Гурвич И. С., Долгих Б. О., Смоляк А. В. Указ. соч. С. 39.
²⁷ Крупник И. И. Становление... С. 67—69.
²⁸ Крупник И. И. Природная среда и эволюция тундрового оленеводства // Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975. С. 26—27; Он же. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 17.
²⁹ Крупник И. И. Становление... С. 69.
³⁰ Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии... С. 29; Георги И. Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 7; Беляский Ф. Указ. соч. С. 168.

- ³¹ *Повицкий Г.* Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941. С. 51.
- ³² *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях... Т. 2. С. 15.
- ³³ *Колычева Е. И.* Ненцы в Европейской России в конце XVII— начале XVIII века // Сов. этнография. 1956. № 2. С. 79.
- ³⁴ *Крупник И. И.* Становление... С. 65, 67.
- ³⁵ *Хомич Л. В.* Ненцы. С. 51.
- ³⁶ *Долгих Б. О.* Основные черты отцовско-родовых отношений у народов Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 98—99.
- ³⁷ *Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н.* Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974. С. 83.
- ³⁸ *Крупник И. И.* Природная среда... С. 31—40; *Он же.* Становление... С. 63—64.
- ³⁹ *Крупник И. И.* Становление... С. 61, 65.
- ⁴⁰ См.: *Ковалевский М. М.* Общинное земледелие, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879. Ч. 1. С. 38; *Арутюнов С. А.* Роль среды в формировании вариаций древнеаземоской культуры // Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975. С. 23; *Марков Г. Е.* Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // Сов. этнография. 1973. № 1. С. 112.
- ⁴¹ *Титов А.* Указ. соч. С. 3, 6.
- ⁴² *Бруин К. де.* Путешествие через Москву // Чтения в имп. обществе истории и древностей Российских. СПб., 1872. Кн. 1. С. 16.
- ⁴³ *Зуев В. Ф.* Описание живущих Сибирской губернии... С. 68.
- ⁴⁴ *Друри И. В.* Дикий северный олень... С. 25.
- ⁴⁵ *Попов А. А.* Нганасаны. С. 19; *Симченко Ю. Б.* Культура... С. 67.
- ⁴⁶ *Линкола М.* Указ. соч. С. 53.
- ⁴⁷ *Хомич Л. В.* Ненцы. С. 60.
- ⁴⁸ НА ТГИАМЗ, № 297. С. 12.
- ⁴⁹ *Козьмин В. А.* Оленеводство... С. 15.
- ⁵⁰ *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза... С. 78.
- ⁵¹ *Сибирские летописи.* С. 316.
- ⁵² *Платон В. М.* Описание Заозерского края // Урал. Техничко-экономический сборник. Свердловск, 1926. Вып. 8. Ч. 1. С. 128—129.
- ⁵³ *Чернецов В. Н.* Термины средств передвижения в мансийском языке // Памяти Богораза. М.; Л., 1937. С. 249—350; *Золотарев А. М., Левин М. Г.* К вопросу о древности происхождения оленеводства // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М., 1940. Т. 1. С. 186; *Василевич Г. М., Левин М. Г.* Типы оленеводства и их происхождение // Сов. этнография. 1951. № 1. С. 78.
- ⁵⁴ *Козьмин В. А.* Оленеводство... С. 15.
- ⁵⁵ *Матаев А. К.* Неройки карауля Урал. Свердловск, 1976. С. 157—159.
- ⁵⁶ *Кушелевский Ю. И.* Северный полюс... С. 118.
- ⁵⁷ *Патканов С. К.* Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. СПб., 1891. Вып. 3—4. С. 105.
- ⁵⁸ *Глушков И.* Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁹ *Козьмин В. А.* Оленеводство... С. 9—10.
- ⁶⁰ *Чернецов В. Н.* Термины... С. 349; *Золотарев А. М., Левин М. Г.* К вопросу о древности... С. 186.
- ⁶¹ *Козьмин В. А.* К вопросу о времени появления... С. 170—171.
- ⁶² *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Тр. ин-та этнографии. М., 1960. Т. 55. С. 68.
- ⁶³ *Титов А.* Указ. соч. С. 74.
- ⁶⁴ *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 204.
- ⁶⁵ *Козьмин В. А.* К вопросу о времени появления... С. 167.
- ⁶⁶ *Лукина Н. В.* Некоторые вопросы происхождения оленеводства... С. 15.

- 67 Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 204.
- 68 Лукина Н. В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства... С. 12.
- 69 Хомич Л. В. Ненцы. С. 50.
- 70 Титов А. Указ. соч. С. 74; Описание Тобольского наместничества. С. 300.
- 71 Тобольская губерния. С. 219.
- 72 Nellesen C. Theories on reindeer nomadism // Folk. 1961. Vol. 3. P. 101.
- 73 Описание Тобольского наместничества. С. 173, 300.
- 74 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 39, д. 5, л. 14—22 об.; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 220—224.
- 75 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 39, д. 5, л. 162.
- 76 Тобольская губерния. С. 219.
- 77 Дунин-Горкавич А. А. Север Тобольской губернии. С. 66.
- 78 Патканов С. К. Стародавняя жизнь... С. 68—69.
- 79 Шухов И. Н. Последние следы угасшего оленеводства в Тарском округе. Омск, 1927. С. 3—5; Шатилов М. Б. Указ. соч. С. 156.
- 80 Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Селькупское оленеводство... С. 93.
- 81 Пелих Г. И. Селькупы... С. 79—80; Гемуев И. Н. Семья у селькупов. Новосибирск, 1984. С. 95.
- 82 Васильев В. И. Система оленеводства... С. 75; Козьмин В. А. Оленеводство... С. 11.
- 83 Историографическую справку см.: Вайштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии // Сов. этнография. 1970, 1971. № 6, 5.
- 84 Максимов А. Н. Происхождение оленеводства // Учен. зап. ин-та истории Российской ассоциации научно-исследовательских ин-тов общества. наук. 1928. Т. 6. С. 18; Кагаров Е. Г. Ревизия этнографии народов Советского Севера на Западе и ее классовая подоплека // Сов. Север. 1931. № 11—12. С. 135; Васильев Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства... С. 79; Хомич Л. В. Проблемы этногенеза... С. 75—78; Шнирельман В. А. Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства // Сов. этнография. 1974. № 3. С. 50.
- 85 Долгих В. О. Очерки... С. 90; Вайштейн С. И. Проблема происхождения... № 5. С. 49; Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н. Появление оленеводства... С. 83; Козьмин В. А. Оленеводство... С. 7—8.
- 86 Васильев В. И. Проблемы формирования... С. 65.
- 87 Друри И. В. Дикий северный олень... С. 67; Хайду П. К этногенезу венгерского народа // Acta Linguistica. Budapest, 1953. N. 2, f. 3—4. С. 278—279; Симченко Ю. Б. Культура... С. 101.
- 88 Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985. С. 143—144; Она же. Некоторые вопросы происхождения оленеводства... С. 15.
- 89 Вайштейн С. И. К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении // Краткие сообщ. ин-та этнографии. 1960. Вып. 34. С. 59—60.
- 90 Рычков К. М. Указ. соч. С. 175—176; Прокофьев Г. Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 100; Вербов Г. Д. Лесные ненцы. С. 64; Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Селькупское оленеводство. С. 89—90.
- 91 Попов А. А. Тавгийцы // Тр. ин-та антропологии и этнографии. М.; Л., 1936. Т. 1. Вып. 5. С. 29.
- 92 Попов А. А. Енисейские ненцы... С. 76, 78.
- 93 Хомич Л. В. Проблемы этногенеза... С. 77.
- 94 Вербов Г. Д. Лесные ненцы. С. 64.
- 95 Прокофьева Е. Д. Оленеводство... С. 143.
- 96 Прокофьев Г. Н. Остяко-самоеды... С. 100.
- 97 Симченко Ю. Б. Культура... С. 101.
- 98 Вайштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. С. 123.
- 99 Хомич Л. В. Ненцы. С. 53.
- 100 Симченко Ю. Б. Культура... С. 76; Грачева Г. Н. Некоторые черты хозяйственной деятельности народностей Севера Средней Сибири в прошлом и в настоящем // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 114—116.

лов невозможно; подобные индивидуальные стада для летнего выпаса должны были объединяться в более крупные, численностью до 400 и более голов. Следует также отметить, что указанные „европейские“ данные могут быть недостаточно показательны для тундровой зоны Сибири.

Таким образом, становление крупнотабунного оленеводства в западно-сибирской тундре, как справедливо считают некоторые авторы (В. И. Васильев, И. С. Гурвич, Б. О. Долгих, А. В. Смоляк), пришлось на XVII век. При этом процесс складывания данной формы хозяйства, по-видимому, занял достаточно большой промежуток времени. И. И. Крупник считал, что начальную и заключительную стадии развития крупнотабунного оленеводства отделяет довольно значительный (не менее 50—70 лет) хронологический отрезок (у европейских ненцев и чукчей — 50—80 лет, у нганасан — 80—100, у сибирских ненцев — более 100, у тундровых энцев и ненцев низовьев Енисея — около 150). В приведенных расчетах обращают на себя внимание и остаются необъясненными перепады длительности „переходного“ периода у тундровых энцев и нганасан, населявших смежные территории Таймыра и имевших много общего в укладе хозяйства, у европейских, сибирских и снисейских ненцев, проживавших в экологически сходных условиях. Кроме того, по мысли И. И. Крупника, крупнотабунное оленеводство вначале установилось, а уже затем тундровому населению пришлось к нему приспособляться: „Все это время (50—70 лет после становления. — А. Г.) крупнотабунное оленеводство продолжало существовать в качестве подсобной отрасли в рамках в целом промыслового хозяйства. Весь образ жизни ненцев по-прежнему подчинялся еще производственным интересам охоты и рыболовства, нередко в ущерб оленеводству“; в данный переходный период „должны обязательно произойти постепенная хозяйственная и социальная перестройка общества охотников-оленьеводов и, наконец, коренная ломка всех прежних психических стереотипов и представлений“³⁴.

Следует еще раз подчеркнуть, что крупнотабунное оленеводство в силу своей „технологии“ всегда занимает в хозяйственном комплексе ведущее место. Более того, выработка и перестройка навыков и образа жизни должны происходить не после, а в процессе становления новой отрасли хозяйства. По-видимому, первоначально к практике оленеводства тундрового типа перешло незначительное число хозяйств, имевших к тому времени (XVII в.) сложившиеся навыки выпаса и использования домашних оленей. Формирование подобной „протооленеводческой“ группы можно представить следующим образом. В условиях доминанты промыслов и транспортного назначения оленеводства передвижение на оленях осуществлялось главным образом в зимнее полугодие, так как для транспортного

использования оленей летом необходима либо верховая езда (не фиксируемая у тундровых ненцев), либо — при нартенном способе передвижения — большое количество оленей (то есть крупностадное оленеводство). В летнее полугодие притундровое население, занимавшееся охотой и рыболовством, передавало транспортных оленей пастухам, как это делалось в XIX—XX вв. северными манси, лесотундровыми ненцами и хантами. Пастушеские хозяйства, имевшие круглогодичный контакт со сборными стадами (в том числе своими), а также возможность усиленно наращивать собственное поголовье, и явились костяком будущих оленеводов тундры. Следовательно, крупностадному оленеводству предшествовало отгонное (предуральское и тундровое).

Причины смены форм оленеводства у народов евразийской (в том числе западно-сибирской) тундры в XVII (XVIII) в. рассматриваются исследователями по-разному. Л. В. Хомич считает, что в увеличении размеров стад на протяжении XVIII в. „какую-то роль играло постепенное истребление сначала в европейских, а затем в азиатских тундрах стад диких оленей. Кроме того, оленеводство стало приобретать значение как средство для расширения пушной охоты, и богатые оленеводы стали заботиться о росте своих стад“³⁵. Б. О. Долгих основную причину развития крупностадного оленеводства видит в поддержке и охране русской администрацией частнособственнических интересов стадовладельцев, тогда как прежде „богач был бы очень скоро экспроприирован своими же сородичами. Кроме того большое стадо оленей было бы объектом постоянных воцелений соседей, и роду богача пришлось бы почти непрерывно восвать“³⁶.

Некоторые авторы главным фактором становления тундрового оленеводства называют природно-климатический. По мнению Л. П. Хлобыстина и Г. Н. Грачевой, „изменение климата в сторону повышения зимних температур и увлажнения, приходившихся на период I тысячелетия н. э., должно было вызвать уменьшение поголовья дикого оленя, что, по-видимому, заставило людей изменить традиционную форму хозяйства“, то есть перейти к оленеводству³⁷. По предположению И. И. Крупника, появление крупностадного оленеводства связано, наоборот, с благоприятными для нагула и плодовитости домашних оленей климатическими колебаниями (температурного баланса и влажности воздуха). Вся первая половина II тысячелетия определена автором как неблагоприятная для развития оленеводства, периоды с 1570 по 1650 и с 1720 по 1830 гг. — как благоприятные. Правда, в первый промежуток времени поголовье оленей не увеличилось по причине накала междоусобий и начала русских завоеваний, тогда как в XVIII в. политическая ситуация стабилизировалась, что и сопутствовало процессу стремительного развития оленеводческого хозяйства³⁸.

- ¹⁰¹ *Белявский Ф.* Указ. соч. С. 77, 168.
- ¹⁰² *Карев Г. И.* Возникновение и развитие северного оленеводства // *Магаданский оленевод.* 1963. № 3, С. 45—47.
- ¹⁰³ *Clark J. G. D.* The stone age hunters. N-Y., 1967. P. 64—65.
- ¹⁰⁴ *Burch F. S.* Op cit. P. 344—365.
- ¹⁰⁵ *Друри И. В.* Оленеводство... С. 16.
- ¹⁰⁶ *Скалон В. Н., Хороших И. П.* Об оленных писаницах Северной Азии // *КСИИМК*, 1951. Вып. 39. С. 62; *Кызласов Л. Р.* Древнейшее свидетельство об оленеводстве // *Сов. этнография.* 1952. № 2. С. 49.
- ¹⁰⁷ См.: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976. С. 14.
- ¹⁰⁸ *Богораз В. Г.* Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке // *Сб. музея антропологии и этнографии.* 1927. Т. 6. С. 44.
- ¹⁰⁹ См.: *Народы Сибири.* М.; Л., 1956. С. 618.
- ¹¹⁰ *Долгих Б. О.* Езда на собаках у русского старожильского населения низовьев Енисея // *Краткие сообщ. ин-та этнографии.* 1960. Вып. 35. С. 28; *Он же.* Принесение в жертву олений у иганасан и энцев // *Краткие сообщения ин-та этнографии.* 1960. Вып. 33. С. 77.
- ¹¹¹ *Хомич Л. В.* Ненцы. С. 39, 90.
- ¹¹² *Васильев В. И.* Проблемы формирования... С. 57, 64—65.
- ¹¹³ *Чернецов В. Н.* Очерк этногенеза... С. 23; *Мошинская В. И.* Археологические памятники... С. 22, 41.
- ¹¹⁴ *Левин М. Г.* О происхождении и типах упряжного собаководства // *Сов. этнография.* 1946. № 4. С. 100—101; *Историко-этнографический атлас Сибири.* Л.; Л., 1961. С. 53, 64—65.
- ¹¹⁵ *Лашук Л. П.* Упряжное собаководство в Северо-Западном Приуралье // *Краткие сообщ. ин-та этнографии.* 1954. Вып. 20. С. 33; *Он же.* Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958. С. 57.
- ¹¹⁶ *Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М.* Указ. соч. С. 129.
- ¹¹⁷ См.: *Лукина П. В.* Формы почитания собаки у народов Северной Азии // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии.* Л., 1983. С. 227—233.
- ¹¹⁸ *Кулемзин В. М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. С. 160.
- ¹¹⁹ *Lehtisalo T.* Entwurf einer mythologie... S. 9—10.
- ¹²⁰ *Castren M. A.* Samojedische Volksdichtung... S. 172—188.
- ¹²¹ *Lehtisalo T.* Entwurf einer mythologie... S. 75.
- ¹²² *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура... С. 132.
- ¹²³ *Керцелли Н. Г.* Несколько слов о мезенских самоедах // *Тр. этнограф. отд. имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те.* 1874. Кн. 2. Вып. 1. С. 71; *Васильев Ю. А.* Собаки в фольклоре и культе северных народов // *Сов. Арктика.* 1935. № 5. С. 77; *Понов А. А.* Енисейские пенцы... С. 95.
- ¹²⁴ *Патканов С. К.* Стародавняя жизнь... С. 70.
- ¹²⁵ *Васильев Ю. А.* Собаки в фольклоре... С. 73; *Долгих Б. О.* Матриархальные черты в верованиях иганасан // *Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии.* М., 1968. С. 217; *Грачева Г. Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983. С. 46, 105.
- ¹²⁶ *Васильев В. И.* Проблемы формирования... С. 56—57.
- ¹²⁷ *Lehtisalo T.* Entwurf einer mythologie... S. 84.
- ¹²⁸ *Покровская А. К.* К Новой Земле. М., 1933. С. 9.
- ¹²⁹ *Максимов А. И.* Указ. соч. С. 24; *Васильев Ю. А.* Транспортное собаководство Севера // *Сов. Арктика.* 1936. № 47. С. 82; *Левин М. Г.* О происхождении и типах... С. 108; *Лашук Л. П.* Упряжное собаководство... С. 32; *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 42—43.
- ¹³⁰ *Мошинская В. И.* Археологические памятники... С. 22.
- ¹³¹ *Lehtisalo T.* Jurako-samojedische Volksdichtung... S. 86—87.

- ¹³² *Повицкий Г.* Указ. соч. С. 46; *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 204; *Георги И. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 68; *Паллас П. С.* Указ. соч. Ч. 3. С. 22; *Андреев А. И.* Указ. соч. С. 101.
- ¹³³ *Титов А.* Указ. соч. С. 17—21, 169; *Сибирские летописи.* С. 112, 242.
- ¹³⁴ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 39, д. 5, л. 14—22 об.; ГАОО, ф. 3. оп. 1, д. 620, л. 220—224.
- ¹³⁵ *Андреев А. И.* Указ. соч. С. 101; *Васильев В. И.* Ненцы и энцы... С. 139.
- ¹³⁶ *Зуев В. Ф.* Описание жилищ Сибирской губернии... С. 64.
- ¹³⁷ *Титов А.* Указ. соч. С. 6; *Описание Тобольского наместничества.* С. 172.
- ¹³⁸ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 39, д. 5, л. 177, 180.
- ¹³⁹ *Шульц Л. Р.* Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым // Ежегодник Тобольского губ. музея. Тобольск, 1913. Вып. 21. С. 4.
- ¹⁴⁰ ТФ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 6, л. 137 об.
- ¹⁴¹ См.: *Тереженко П. М.* Пененко-русский словарь. М., 1965; *Она же.* О русских влияниях... С. 69.
- ¹⁴² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 220—225 об.; ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 37, д. 5, л. 82—84; оп. 39, д. 5, л. 14—22 об.
- ¹⁴³ *Шатиллов М. Б.* Указ. соч. С. 140—141.
- ¹⁴⁴ *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Васюганско-ваховские ханты... С. 31, 81.
- ¹⁴⁵ *Чиндина Л. А.* Древняя история... С. 133.
- ¹⁴⁶ *Мошинская В. И.* Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 40; *Косарев М. Ф.* Бронзовый век... С. 206, 220.
- ¹⁴⁷ *Чиндина Л. А.* Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. С. 99—101, 119, 132.
- ¹⁴⁸ *Косарев М. Ф.* Бронзовый век... С. 229.
- ¹⁴⁹ *Гондатти Н. Л.* Следы язычных верований у маньзов // Тр. этнограф. отд. имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. 1886. Кн. 7. С. 7—11; *Патканов С. К.* Стародавняя жизнь... С. 69, 70, 77—78; *Он же.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Спб., 1891. С. 12; *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Спб., 1891. С. 62; *Чернецов В. Н.* Жертвоприношения у вогулов // Этнограф-исследователь. 1927. № 1. С. 24—25.
- ¹⁵⁰ *Мошинская В. И.* Некоторые данные о роли лошади... С. 39, 44.
- ¹⁵¹ *Мищенко Н. А.* Северо-Западная Сибирь... С. 154.
- ¹⁵² *Мурзина А. И.* Манси (вогулы) в XVIII веке и первой половине XIX века // Учен. зап. ЛГУ. 1953. Вып. 2, № 157. С. 225.
- ¹⁵³ *Паллас П. С.* Указ. соч. Ч. 2. Кн. 1. 278, 326.
- ¹⁵⁴ *Матюценко В. И.* Естественно-географический и социально-экономический факторы миграций древнего населения Приобья и Прииртышья // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 43—45.
- ¹⁵⁵ *Томислов Н. А.* Особенности синтеза... С. 122—126; *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь... С. 52.
- ¹⁵⁶ *Матюшин Г. П.* Указ. соч. С. 226; *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. С. 115.
- ¹⁵⁷ *Столколов В. С., Королев К. С.* Археологическая карта Коми АССР. М., 1974. С. 32—33.
- ¹⁵⁸ *Омчуков Н. Е.* По Чердынскому уезду // Живая старина. Спб., 1901. Вып. 1. С. 70.
- ¹⁵⁹ *Косарев М. Ф.* Бронзовый век... С. 211.
- ¹⁶⁰ *Киришин Ю. Ф., Малолетко А. М.* Указ. соч. С. 131.
- ¹⁶¹ *Шульц Л. Р.* Очерк Коцдинского района... С. 40—43; ГАЯИАО, ф. 46, оп. 1, д. 5, л. 9—13; ИА ТГИАМЗ, № 134, л. 4—13.
- ¹⁶² ГАЯИАО, ф. 46, оп. 1, д. 5, л. 9; ИА ТГИАМЗ № 296, С. 106.
- ¹⁶³ *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 29—30.

- ¹⁶⁴ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- С. 51.
- ¹⁶⁵ *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь... С. 161—162.
- ¹⁶⁶ *Пика А. И.* Биологические ресурсы Сосьвинского Приобья и их использование аборигенным населением в XVIII—XIX вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 163.
- ¹⁶⁷ *Мошинская В. И.* Городище и курганы Потчеван // Материалы и исследования по археологии. М., 1953. № 35. С. 206, 216; *Могильников В. А.* Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. н. э. // Тр. Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. Вып. 4. С. 289—290; *Косарев М. Ф.* Бронзовый век... С. 220.
- ¹⁶⁸ *Западная Сибирь* // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Сиб., 1907. Т. 16. С. 252.
- ¹⁶⁹ *Бояришилова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск. 1960. С. 45.
- ¹⁷⁰ *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 393.
- ¹⁷¹ *Мурзина А. И.* Манси (вогулы)... С. 223.
- ¹⁷² *Описание Тобольского наместничества.* С. 28—29.
- ¹⁷³ *Мурзина А. И.* Манси (вогулы)... С. 224—225.
- ¹⁷⁴ *Мартынова Е. П.* Земледелие у южных хантов в XIX в. // Проблемы этнографии и социологии культуры: Тез. докл. конференции. Омск, 1988. С. 59—60.
- ¹⁷⁵ *Пелих Г. И.* Селькупы... С. 76—77.
- ¹⁷⁶ ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 31, д. 33, л. 1—123 об.; оп. 37, д. 495, л. 12—13; оп. 39, д. 5, л. 245—343; д. 74, л. 7—7 об.; д. 98, л. 98 об.; д. 157, л. 4—4 об.; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 28, л. 42—43.

Глава III

- ¹ Подробнее см.: *Васильев В. И., Головнев А. В.* Указ. соч. С. 33—41.
- ² *Мирзоев В. Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. 1960. С. 63; *История Сибири.* Л., 1968. Т. 2. С. 25; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964. С. 8—17.
- ³ *Александров В. А.* Происхождение русского населения Енисейского края в XVII в. // Тр. ин-та этнографии. М., 1962. Т. 78. С. 29; *Он же.* Особенности колонизации Сибири // Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 37—39.
- ⁴ *Бахрушин С. В.* Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 2. С. 52.
- ⁵ *Шунков В. Я.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.; Л., 1946. С. 151; *Он же.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.) М., 1956. С. 50.
- ⁶ *Вилков О. Н.* Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибирь в XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 59—63, табл. 1.
- ⁷ *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 172—173.
- ⁸ *Александров В. А.* Русское население... С. 59.
- ⁹ *Курилов В. Н.* О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII века // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 114.
- ¹⁰ *Вилков О. Н.* Торговые пути... С. 62—63; табл. 1.
- ¹¹ *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь... С. 45.
- ¹² *Быконя Г. Ф., Колесников А. Д.* Основные направления крестьянских переселений в XVIII в. // Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 157.

- ¹³ Александров В. А. Заселение Сибири в конце XVI—XVII в. // Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 33.
- ¹⁴ Миленко Н. А. Северо-Западная Сибирь... С. 61—74.
- ¹⁵ Громико М. М. Западная Сибирь XVIII в. Новосибирск, 1965. С. 75; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь... С. 72, 76.
- ¹⁶ Миленко Н. А. Северо-Западная Сибирь... С. 56—57.
- ¹⁷ Васильев В. И. Возникновение элементов... С. 337.
- ¹⁸ История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 57.
- ¹⁹ Миленко Н. А. Северо-Западная Сибирь... С. 46, табл. 2.
- ²⁰ Тарасенков Г. Н. Рыбное хозяйство па Ямале. С. 83.
- ²¹ Воейков А. И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Изв. РГО. 1909. Т. 45. Вып. 1—3. С. 45—46.
- ²² Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972. С. 61.
- ²³ Алексеев В. П. Близкий к современности краниологический материал по финно-угорским народам, их расовая дифференциация и этногенез // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974. С. 67—68.
- ²⁴ Лашук Л. П. Формирование... С. 21—38; 60, 230; Жеребцов Л. П. Историко-культурные взаимоотношения... С. 57—58, 75.
- ²⁵ Георги И. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 66.
- ²⁶ Фишер И. Э. Сибирская история. Спб., 177. С. 3.
- ²⁷ Штейниц В. Из топонимики Северного Приобья // Вопр. географии. 1962. № 58. С. 110; Матвеев А. К. Неройки... С. 154—155.
- ²⁸ Castren M. A. Reiseerinnerungen... S. 279.
- ²⁹ Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII веке. // Сев. Азия. 1929. № 1. С. 54.
- ³⁰ Жеребцов Л. Н. Указ. соч. С. 101—102.
- ³¹ Очерки по истории Коми ССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. С. 116.
- ³² Жеребцов Л. П. Указ. соч. С. 107.
- ³³ Обориц В. А. Миграции местного населения и их роль в освоении Урала и XVI—XVII веках // История СССР. 1974. № 4. С. 71.
- ³⁴ Жеребцов Л. Н. Указ. соч. С. 105.
- ³⁵ Иславин В. Самоеды... С. 20.
- ³⁶ См.: Белицер В. П. Очерки по этнографии народов коми // Тр. ин-та этнографии. 1958. Т. 14. С. 60—62, 143—144, 256—257.
- ³⁷ Жеребцов Л. Н. Указ. соч. С. 180—182.
- ³⁸ Васильев В. И. Проблемы формирования... С. 207.
- ³⁹ ТФ ГАТО, ф. 703, оп. 1, д. 5, л. 42 об. — 43.
- ⁴⁰ Теплоухов А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Зап. Уральского о-ва любителей естествознания. Свердловск, 1924. Т. 29. С. 87; Матвеев А. К. Неройки... С. 50.
- ⁴¹ Красильникова Э. Д. Торговля и торговые люди Коми края в XVII в. Сыктывкар, 1972. С. 58.
- ⁴² Жеребцов Л. Н. Указ. соч. С. 185.
- ⁴³ Там же. С. 184—185.
- ⁴⁴ Шренк А. Указ. соч. С. 116; Лашук Л. П. Очерк этнической истории... С. 62; Терещенко Н. М. Иенецко-русский словарь. С. 530.
- ⁴⁵ Долгих Б. О. Мифологические сказки... С. 209.
- ⁴⁶ Castren M. A. Reiseerinnerungen... S. 308.
- ⁴⁷ Васильев В. И. Проблемы формирования... С. 210.
- ⁴⁸ Долгих Б. О. Очерки... С. 176—177.
- ⁴⁹ См.: Хомич Л. В. Пенцы. С. 60.
- ⁵⁰ Могильников В. А. Культура племен... С. 291.
- ⁵¹ Киликов Б. А. К этносоциальной характеристике культуры таежного Прииртышья VI—XIII вв. и. з. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 67.

⁵² *Коников Б. А.* Курганная группа X—XII вв. н. э. у с. Усть-Ишим Омской области // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 110.

⁵³ *Соболев В. И.* К вопросу об этническом формировании барабинских татар // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 131.

⁵⁴ *Коников Б. А.* О тюркском компоненте в культуре населения лесного Прииртышья конца I — начала II тысячелетия н. э. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 140—141.

⁵⁵ *Лашук Л. П.* Формирование... С. 61.

⁵⁶ *Старцев Г.* Остяки. М., 1928. С. 9; *Штейниц В.* Хантыйский остяцкий язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. 1. С. 194.

⁵⁷ *Фишер И. Э.* Указ. соч. С. 85; *Георги И. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 66.

⁵⁸ См.: *Лашук Л. П.* Из этнонимии Северо-Западной Сибири // Вестн. МГУ. 1966. Сер. История. Вып. 2. С. 73.

⁵⁹ *Фишер И. Э.* Указ. соч. С. 79; *Георги И. Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 93; *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск, 1981. С. 21.

⁶⁰ *Спафарий П. М.* Путешествие через Сибирь в 1675 году // Зап. РГО по отделению этнографии. Спб., 1882. Т. 10. Вып. 1. С. 48; *Новицкий Г.* Указ. соч. С. 28; *Фишер И. Э.* Указ. соч. С. 83.

⁶¹ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население... С. 165.

⁶² *Флоринский В. М.* Заметки о происхождении слова „Сибирь“ // Изв. Том. ун-та. 1889. Кн. 1. С. 11—12; *Патканов С. К.* О происхождении слова „Сибирь“ // Сиб. вестн. Спб., 1892. Кн. 2. С. 139; *Чернецов В. П.* Основные этапы... С. 155.

⁶³ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население... С. 105.

⁶⁴ *Соколова Э. П.* Обские угры // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 23, 41.

⁶⁵ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население... С. 64, 104, 135, 168.

⁶⁶ *Томилов Н. А.* Особенности синтеза хозяйства... С. 122—126.

⁶⁷ *Львова Э. Л.* К вопросу о некоторых закономерностях развития этноса и хозяйственно-культурного типа (на примере чулымских тюрков) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 117—121.

⁶⁸ *Синяев В. С.* Граница между чулымцами и чулымскими селькупам в XVI—XVII веках // Тр. Томского обл. краевед. музея. Томск, 1963. Т. 6. Вып. 2. С. 47—52.

⁶⁹ См.: *Храмова В. В.* Заболотные татары // Изв. ВГО. 1950. Т. 82. Вып. 2. С. 177; *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население... С. 34, 96—97.

⁷⁰ *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Материалы по фольклору хантов. С. 29.

⁷¹ *Киришин Ю. Ф., Малолетко А. М.* Указ. соч. С. 5.

⁷² См.: *Бояришинова Э. Я.* Указ. соч. С. 45; *Валеев Ф. Т.* Западно-Сибирские татары во второй половине XIX — начале XX в. Казань, 1980. С. 24.

⁷³ *Чернецов В. П.* Термины средств передвижения... С. 354.

⁷⁴ *Ламартиньер П. М.* Указ. соч. С. 77; *Белявский Ф.* Указ. соч. С. 528; *Норденшельд А. Э.* Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе „Вега“ в 1878—1880 гг. Спб., 1881. Вып. 1. С. 94.

⁷⁵ *Ламартиньер П. М.* Указ. соч. С. 50.

⁷⁶ *Алексеев М. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 154.

⁷⁷ *Соколова Э. П.* Материалы по жилищам, хозяйственным и культурным постройкам обских угров // Тр. ин-та этнографии. 1963. Т. 84. С. 227—228.

⁷⁸ *Хомич Л. В.* Некоторые особенности хозяйства... С. 205.

⁷⁹ *Рычков К. М.* Указ. соч. С. 135.

⁸⁰ *Патканов С. К.* Стародавняя жизнь... С. 68.

⁸¹ *Чернецов В. П.* Термины средств передвижения... С. 358—359.

⁸² *Иика А. И.* Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII—XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 12—15; *Он же.* Соседская община в процессе формирования северо-мансийской этнической общности // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 158—159.

⁸³ *Варнаховский П. А.* Указ. соч. С. 107; *Описание* Тобольского наместничества. С. 167.

⁸⁴ См.: *Приткова Н. Ф.* Одежда хантов // Сб. музея антропологии и этнографии. 1953. Т. 15. С. 170; *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев как один из источников решения вопроса об этногенезе // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 124.

⁸⁵ *Георги И. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 61.

⁸⁶ *Паллас П. С.* Указ. соч. Ч. 2. Кн. 1. С. 327; *Георги И. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 61.

⁸⁷ *Соколова З. П.* К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 99.

⁸⁸ *Паллас П. С.* Указ. соч. Ч. 3. Кн. 1. С. 25; *Castren M. A.* Reiseerinnerungen... S. 306.

⁸⁹ *Росляков И. П.* Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губ. музея. Вып. 4. С. 3.

Заключение

¹ *Белич И. В., Головнев А. В.* О характере миграций населения таежного Приобья // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. докл. по этнографии. Омск, 1983.

² *Сибирские летописи.* С. 112, 181, 242.

³ См.: *Долгих Б. О.* Очерки... С. 53—64, 103; *Васильев В. И.* Проблемы формирования... С. 54—57.

⁴ *Васильев В. И.* Социальная организация азиатских ненцев, энци и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 199.

⁵ *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 228.

⁶ Цит. по: *Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. М., 1983. С. 107.

⁷ *Теплоухов А. Ф.* Следы бывшего пребывания... С. 83.

⁸ *Ладеев И. И.* Песни народа манси. Омск. 1936. С. 123.

⁹ *Steinitz W.* Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien // Ethnos. Stockholm, 1938. № 4—5. S. 132—136. *Верев П.* Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 112; *Васильев В. И.* Проблемы формирования... С. 70—71; *Иика А. И.* Сосьвинские манси... С. 11.

¹⁰ *Косарев М. Ф.* Условия сложения культур бронзового века в Западной Сибири // Вopr. археологии Урала. Свердловск, 1981. С. 80.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГО** — Всесоюзное географическое общество
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАЯНАО — Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа
ЗСО РГО — Западно-Сибирский отдел Русского географического Общества
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры
МИА — материалы и исследования по археологии
НА ТГИАМЗ — Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
РГО — Русское географическое общество
САИ — Свод археологических источников

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Расселение народов Северо-Западной Сибири на рубеже XIX—XX вв. скот: ненцы— --- лесные ненцы— --- селькупы— T ханты— x манси— o

Рис. 2. Природная зональность Северо-Западной Сибири:
 арктическая тундра $\nabla \nabla$ мохово-лишайниковая тундра $- -$
 лесотундра $\odot \odot$ северная тайга $\triangle \triangle$ средняя тайга $| |$
 южная тайга $\times \times$ условные границы зон $\cdots \cdots$

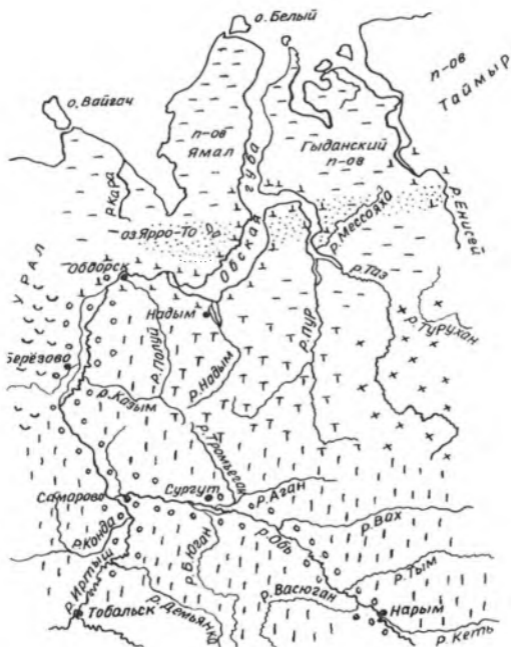

Рис. 3. Рыболовство на рубеже XIX—XX вев.

Типы*: тундровый сетевой — (южнотундровый $\cdot\cdot\cdot$), низовой неводной $\perp\perp$ (ненецкий лесной $\top\top$), неводно-запорный $\circ\circ$ (предгорно-таежный $\sim\sim$), запорно-сетевой $\updownarrow\updownarrow$ (североселькунский $\times\times$)

* Здесь и на подписях к рис. 4, 7, 8, 11, 14, 15, 16 в скобках даны варианты типов.

Рис. 4. Рыболовство в ретроэволюции.

Типы: тундровый острогово-сетевой $- - -$, заповрно-сетевой $\circ \circ$ (прибрежно-тундровый $\perp \perp$), заповрно-острововой $\updownarrow \updownarrow$ (приморский острововой $\nabla \nabla$)

Рис. 5. Приемы промысла кончатных на рубеже XIX—XX веков:

с машинком — загоном на упряжках \circ засеки ||
скрадывание у водоемов \sim с маскировочным щитом \sim
лапой по пасту \times с собаками во время тона (досей) \bullet

Рис. 6. Промысел копытных на рубеже XIX—XX веков:
 арктический ∇ ∇ предгорно-таежный \times \times таежно-тундровый \triangle \triangle
 лесотундровый $-$ северотаежный $|$ $|$ среднетаежный \circ \circ

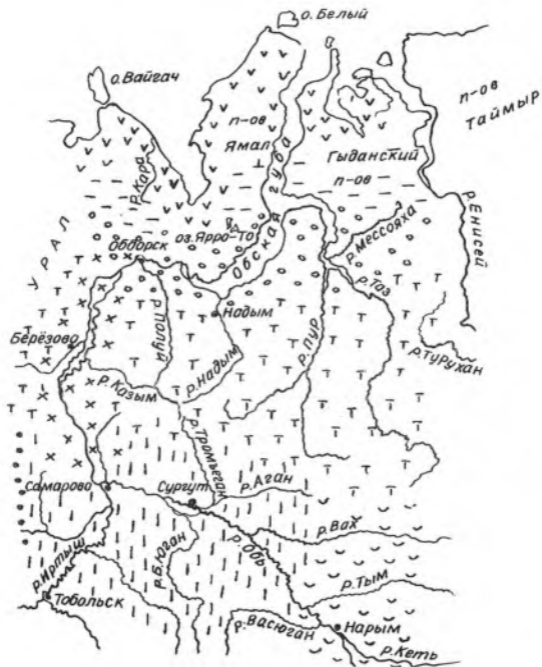

Рис. 7. Промысел копытных в ретроспекции.

Типы: арктический $\nabla \nabla$, тундровый — —, южнотундровый $\circ \circ$, тасжно-самодийский ТТТ (предуральский * * *), таежно-угорский \updownarrow (северотаежный $x x$), южно-селькупский $\cup \cup$

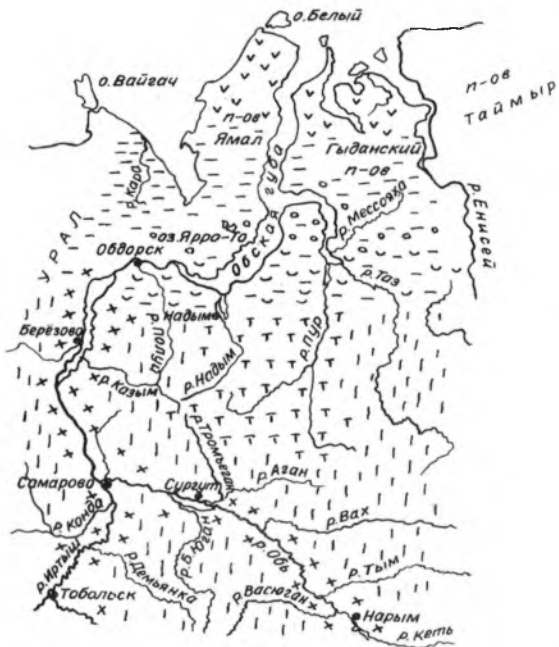

Рис. 8. Пушной промысел.

Типы: тундровый песочный (арктический $\nabla \nabla$, тундровый $- -$, южнотундровый $o o$, лесотундровый $\sim \sim$), таежный беличий (таежно-ненецкий $T T$, глубинно-таежный $| |$, приречно-таежный $x x$)

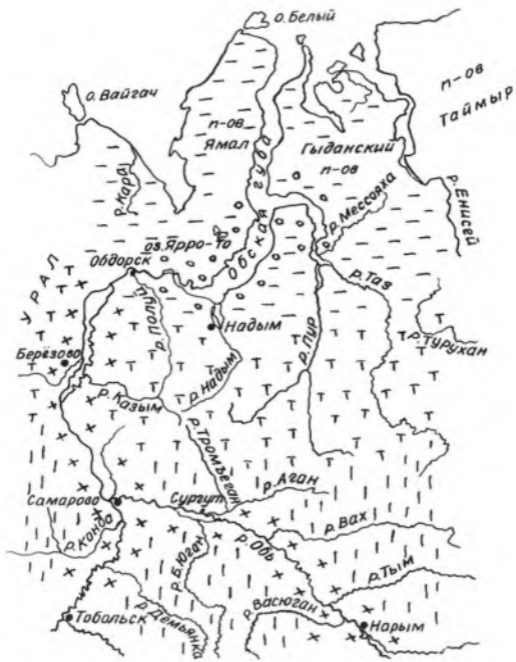

Рис. 9. Промысел мелкого зверя и дичи:

гундровый — прибрежно-тундровый °° таежно-самодийский ТТТ
 приречно-таежный х х глубинно-таежный | |

Рис. 10. Направление миграций оленеводов (лето-зима):
 тундровое меридиональное — северотаяжное — таяжное —
 предуральское вертикальное x x лесотундровое широтное

Рис. 11. Оленеводство на рубеже XIX—XX веков.

Типы: тундровый крупнотабунный — (прибрежный $\perp\perp$), лесотундровый $\circ\circ$ (арктический $\vee\vee$), таежный || (таежно-ненецкий T T), горно-таежный отгонный $\times\times$ (таежно-избенный $\bullet\bullet$.)

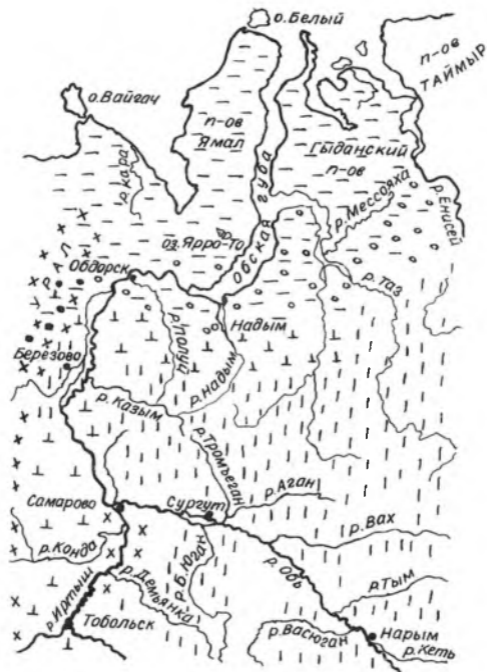

Рис. 12. Оленеводство в ретроспекции:

стационарное ⊥⊥ отгонное x x таежное (XV—XIX вв.) |||
 крупнотабунное --- лесотундровое (с XVII—XVIII вв.) °°
 очаг domestikации оленя ••

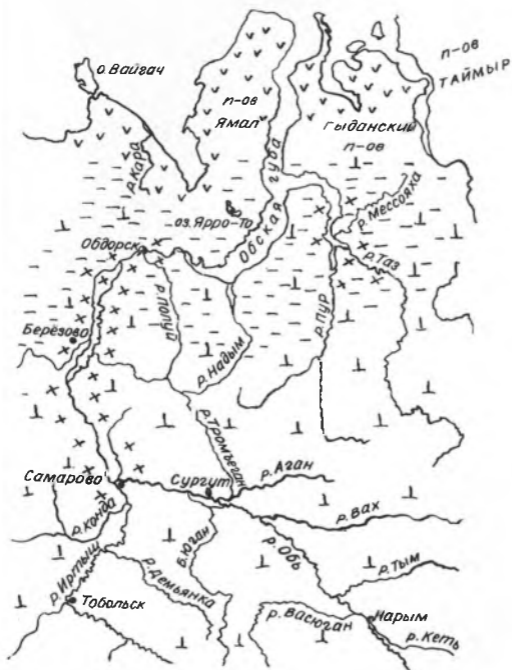

Рис. 13. Собаководство:

ездовое x x охотничье ⊥ ⊥ арктическое ∇ ∇
 араб: использование собаки-олегонки в XV—XVI вв. —

Рис. 14. Комплексы охоты.

Типы: арктический $\nabla\nabla$, тундровый $- -$, лесотундровый $\sim\sim$, таежный предуральный $x x$, северотасжский $| |$ (приречный \dots), среднетасжский $\perp\perp$ (приречный $\bullet\bullet$), таежно-ненецкий $\top\top$, южпотундровый $\bullet\bullet$.

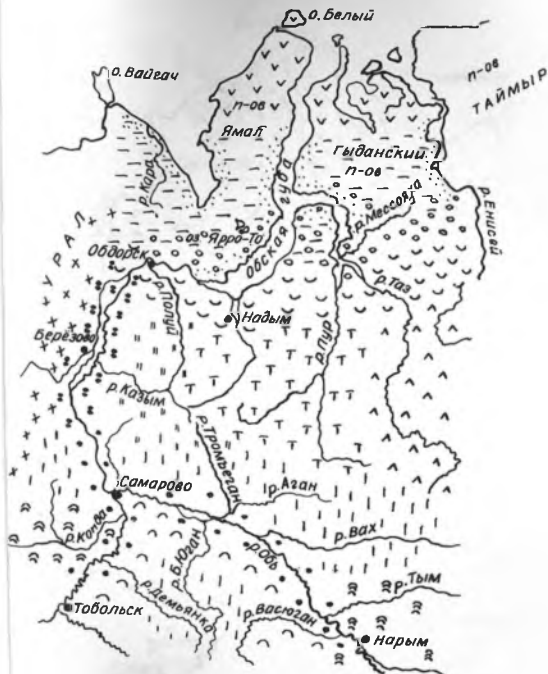

Рис. 15. Хозяйственные комплексы на рубеже XIX—XX веков.

Типы: арктический $\nabla\nabla$, южнотундровый $\circ\circ$ (прибрежно-тундровый $\circ\circ$), лесотундровый \dots , таежный предуральский $\times\times$, тундровый $---$, приречно-таежный $\bullet\bullet$ (северотаежный $\ddot{\bullet}\ddot{\bullet}$), глубинно-таежный $||$ (северохантыйский $||$), таежно-ненецкий $\top\top$ (североселькунский $\wedge\wedge$), южнотаежный $\circ\sim$ (кондинский $\circ\sim$, нарымский $\circ\sim$)

Рис. 16. Хозяйственные комплексы в ретроспекции.

Типы: арктический промысловый $\nabla \nabla$, тундровый промыслово-олениводческий $- -$, прибрежно-тундровый промысловый $\circ \circ$, таскино-самодийский промыслово-олениводческий $\top \top$, глубинно-таежный промысловый $| |$ (предгорный $\times \times$), приречно-таежный промысловый $\blacksquare \blacksquare$ (предуральный $\wedge \wedge$, северотаскинский $\ddot{\cdot} \ddot{\cdot}$, южно-самодийский $\frown \frown$)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. Промыслы</i>	18
1. Рыболовство	18
2. Морской зверобойный промысел	38
3. Промысел копытных	44
4. Пушной промысел	55
5. Промысел дичи и мелкого зверя	68
<i>Глава II. Производящие и вспомогательные отрасли</i>	75
1. Оленеводство	75
2. Собаководство	106
3. Коневодство	111
4. Собирательство и земледелие	115
<i>Глава III. Историческая типология хозяйства</i>	120
1. Хозяйственные комплексы на рубеже XIX—XX вв.	120
2. Факторы внешнего воздействия на хозяйство народов Северо-Западной Сибири в XVII—XIX вв.	132
3. Ретроспекция хозяйственных комплексов	147
Заключение	158
Примечания	166
Список сокращений	184
Приложение	185

Научное издание

Головнев Андрей Владимирович

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ
ХОЗЯЙСТВА НАРОДОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Редактор издательства *Л. А. Азяцева*
Художественный редактор *Т. И. Воронова*
Художник *А. Г. Лопатина*
Технический редактор *Л. Т. Шаранова*
Корректор *Л. А. Азяцева*

ИБ № 128

Сдано в набор 10.06.93. Подписано в печать 04.08.93. Формат 60×84 1/16. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 11,85. Усл. кр.-от. 12,19. Уч.-изд. л. 13,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 130.

Издательство Новосибирского университета
630058, Новосибирск, 58, ул. Русская, 35